

Иоанн Златоуст

Толкование на Евангелие от Иоанна

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436465

Толкование на Евангелие от Иоанна: Сибирская Благовонница; М.; 2010

ISBN 978-5-91362-331-7

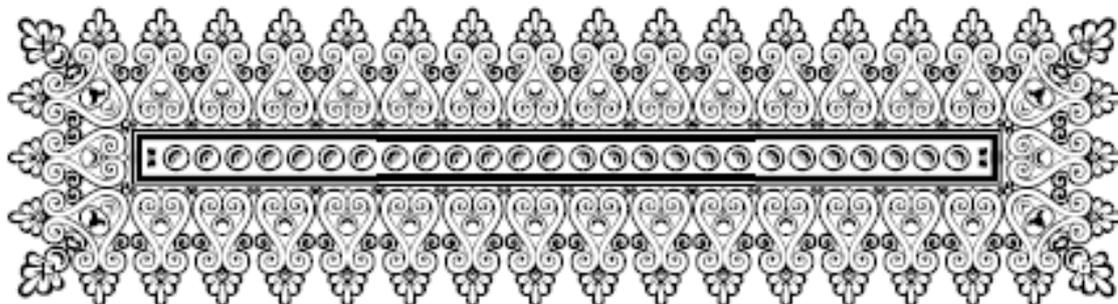
Аннотация

Святитель Иоанн Златоуст (347–407) является одним из величайших отцов Вселенской Церкви. Среди его огромного литургического и литературного наследия особенно выделяются составленные им изъяснения Священного Писания, которые до сих пор считаются одними из лучших толкований во всей мировой богословской литературе. Толкования великого пастыря на Евангелие от Иоанна, состоящие из 88 бесед, носят морально-практический характер. Говорящий в этих беседах силой Духа Святого и мощью своего слова Иоанн Златоуст стремится тронуть «спящее» сердце читающего его творения христианина и привести его к Богу.

Содержание

Беседа I	5
Беседа II	9
Беседа III	16
Беседа IV	24
Беседа V	30
Беседа VI	36
Беседа VII	38
Беседа VIII	41
Беседа IX	44
Беседа X	48
Беседа XI	52
Беседа XII	55
Беседа XIII	59
Беседа XIV	64
Беседа XV	69
Беседа XVI	73
Беседа XVII	78
Беседа XVIII	83
Беседа XIX	88
Беседа XX	92
Беседа XXI	96
Беседа XXII	101
Беседа XXIII	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Святитель Иоанн Златоуст Толкование на Евангелие от Иоанна

Беседа I

(Вступительная)

Похвала Евангелию от Иоанна. Его превосходство и польза. – Кто может понимать его. – Возвышенность Иоанна. – Как нужно слушать Евангелие. – Необходимость известного расположения к Слову Божию. – Не нужно бросать святыни псам. – Описание настроений, которые требуются для слушания Евангелия. – Нужно избегать театральных зрелищ и твердо стоять в единении с Богом и Церковью. – Должно иметь внимательный слух.

1. Зрители подвигов телесной борьбы, как скоро узнают, что пришел откуда-нибудь мужественный и уже увенчанный борец, все стекаются, чтобы видеть его ратоборство, искусство, силу. Тогда видишь, как на зрелище, наполненном бесчисленным множеством народа, все направляют чувственные и мысленные взоры, чтобы ничего тут не оставить без внимания. Если потом прибудет какой-нибудь замечательный музыкант, то опять те же самые люди наполняют зрелище, и, оставив все, что было у них в руках, иногда даже нужное какое-нибудь и настоящее дело, сидят на возвышении, и с большим вниманием слушают пение и музыку, испытывая их благозвучие. Так обыкновенно делает простой народ. А сведущие в словесных науках то же самое делают в отношении к софистам. И у тех есть свои зрелища и слушатели, рукоплескания и приговоры, и строгие испытания речей. Если же зрители борцов, зрители и вместе слушатели риториков и музыкантов сидят на зрелище с таким вниманием, то сколько усердия и внимания, по справедливости, должны вы оказывать, когда не певец какой-нибудь и не софист выходит на подвиг, но когда вещает муж с Небес и издает глас сильнее грома? Своим гласом он объял и наполнил всю вселенную, не потому, чтобы вопиял слишком громко, но потому, что двигал язык силою Божественной благодати. И то удивительно, что такой сильный голос нисколько не груб или неприятен, но приятнее и вожделеннее всякого музыкального созвучия, способен даже увлекать, и, сверх всего этого, он совершенно свят, достоин трепетного благоговения, преисполнен столь великими тайнами и доставляет столько благ, что принимающие и сохраняющие их со тщанием и ревностью уже как бы перестают быть людьми и не остаются на земле, но, становясь выше всего житейского и присоединяясь к лику ангельскому, живут на земле, как бы на Небе. Сын грома, возлюбленный (ученик) Христов, столп Церкви, сущих по вселенной, тот, кто имеет ключи Неба, кто испил чашу Христову и крещением Его крестился, кто с дерзновением возлег на перси Господни, – вот он ныне приходит к нам не с тем, чтобы представить какое-нибудь вымышленное зрелище или прикрывать себя личиною (не в таком роде он и говорить будет); не восходит он на возвышенное место, не ударяет ногою под музыку, не украшается позлащенной одеждою. Он входит в одежду, имеющей красоту безыскусственную; он является нам, облеченный во Христа, обув красные ноги свои в угощение благовествования мира; пояс – не на персях, но на чреслах, не из кожи пурпурного цвета, не золотом покрытый сверху, но сотканный и составленный из самой истины. Таков он ныне является нам, без всякого лицепрятия; нет у него ни притворства, ни вымыслов, ни басней, но с открытою главою он возвещает открытую истину. Будучи сам по себе таким, он не иное внушает и слушателям своим видом, взорами, голосом. Он не имеет нужды в каких-нибудь орудиях для вещания, как, например, в цитре, или лире, или в чем-нибудь подобном; но все совершает своим языком, издавая голос приятнее и гораздо полезнее всякой игры на цитре и (всякой)

музыки. Местом действия служит для него все небо; зрелищем – вселенная; зрителями и слушателями – все Ангелы и из людей те, которые подобны Ангелам или желают такими сделаться. Только такие могут отчетливо постигать это благозвучие, обнаруживать его и в делах (своих), и быть такими слушателями, какими надобно быть. Все другие, как малые дети, хотя и слушают, но не понимают того, что слушают, а увлекаются только удовольствиями и детскими играми. Так все люди веселые, роскошные, живущие для богатства, для почести и чрева, хотя и слушают иногда, что (им) говорят, но на деле не показывают ничего великого и возвышенного, потому что однажды навсегда прилепились к брению и праху. Апостола этого окружают Горние Силы, дивясь благообразию души его, разуму и красоте его добродетели, которою он привлек (к себе) и Самого Христа и получил благодать духовную. Настроив свою душу подобно благозвучной, украшенной драгоценными камнями и имеющей золотые струны лире, он достиг того, что чрез нее Духом возгласил нечто великое и возвышенное.

2. Итак, будем внимать не рыбаю, не сыну Зеведееву, но тому, кто ведает глубины Божии, то есть Духу, движущему эту лиру. Он ничего человеческого не будет говорить нам, но все, что ни скажет, будет из глубины Духа, из тех тайн, которых даже и Ангелы не знали прежде, нежели они совершились. И Ангелы вместе с нами чрез глас Иоанна и чрез нас научились тому, что мы познали. Это открыл другой Апостол, когда сказал: *да скажется ныне Началом и Блаstem на Небесных Церквию многообразная премудрость Божия* (Еф. 3, 10). Итак, если и Начала, и Власти, и Херувимы, и Серафимы познали это чрез Церковь, то очевидно, что и они с великим тщанием занимались этим поучением. Таким образом, мы и тем уже не мало почтены, что Ангелы вместе с нами научились тому, чего прежде не знали. А что (они узнали) и чрез нас, об этом пока не буду говорить. Итак, окажем и мы с своей стороны безмолвное благоговение, не ныне только и не на тот только день, когда слушаем, но в продолжение всей (своей) жизни, потому что слушать его всегда хорошо. Если нам желательно знать, что делается в чертогах царских, как, например, что делает или предпринимает царь касательно своих подданных, хотя часто это несколько не относится к нам, то не гораздо ли более вожделенно слышать, что изрек Бог, и особенно когда все это нас касается? А все это Апостол (Иоанн) с точностию скажет нам, как друг Самого (Небесного) Царя или, лучше, как такой муж, который имеет в себе Его Самого говорящего и от Него слышал все, что Он – от Своего Отца. *Вас жерекох други*, говорил Он, *яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам* (Ин. 15, 15). Итак, подобно тому, как если бы мы вдруг увидели кого-нибудь, сходящего свыше, с высоты Неба, и обещающего сказать нам в точности, что там (происходит), и, конечно, все стеклись бы к нему, подобно тому поступим и ныне. Именно с Неба беседует с нами этот муж. Он не от мира, как говорит и Сам Христос: *вы несте от мира сего* (см.: Ин. 15, 19). В нем вещает Утешитель вездесущий и с такою же точностию ведущий *Божия*, с какою душа человеческая знает в себе *свое*, – Дух святости, Дух правый, владычественный, руководящий на Небеса, дающий другие очи, способные видеть будущее как настоящее, и сподобляющий нас еще во плоти созерцать то, что есть на Небесах. Итак, будем оказывать ему безмолвное внимание в продолжение всей нашей жизни. Никто пусть не остается здесь ленивым, сонливым, нечистым. Переселимся к Небесам, потому что он вещает только там и только тем, которые там обитают. А если будем оставаться на земле, то не получим отсюда никакой важной пользы. Слова Иоанна не относятся к тем, которые не хотят отстать от жизни скотской, точно так же, как и его не касаются здешние дела. Гром поражает наши души, имея и незначительный звук, а его голос не устрашает никого из верных; напротив, еще освобождает от страха и смущения душевного и поражает только демонов и тех, которые им работают. Итак, чтобы нам видеть, как он их поражает, сохраним безмолвие, как внешнее, так и внутреннее, особенно внутреннее. Какая, в самом деле, польза, когда уста безмолвствуют, а душа возмущается и имеет в себе сильную бурю? Я ищу без-

молвия в душе, в помыслах, так как и внимательного требую слуха. Да не увлекает же нас страсть к богатству, ни любовь к славе, ни сила гнева, ни волнение других страстей. Невозможно слуху неочищенному уразуметь как должно высоту изреченных глаголов, уразуметь, или познать, как следует, силу этих страшных и неизреченных тайн и всякое добро, заключающееся в этих Божественных изречениях. Если нельзя хорошо изучить игры на свирели и цитре, не устремив к тому всего ума, то как возможно выразуметь таинственный глас слушателя, сидящему с безпечною душою?

3. Так и Христос научает: *не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших пред свиньями* (Мф. 1, 6). Бисером он называл эти самые речения¹, хотя они гораздо драгоценнее бисера, и называл только потому, что у нас нет ничего, ценнее этой вещи. Потому и сладость слова Писание часто имеет обычай сравнивать с медом, не потому, чтобы такова только была ее мера, но потому, что у нас нет ничего другого, слаще меда. А что оно несравненно превосходит и драгоценность камней, и сладость всякого меда, послушай, как Пророк говорит о нем, показывая его превосходство. *Вожделенны, говорит он, паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. 18, 11). Но это только для здоровых, – почему и присовокупил Пророк: *ибо раб Твой хранит я* (ст. 12). И опять в другом месте, назвав их сладкими, присовокупил: *гортани моему. Коль сладка, говорит он, гортани моему словеса Твоя* (Пс. 118, 103). И еще, выражая их превосходство, говорит: *паче меда и сота устом моим*, – потому что он имел крепкое здравие душевное. Так и мы не будем приступать к ним в болезни, но, уврачевав сперва душу, примем эту пищу. Для того я так много и говорю предварительно, еще не касаясь самих изречений Евангелия, чтобы каждый освободился от всякого вида болезни и, таким образом, как бы взошел на самое Небо, взошел чистым, отложив гнев, заботы, житейские тревоги и все иные страсти. Не очистив таким образом предварительно души, невозможно получить отсюда никакой важной пользы. И никто не говори мне, что мало времени до будущего собрания. Не только в пять дней, но в одну минуту можно переменить всю свою жизнь. Скажи мне, есть ли что хуже разбойника и человекоубийцы? Не крайняя ли это степень зла? И, однако ж, разбойник вдруг взошел на высоту добродетели и перешел в самый рай, не имея для этого нужды ни во многих днях, ни даже в половине одного дня, довольно было для этого одной минуты. Следовательно, можно вдруг перемениться и сделаться златым, вместо брэнного. Так как добродетель и порок происходят не от природы, то и перемена легка и не подвержена никакому насилию. *Аще хотите и послушайте Мене*, говорит Бог, *благая земли снесите* (Ис. 1, 19).

Видишь ли, что нужно одно только хотение? Но хотение – не обыкновенное, общее многим, а тщательное. Я знаю, что ныне все желают воспарить на Небо; но надобно доказать это желание в самих делах. И купец, желая обогатиться, не останавливает своего желания только на одной мысли, но снаряжает корабль, собирает корабельщиков, приглашает кормчего, снабжает судно всем, что нужно, берет взаем золото, переплывает море, отправляется в чужую землю, претерпевает множество опасностей и все прочее делает, что известно мореплавателям. Так и мы должны доказывать свое желание. И мы ведь совершаем плавание, не из (одной) земли в (другую) землю, но от земли к Небу. Соделаем же ум наш способным к управлению, так, чтобы он возносил нас горе, а корабельщиков сделаем послушными ему; снарядим крепкий корабль, которого не могли бы потопить злоключения и скорби житейские, который не воздымался бы духом надмения, но был легок и скор в плавании. Если мы устроим таким образом корабль, кормчего и корабельщиков, то будем плавать благополучно и преклоним к себе истинного Кормчего – Сына Божия, Который не допустит наше судно погрузиться (в бездну), но, хотя бы дули тысячи ветров, Он и ветрам запретит, и морю, и вместо бури сотворит великую тишину.

¹ То есть Евангелие.

4. Приготовив себя таким образом, приходите в следующее собрание, если только вам желательно услышать что-нибудь полезное и сохранить слово в душе своей. Никто да не будет подобен проходной стезе (см.: Лк. 8, 5, 12), никто да не будет камнем, никто – полным терний. Соделаем себя как бы новосделанными нивами. Тогда и мы, если увидим в вас землю чистую, будем с ревностью бросать семена; если же – грубую и каменистую, то простите нам, если не захотим напрасно трудиться. А если, оставив сеяние, начнем исторгать терния, то опять будет неблагоприятно бросать в невозделанную землю. Наслаждающемуся таким слушанием не должно приобщаться трапезы бесовской: *кое бо причастие правде к беззаконию?* (2 Кор. 6, 14). Ты стоял здесь, слушая Иоанна и чрез него внимая учению Духа, и после этого идешь слушать блудных женщин, произносящих речи постыдные, а еще постыднейшие дела представляющих на зрелище, также изнеженных юношей, которые взаимно друг друга бьют и бьются. Как же ты можешь вполне очиститься, оскверняемый такую грязью? Но для чего изображать по частям весь срам, какой там бывает. Всё там – смех, всё – стыд; там – ругательство, насмешки, выходки; всё – разврат, всё – пагуба. Вот я наперед об этом говорю и объявляю всем вам. Никто из наслаждавшихся здешнею трапезою да не растлевет души своей теми пагубными зрелищами. Все, что там ни говорится и ни делается, есть сатанинская гордыня. Знаете вы, сподобившиеся Таинства (крещения), какие между нами положены обеты или, лучше сказать, в какой завет вы вступили со Христом, когда Он сподоблял вас Своих Таинств? Что вы пред Ним говорили? Что вы сказали Ему о гордыне сатанинской? Как вы, с отречением от сатаны и ангелов его, отреклись и от всей гордыни его и обещали более уже не уклоняться к ней? Итак, не мало нужно заботиться, чтобы не забывать столь великих обетов и не делать себя недостойным таких Таинств. Не видишь ли, как при царском дворе призываются к участию в совете царском и включаются в число друзей царевых только люди, ни в чем не преткнувшиеся и достоуважаемые. К нам пришел посланник с Неба, посланный от Самого Бога для того, чтобы сказать нам о некоторых необходимых предметах. А вы, оставив слушать то, что он хочет нам передать и для чего уполномочен к нам, сидите, слушая лицедеев. Каких достойно это молний, каких громов! Но как не должно приобщаться трапезе бесовской, так не должно принимать участия и в слушании бесовском, в нечистой одежде приходите к светлой трапезе, обильной столь многими благами, – трапезе, которую уготовал Сам Бог. Такова ее сила, что она вдруг может вознести на самое Небо, если только мы будем внимать с чистым сердцем. Итак, неприлично тому, кто часто оглашается Божественными словами, оставаться в настоящем низком состоянии, но необходимо тотчас воспарить, взлететь в самую Горную страну и насладиться сокровищами бесчисленных благ, которые да сподобимся получить все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа II

В начале бе Слово (1, 1)

Изъяснение 1, 1. Внешние философы в сравнении с евангелистом Иоанном. – Бедность и не – ученость его и в то же время несравненное превосходство его на первыми. – Варварские народы, восприняв христианство, научились любомудрствовать. – Против учений философов и особенно против учения о переселении душ. – Почему Иоанн говорит о Боге Сыне, не касаясь Бога Отца. – В чем истинное любомудрие? – Ум не может одновременно размышлять о нескольких предметах. – С каким вниманием следует читать Евангелие святого Иоанна.

1. Если бы Иоанн хотел сам с нами беседовать или говорить нам что-либо свое, от себя, то нужно было бы сказать о роде его, об отечестве, о воспитании. Но так как не он, а Сам Бог чрез него вещает роду человеческому, то исследовать это представляется мне излишним и неуместным. Впрочем, может быть, это и неизлишне, и даже весьма нужно. Когда узнаешь, кто он был, откуда и от кого происходил и каков был сам по себе, потом услышишь его глас и все его любомудрие, – тогда ясно увидишь и то, что Евангелие было не собственным его произведением, но делом Божественной силы, которая действовала в душе его. Итак – какое же было его отечество? Отечества у него не было почти никакого; он происходил из бедного селения, из страны, самой в то время презренной, которая не имела в себе ничего хорошего. Книжники в унижение Галилеи говорили: *испытай и виждь, яко пророк от Галилеи не приходит* (Ин. 7, 52). Унижает ее и истинный израильтянин, говоря: *от Назарета может ли что добро быти?* (Ин. 1, 46). Будучи из такой страны, Иоанн не происходил и из какого-нибудь замечательного в ней места и не был там известен по своему имени. Отец его был бедный рыбарь, до того бедный, что и детей своих приготавливал к тому же ремеслу. А вы знаете, что ни один ремесленник не захочет добровольно сделать своего сына наследником собственного ремесла, если только не будет принужден к тому крайнею бедностию, особенно если ремесло его низко. Но нет беднее, нет презреннее, невежественнее рыбаблей; впрочем, и между ними одни выше, а другие ниже. Апостол и в этом отношении занимал самую последнюю степень. Он и не в море ловил рыбу, а трудился в одном небольшом озере. И вот, когда он там находился вместе с отцом и Иаковом, братом своим, и чинил с ними прорванные сети, что также показывало крайнюю бедность, – призвал его Христос. А что касается до внешнего образования, то и отсюда уже можно заключать, что он был вовсе необразован. Притом свидетельствует (об этом) и Лука, когда пишет, что он был человек не только простой, но и безграмотный. И это должно быть так; кто был так беден, не являлся среди народа, никогда не обращался с значительными людьми, но был занят только рыболовством, а если иногда и встречался с кем-нибудь, то беседовал разве с покупщиками рыбы и поварами, – тот могли сделаться чем-нибудь лучше неразумных животных? Как было ему не подражать безгласию самих рыб? И вот этот-то рыбарь, вращавшийся около озера, сетей и рыб, родом из Вифсаиды галилейской, сын бедного рыбаля, и бедного до крайнего убожества, человек простой, и притом на последней степени простоты, не изучавший наук ни прежде, ни после соединения со Христом, – вещает к нам. Узнаем же, о чем он с нами беседует. Не о том ли, что на полях? Или – что в реках? Не о торговле ли рыбою? Иной, может быть, и ожидал бы услышать это от рыбаля. Но не бойтесь, ничего подобного мы не услышим. А услышим о том, что на Небесах

и чего прежде его еще никто не знал. Он приносит к нам столь возвышенные догматы, столь превосходные правила жизни и такую мудрость, какие возможны только для вещающего из самых глубин Духа, и вещает так, как только что пришедший с самых Небес. Еще более: и из живущих на Небе, как я и прежде говорил, не все могли бы это знать. Скажи же мне, свойственно ли это рыбаю? Или хотя бы ритору, или софисту, или философу, или вообще всякому, изучившему внешнюю мудрость? Нет; обыкновенному человеческому духу невозможно любомудрствовать так о вышнем бессмертном и блаженном Существо, о ближайших к нему силах, о бессмертии и бесконечной жизни, о естестве тел смертных, но впоследствии имеющих соделаться бессмертными, о будущем Суде и наказании, о предстоящих отчетах в словах и делах, в мыслях и чувствах, также – знать, что такое человек и что – мир, что такое человек по существу и что такое – кажущийся человеком, но не таковой на самом деле, что такое порок и что – добродетель.

2. Некоторые из этих предметов были исследуемы учениками Платона и Пифагора, а о прочих философах не стоит даже и упоминать нам, – до такой степени все они стали смешны. Именно они более других пользовались у эллинов уважением и считались главами этой науки. Они же, между прочим, написали нечто и относительно жизни гражданской и законов. Однако ж и они, к стыду своему, оказались во всем смешнее детей. Они вводили общих для всех жен; извращали самую жизнь; повреждали честность брака; узаконяли и многое другое, столько же достойное смеха, и таким образом провели всю свою жизнь. Что же касается до души, то они оставили учение о ней самое постыдное: говорили, что души человеческие делаются мухами, комарами, деревьями, утверждали, что Сам Бог есть душа, и вымышляли многие другие нелепости. И не это одно достойно порицания, а также обширное у них море умозаключений. Как бы в море носимые туда и сюда, они никогда не останавливались на одном предмете, потому что обо всем говорили на основании неверных и нетвердых умствований. Но не таков этот рыбаю; он все изрекает с точностию и, как бы стоя на камне, никуда не совращается. Он удостоился проникнуть в самые недоступные тайны и, имея в себе глаголющего Самого Господа, не подвергся никаким человеческим слабостям. А те философы, как люди, которые даже во сне не удостоились войти в царские чертоги, но вне их на площади оставались в толпе народа и только по собственным соображениям гадали о невидимых предметах, – те впадали в великие заблуждения, когда хотели рассуждать о неизреченных предметах, и, как слепые и пьяные, даже в самих заблуждениях препирались друг с другом, и не только противоречили друг другу, но нередко и сами себе, непрестанно перемня свои мнения об одних и тех же предметах. А этот неученый, простой житель Вифсаиды, сын Зеведея (хотя бы тысячу раз эллины насмеялись над грубостию этих названий, я тем не менее и даже тем с большею смелостию буду произносить их, так как, чем более этот народ представляется им грубым и чуждым эллинского образования, тем более славным является наше учение. Когда человек необразованный и некнижный возвещает то, чего никогда и никто из людей на земле не знал, и не только возвещает, но и убеждает, тогда, если бы только и вещал он, то и это уже было бы великим чудом; а если ныне, сверх того, представляется еще другое важнейшее доказательство богодухновенности его глаголов, именно, что он всех своих слушателей во всякое время убеждает, – то кто не подивится обитающей в нем силе? И это, как я уже сказал, служит величайшим свидетельством того, что он не сам от себя учит), – итак, этот-то необразованный человек написанным от него Евангелием объял всю вселенную, а телом пребывал в Азии, где в древности любомудрствовали все, принадлежавшие к эллинским школам. Там он был страшен для демонов, сияя среди врагов, уничтожая их мрак и разрушая твердыни демонские. Душою же своею он переселился в иную страну, достойную совершившего такие дела. Произведения эллинов все истребились и исчезли; а его деяния с каждым днем становятся более и более славными. С того времени, как явился он и с ним прочие рыбаю, с того времени учение Платона и Пифагора, которое

прежде почиталось господствующим, умолкло, так что (ныне) многие далее и по имени их не знают, хотя Платон, как говорят, и с царями беседовал, по их приглашению, имел много единомышленников и плывал в Сицилию. А Пифагор, по прибытии в великую Элладу, показал здесь много разных родов чародейства. Ведь разговаривать с волами (говорят, что он и это делал) было не иное что, как дело волшебства. И это в особенности очевидно из того, что, беседуя таким образом с неразумными, он не только не приносил никакой пользы человечеству, но еще весьма много вредил ему. Природа человеческая, конечно, способнее к изучению философии, но он, как говорят, при помощи волхвования беседовал с орлами и волами. Он не делал природы неразумной разумною (это и невозможно для человека), а волхвованием только обманывал неразумных. Оставив учить людей чему-нибудь полезному, он внушал им, что все равно – есть бобы или головы своих родителей, а своих последователей уверял, что душа учителя их иногда бывала деревом, иногда – девицею, иногда – рыбою. Итак, не по справедливости ли все это уничтожено и исчезло совершенно? По справедливости, вполне основательно. Но не таково учение этого простого и некнижного человека. Напротив, и сириане, и египтяне, и индийцы, и персы, и эфиопы, и множество других народов, будучи людьми невежественными, научились любомудрствовать, когда переложили на свой собственный язык преподанное им учение.

3. Итак, не напрасно я сказал, что для него вся вселенная была местом зрелища. Он не оставлял подобных себе по естеству и не трудился напрасно над природою бессловесных, что было делом излишнего честолюбия и крайнего безумия. Он, будучи чистым и от этой страсти, как и от других, только о том одном старался, чтобы вся вселенная научилась чему-нибудь полезному, могущему возвести ее от земли на Небо. Поэтому он и не прикрывал своего учения каким-нибудь мраком и тьмою, как те философы делали, закрывая неясностию учения, как бы некоторою завесою, зло, заключавшееся в сущности его. Его догматы яснее солнечных лучей, и потому доступны для всех людей по вселенной. Приходившим к нему он не повелевал, подобно тому (Пифагору), молчать в продолжение пяти лет; не так учил, как бы сидели пред ним бесчувственные камни, не баснословил, все определяя числами. Но, отвергнув всю эту сатанинскую мерзость и гибель, сообщил такую удобопонятность своим словам, что все, сказанное им, ясно не только для мужей и людей разумных, но и для женщин и юношей. Он был уверен, что учение его истинно и полезно для всех, кто будет слушать, – и это свидетельствуют все последующие времена. Он привлек к себе всю вселенную, освободил жизнь нашу от всякого чуждого вымысла, после того как мы услышали его проповедь. Поэтому-то мы, слушающие его, пожелали бы лучше лишиться жизни, нежели догматов, которые он преподавал нам. А отсюда, как и отовсюду, очевидно, что в учении его нет ничего человеческого, но что наставления, дошедшие до нас чрез эту божественную душу, божественны и небесны. Мы не найдем у него ни шума слов, ни напыщенности в речи, ни излишнего и бесполезного украшения и сочетания имен и слов (да это чуждо и всякого любомудрия); но увидим непреоборимую, Божественную силу, правых догматов непобедимую крепость, сочетание бесчисленных благ. Искусственность была бы излишня в проповеди Евангелия; она свойственна софистам, лучше же сказать – и не софистам, а неразумным детям, так что и сам их философ (Платон) представляет своего учителя весьма стыдящимся этого искусства и говорящим своим судьям, что они услышат от него речи, произносимые просто и как случится, не изукрашенные словами и не испещренные именами и выражениями, – потому что, говорил он, неприлично мне было бы, достопочтенные мужи, в таком возрасте составлять детские речи и с ними приходиться к вам. Но посмотри, какой смех! Чего, по описанию этого философа, учитель его избегал, как дела детского, того сам он более всего домогался. Так-то во всех случаях водились они одним честолюбием! А в Платоне ничего нет удивительного, кроме этого одного. Подобно тому, как, открыв гробы, отвне повапленные, ты увидишь, что они наполнены тлением и зловонием и сгнившими костями, подобно

этому и в мнениях этого философа, если обнажишь их от прикрас в выражении, увидишь много мерзости, особенно когда он философствует о душе, без меры и превознося ее, и унижая. Дьявольская это хитрость – ни в чем не соблюдать умеренности, но, увлекая в противоположные крайности, вводит в заблуждение. Иногда он говорит, что душа причастна Божескому существу; а иногда, возвысив ее так неумеренно и так нечестиво, оскорбляет ее другою крайностию, вводя ее в свиней и ослов, и в других животных, еще хуже. Но об этом довольно или, лучше сказать, и то уже чрез меру. Если бы можно было научиться от них чему-нибудь полезному, то следовало бы и более ими заняться. А так как нужно было только обнаружить их постыдные и смешные стороны, то и это сказано нами более надлежащего. Итак, оставив их басни, приступим к нашим догматам, свыше принесенным к нам в устах этого рыбака и ничего человеческого не имеющим. Станем же рассматривать его изречения и, к чему призывали мы вас вначале, то есть чтобы вы тщательно внимали словам нашим, то же самое напоминаем вам и теперь. Итак, чем же начинается евангелист свое сказание? *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу.*

Видишь ли ты в этом изречении все его дерзновение и силу? Как он вещает, нисколько не колеблясь, не ограничиваясь догадками, но все говоря положительно? Свойство учителя – не колебаться в том, что сам он говорит. А если бы кто, желая наставлять других, нуждался в человеке, который бы мог поддерживать его самого, то, по справедливости, ему следовало бы занимать место не учителя, а учеников. Если же скажет кто-нибудь: почему евангелист, оставив первую Причину, тотчас начал беседовать с нами о второй? – то говорить о *первом* и *втором* мы отказываемся. Божество выше числа и последовательности времен, поэтому и отрекаемся говорить так, но исповедуем Отца самосущего и Сына, от Отца рожденного.

4. Так, скажешь ты; но почему же (евангелист), оставив Отца, говорит о Сыне? Потому, что Отец был всеми признаваем, хотя и не как Отец, а как Бог; но Единородного не знали. Поэтому-то и справедливо евангелист поспешил тотчас, в самом начале, предложить познание о Нем для тех, которые не ведали Его. Впрочем, и об Отце он не умолчал в этих же словах. Обрати внимание на духовный смысл их. Знал он, что люди *искони* и прежде всего признавали и чтили Бога. Поэтому сперва и говорит (о бытии Сына): *в начале*, а потом далее называет Его и Богом, но не так, как Платон, который одного называл умом, а другого душою. Это чуждо Божественного и бессмертного естества. Оно не имеет ничего общего с нами, но весьма далеко от общения с тварию, – разумею по существу, а не по действиям. Поэтому-то евангелист и называл Его Словом. Имея намерение вразумить (людей), что это Слово есть Единородный Сын Божий, евангелист, чтобы кто-нибудь не предположил здесь страстного рождения, предварительно наименованием Сына Словом уничтожает всякое злое подозрение, показывая и то, что Он есть от Отца Сын, и то, что Он (рожден) бесстрастно.

Видишь ли, как я сказал, что в словах о Сыне он не умолчал и об Отце? Если же этих объяснений недостаточно для совершенного уразумения этого предмета, не удивляйся: у нас теперь речь о Боге, о Котором невозможно достойным образом ни говорить, ни мыслить. Поэтому и евангелист нигде не употребляет выражения: существо, – так как и невозможно сказать, что есть Бог по Своему существу, – но везде показывает нам Его только из Его действий. Так видим, что это Слово немного после называется у него Светом, и опять Свет этот именуется Жизнью. Впрочем, не по этой одной причине он так называл Его, но, во-первых, по этой причине, а во-вторых, потому, что Слово имело возвестить нам об Отце. *Вся, елика слышал от Отца, сказано, возвестил вам* (см.: Ин. 15, 15). Называет же Его вместе и Светом, и Жизнью потому, что Он даровал нам свет ведения, а отсюда – жизнь. Вообще же нет ни одного такого имени, нет таких ни двух, ни трех и более имен, которые были бы достаточны для выражения того, что касается Божества. По крайней мере желательно, чтобы хотя многими (именами), хотя и не вполне ясно, можно было изобразить Его свойства. Не просто

же евангелист назвал Его Словом, а с прибавлением члена (ὁ)², отличая Его и этим от всех других (существ).

Видишь ли, как не напрасно я сказал, что этот евангелист вещает нам с Небес? Смотри, куда он тотчас, в самом начале, воспарив, возвел душу и ум своих слушателей. Поставив ее выше всего чувственного, выше земли, выше моря, выше неба, он возводит ее превыше самих Ангелов, горних Херувимов и Серафимов, выше Престолов, Начал, Властей и вообще убеждает ее вознестись выше всего сотворенного. Что же? Ужели, возведши на такую высоту, он мог остановить нас здесь? Никак. Но подобно тому, как если бы человека, стоящего на берегу моря и обозревающего города, берега и пристани, привел кто-нибудь на самую середину моря и тем, конечно, удалил бы его от прежних предметов, однако ж ни на чем не мог бы остановить взора его, а только ввел бы его в неизмеримое пространство зрения, – так и евангелист, возведши нас выше всякой твари, устремив нас к вечности, ей предшествовавшей, оставляет взор наш носиться, не давая ему достигнуть в высоте какого-либо конца, так как там и нет конца. Разум, восходя к началу, испытывает, какое это начало. Потом, встречая: *бе*, всегда предваряющее его мысль, не находит, где бы ему остановить свой помысл, но, напрягая взор и не имея возможности ничем его ограничить, утруждается и опять возвращается долу. Выражение: *в начале бе* означает не что иное, как бытие присущее и беспредельное. Видишь ли истинное любомудрие и догматы божественные, – не такие, как у эллинов, предполагающих времена и признающих одних богов старшими, других младшими? Ничего подобного нет у нас. Если Бог *есть*, как и действительно *есть*, то ничего нет прежде Его. Если Он – Творец всего, то Он – первое всего. Если он – Владыка и Господь всего, то все – после Него, и твари и веки. Хотел я дойти и до других рассуждений, но, может быть, утомилась (ваша) мысль. Поэтому, предложив еще некоторые наставления, которые могут быть полезны вам для разумения как уже предложенных бесед, так и будущих впоследствии, я замолкну. Какие же это наставления? Знаю, что многие утомляются от продолжительности бесед. Но это бывает тогда, когда душа обременена многими житейскими попечениями. Как зрение, когда оно чисто и ясно, бывает остро и не утомляется, легко рассматривая мельчайшие предметы, но как скоро какая-нибудь дурная влага стекает с головы (на лицо) или снизу поднимается дым или пар, то пред зрачком образуется как будто густое облако, которое не позволяет ясно видеть и самых больших предметов, так обыкновенно бывает и в душе. Когда она очищена и не имеет в себе никакой возмутительной страсти, тогда она зорко видит то, на что ей взирать должно. Когда же она, будучи помрачена страстями, погубит свою доблесть, тогда неспособна делается ни к чему высокому, скоро утомляется и падает, склоняется ко сну и лени, опускает из виду то, что могло бы способствовать ей к добродетели и жизни добродетельной, и не обращается к ней с ревностью.

5. Итак, чтобы и с вами этого не случилось (я же не перестану внушать вам это), укрепите дух ваш, чтобы не услышать вам тех же слов, какие сказаны были Павлом верующим евреям. И для них, говорил он, *многое было слово и неудобь сказанное глаголати*, – не потому, чтобы таково оно было по существу своему, но *понеже*, говорит он, *вы немощны бысте слухи* (Евр. 5, 11). Больной и немощной обыкновенно утруждается также кратким, как и продолжительным словом и предметы ясные и удобопонятные считает труднодостижимыми. Но здесь да не будет ничего такого; но пусть каждый внимает учению, отложив всякое житейское попечение. Когда слушателем овладевает пристрастие к богатству, то невозможно, чтобы его занимало подобным образом и желание слушать поучения, потому что душа, сама в себе единая, не может вмещать в себе многих желаний, но одно желание подавляется другим, и душа, таким образом как бы разрывающаяся, делается еще слабее. Между тем если какое-либо желание преобладает, то уже все обращает в свою пользу. Так обыкновенно

² В греческом тексте: ὁ Λόγος.

случается и с детьми. Когда кто имеет у себя только одно дитя, то крайне любит этого одного; когда же делается отцом многих детей, то и расположенность его к ним, разделившись, становится слабее. Если же так бывает там, где господствует естественное влечение и сила и где любимые предметы сродны между собою, то что сказать о произвольном расположении и увлечении, и особенно когда виды любви прямо противоположны один другому? А любовь к богатству противна любви к поучениям. Входя сюда, мы входим на Небо, не по месту, разумю, но (по душевному) расположению. Ведь можно, и находясь на земле, стоять на Небе, созерцать тамошние предметы и слушать исходящие оттуда глаголы. Итак, никто не приносит на Небо ничего земного. Никто, стоя здесь, не озабочивайся делами домашними. Отсюда бы надлежало переносить в дом и на торжище пользу, здесь приобретенную, и сохранять ее там, а не это место наполнять попечениями, свойственными дому и торжищу. Для того-то мы и приступаем к учительской кафедре, чтобы здесь очищать скверны, отвне к нам приходящие. Если же и среди этого малого поучения мы хотим растлеваться посторонними речами или делами, то лучше бы и не начинать. Пусть же никто в церкви не печется о делах домашних; напротив, пусть и в доме размышляет о предметах церковного учения. Пусть они будут для нас предпочтительнее всего, так как они относятся к душе, а те (домашние дела) к телу; лучше же сказать – и душе, и телу полезны здешние поучения. Поэтому пусть будут они делом главным, а все прочее – делом мимоходным. Они принадлежат и настоящей жизни, и будущей, а дела внешние – ни той, ни другой, если не располагаются по правилам, основанным на первых. Здесь единственно можно научиться не только тому, чем будем мы после этой жизни и как тогда будем жить, но и тому, как управлять жизнь настоящую. Этот дом есть духовная лечебница, устроенная для того, чтобы в ней врачевали мы те раны, которые получаем отвне (в мире), а не для того, чтобы выходить отсюда с новыми ранами. Если же мы не станем внимать тому, что глаголет нам Дух Святой, то не только не очистим прежних ран, но еще и другие получим. Будем же со всем тщанием внимать этой книге, теперь пред нами раскрываемой. Впоследствии не много потребно будет труда (для ее изучения), если тщательно мы узнаем ее начальные и основные изречения, но, потрудившись немного вначале, будем потом в состоянии, по слову Павла, *и иных научити*. Апостол Иоанн весьма возвышен, обилен многими догматами и о них беседует более, нежели о чем-нибудь другом. Будем притом слушать не мимоходом. Для того-то мы и изъясняем (Евангелие) понемногу, чтобы для вас все было удобопонятно и чтобы ничто не выходило из памяти. Убоимся же сделаться виновными пред тем голосом, который сказал: *аще не бых пришел и глаголах им, греха не быша имели* (Ин. 15, 22). Какое мы будем иметь преимущество пред теми, которые вовсе не слышали (Евангелия), если и после слушания уйдем домой, ничего не имея, а только удивляясь произнесенным словам? Дайте нам сеять на добрую землю; дайте для того, чтобы еще более побудить нас (к сеянию). Если кто имеет в себе терние, пусть воспламенит огонь Духа; кто имеет сердце грубое и упорное, пусть сделает его мягким и удобопреклонным, пользуясь тем же огнем. Если кто, находясь при пути, попирается всякими помыслами, пусть входит во внутреннейшие чувства и не сообщается с теми, которые хотят войти туда на расхищение, и тогда мы увидим нивы ваши тучными. Если таким образом мы будем о себе заботиться и с трудолюбием прилежать к этому духовному собеседованию, то хотя и не вдруг, по крайней мере мало-помалу, отрешимся от всего житейского. Будем внимательны, чтобы не было и о нас сказано: *яко аспида глуха уши их* (см.: Пс. 57, 5). Скажи мне, чем различается от зверя такой слушатель? Напротив, не бессловеснее ли всякого бессловесного тот, кто остается невнимательным, когда говорит Бог? Если быть человеком в том состоит, чтобы благоугождать Богу, то не хотящий даже слышать о том, как это исполнить, что есть иное, как не зверь? Подумай же, как велико это зло, если тогда, как Христос желает сделать нас из людей равноангельными, мы сами себя превращаем из людей в зверей! Быть рабом чрева, быть одержиму страстию к богатству, гневаться, терзать, попирачь ногами других, –

свойственно не людям, а зверям. Впрочем, каждый зверь имеет, так сказать, свою особенную страсть, и притом по природе, а человек, свергший с себя власть разума, отторгшийся от жизни по Боге, предаёт себя всем страстям, и делается уже не зверем только, но каким-то чудовищем разнovidным и разнохарактерным, и в самой природе своей уже не находит для себя извинения. Всякое зло происходит от произволения и свободных намерений. Но да не будет, чтобы когда-либо помыслить это о Церкви Христовой! О вас мы думаем лучше, и имеем надежду спасения. Но, чем более мы уверены в этом, тем более не оставим предохранительных внушений, чтобы, взошедши на самый верх добродетелей, достигнуть нам с вами обетованных благ, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

Беседа III

В начале бе Слово (1, 1)

Изъяснение 1, 1. О посвящении Господу одного из семи дней недели. – Какое воспитание должно давать юношеству. – Мнение еретиков – ариан о Боге Слове. – Доказательства вечности Слова. – Против тщеславия. – Производимое им зло. – Ему приносят в жертву свои богатства. – Ради него делают все в угоду народу. – Слава народа есть истинная слава. – Как нужно поступать с толпой. – Пусть один Бог будет зрителем и хвалителем добрых дел.

Излишне было бы теперь убеждать вас к внимательному слушанию. Вы уже поспешили показать это на самом деле. Это стечение, это стояние с напряженным вниманием, эта поспешность, оттесняя друг друга, занять ближайшее место, откуда внятнее для вас был бы слышен наш голос, нежелание выйти отсюда, несмотря на тесноту, пока не окончится это духовное зрелище, рукоплескания и возгласы одобрения, – все свидетельствует о вашей душевной теплоте и усердии к слушанию. Потому-то и излишне увещевать вас к слушанию, а нужно только внушить вам, чтобы вы и всегда сохраняли в себе такое усердие, и не только бы здесь его показывали, но чтобы, и дома находясь, муж с женою, отец с детьми беседовали об этом; пусть одни передают другим и спрашивают друг друга, и пусть все оказывают взаимно такую добрую помощь. Никто не говори мне, что нам не нужно заниматься этим с детьми. Не только этим должно заниматься, но об этом только одном и надобно бы вам заботиться. Однако ж, ради немощи вашей, я уже не говорю этого; я и не отвожу детей от посторонних занятий, также как и вас не отвлекаю от общественных дел. Я считаю только справедливым, чтобы из семи дней один посвящен был общему нашему Господу. В самом деле, как это несообразно – рабам своим приказывать, чтобы они все время служили нам, а нам самим не уделить и малейшего времени для Господа, и притом тогда как наше служение не приносит Ему ничего (потому что Бог ни в чем не нуждается) и только нам же самим обращается в пользу! Когда вы водите детей на зрелище, то не находите препятствия к этому ни в науках, ни в другом чем-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дело называете бездельем. Как же вы не прогневаете Бога, когда во всем другом упражняете своих детей и на то находите время, а занимать их делом Божиим считаете тягостным и неблагоприятным для детей?

Нет, не так, братие! Этот-то возраст преимущественно и нуждается в таких уроках. Возраст нежный, – он скоро усваивает себе то, что ему говорят, и, как печать на воске, в душе детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку, или к добродетели. Потому, если в самом начале и, так сказать, в преддверии отклонить их от порока и направить их на лучший путь, то на будущее время это уже обратится им в навык и как бы в природу, и они уже не так удобно по своей воле будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к делам добрым. Тогда и для нас они будут достопочтеннее самих стариков, и для гражданских дел они будут полезнее, обнаруживая в юности свойства старцев. Невозможно, как я и прежде говорил, чтобы наслаждающиеся таким слушанием (Евангелия) и внимающие такому Апостолу отходили отсюда, не получив какого-либо истинного, великого блага, будет ли участником в этой трапезе муж, или жена, или юноша. Если мы, приучая зверей к нашим словам, таким образом укрощаем их, то не гораздо ли более чрез это духовное учение мы можем исправлять людей, когда там

и здесь есть великое различие и между врачевствами и между врачуемыми? Ведь и грубость в нас не такова, как в зверях: у них она зависит от природы, а у нас от воли; да и сила слов не одинакова: там она происходит от человеческой мысли, а здесь – от силы и благодати Духа. Итак, кто отчаивается в себе самом, тот пусть помыслит об укрощенных зверях, – и он никогда не впадет в отчаяние. Пусть всегда приходит он в эту лечебницу; пусть постоянно слушает законы Духа, и, возвращаясь домой, слышанное записывает в своем уме. Таким образом, он будет в доброй надежде и в безопасности, на самом деле чувствуя успех. И диавол, как скоро увидит, что в душе написан Закон Божий, а сердце сделалось скрижалями этого Закона, уже не будет более приступать. Где будут царские письма, не на столе медном начертанные, но в боголюбивом сердце Духом Святым напечатленные и благодатию блистающие, – туда он не сможет даже и заглянуть, а далеко отбежит. Для него и для помыслов, от него влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая к этому источнику. Таковую-то не может ни опечалить что-либо в настоящем, хотя бы то было и неприятное, ни надмать что-либо благоприятное; но, среди бурь и волнений, она будет наслаждаться тишиною.

2. Да и не от природы вещей происходит наше смущение, а от немощи нашего духа. Если бы мы подвергались этому страданию вследствие обстоятельств, то все люди должны были бы испытывать его, потому что все мы плывем по одному и тому же морю, на котором невозможно миновать волн и бурь. Если же есть люди, которые остаются вне бури и волнений моря, то очевидно, что бурю производят не обстоятельства, но состояние нашего духа. Следовательно, если мы настроим душу так, чтобы она все легко переносила, то не будет для нас ни бури, ни потопления, а будет всегда благоприятная тишина. Но я не знаю, как, предположив себе ничего такого не говорить, я так увлекся этим поучением. Простите мне это многословие. Я боюсь, и очень боюсь, чтобы не ослабело в вас теперешнее усердие. Если бы я уверен был в этом, то не стал бы теперь говорить вам ничего такого. Усердие может облегчить для вас всякое дело. Время, однако же, заняться предстоящим сегодня, чтобы вы не утомленные выступили на поприще. Предстоят же нам подвиги против врагов истины, против таких, которые все придумывают к тому, чтобы уничтожить славу Сына Божия, лучше же сказать – свою собственную. Слава Сына Божия всегда пребывает такою, какова она есть, нисколько не уменьшаясь от злохульного языка; но те, которые стараются уничтожить Того, Кому, по словам их, они поклоняются³, покрывают лица свои бесчестьем, а душу подвергают казни. Итак, что же они говорят, когда мы так рассуждаем? Говорят, что изречение – *в начале бе Слово* еще не доказывает прямо вечности (Сына), потому что то же сказано и о небе, и о земле (см.: Быт. 1, 1). О, бесстыдство и нечестие! Я беседую с тобою о Боге, а ты мне указываешь на землю и людей, происшедших от земли. Таким образом, если Христос называется Сыном Божиим и Богом, также и человек называется Сыном Божиим и Богом (как, например: *аз рех: бози есте, и сынове Вышняго еси* – Пс. 81, 6), ужели поэтому ты будешь состязаться с Единородным о сыновстве и скажешь, что в этом отношении Он не имеет никакого преимущества пред тобой? Никак, говоришь ты. Однако ж ты это делаешь, хотя и не выражаешь на словах. Каким образом? Ты утверждаешь, что и ты участвуешь в усыновлении по благодати, и Он – тоже. Если ты говоришь, что Он есть Сын не по естеству, то этим выражаешь не иное, а именно то, что Он – Сын по благодати. Впрочем, рассмотрим и свидетельства, какие приводят нам. Сказано: *в начале сотвори Бог небо и землю. Земля же бе невидима и неустроена* (Быт. 1, 1). Также: *бе человек от Армафем Сифы* (1 Цар. 1, 1). Вот свидетельства, которые они считают сильными! И действительно это сильно, но – для доказательства утверждаемой нами правоты догматов; а для поддержания хулы (еретиков)

³ Святитель Иоанн Златоуст понимает ариан [еретиков], которые признавали Сына Божия существом достойным поклонения, только не совечным и не единосущным Отцу.

ничего не может быть слабее этих доказательств. Скажи, что общего имеют слова: *сотвори* и *бе*? Или что общего у Бога с человеком? Для чего ты смешиваешь то, что не терпит смешения, сливаешь раздельное и горнее делаешь дольным? Здесь слово: *бе* не одно, само по себе, означает вечность, а в соединении с другими выражениями: *в начале бе*, и: *Слово бе*. Подобно тому, как выражение: *сый*, когда говорится о человеке, показывает только настоящее время, а когда о Боге, то означает вечность, так и выражение: *бе*, когда говорится о нашем естестве, означает прошедшее для нас время, и именно известный предел времени, а когда о Боге, то выражает вечность. Итак, слыша о *земле* и *человеке*, не следует предполагать о них ничего более того, что свойственно природе сотворенной. Все сотворенное, что бы то ни было, произошло во времени или в известном пределе его. А Сын Божий выше не только всякого времени, но и всех веков. Он есть Творец их и Создатель. *Имже*, сказано, *и веки сотвори* (Евр. 1, 2). Творец же, конечно, существует прежде своих творений. Но так как некоторые до такой степени бесчувственны, что и после этого думают нечто высокое о своем достоинстве, то слово Божие выражениями: *сотвори* и *человек бе* предваряет такую мысль слушателей и уничтожает всякое бесстыдство. Все сотворенное, как земля, так и небо, сотворено во времени, имеет временное начало, и безначального в них нет ничего, потому что все (в известное время) получило бытие. Итак, когда ты услышишь выражения: *сотвори землю* и *человек бе*, то излишне будешь суесловить, сплетая только бесполезную болтовню. Но я скажу еще нечто большее. Что же это? То, что если бы и о земле сказано было: *в начале бе земля*, и о человеке: *в начале бе человек*, то и в таком случае мы не должны были бы предполагать о них ничего более того, что нам известно о них ныне. Уже одно наперед стоящее имя *земли* и *человека*, что бы потом об них ни говорилось, не позволяет уму воображать о них что-нибудь больше того, что ныне мы знаем; так же как и, наоборот, выражение: *Слово*, хотя бы что-нибудь маловажное сказано было о Нем, само по себе не позволяет думать при этом ничего низкого и ничтожного. А о земле далее говорится: *земля же бе невидима и неустроена*. Таким образом, сказав, что Бог сотворил землю и положил ей свойственный предел, бытописатель безопасно уже повествует о ней дальнейшее, зная, что никто не будет столько бессмыслен, чтобы почитать землю безначальной и несотворенной. Имя *земли* и выражение *сотвори* достаточны для того, чтобы убедить самого несмысленного человека, что земля не вечна и не безначальна, но принадлежит к числу вещей, происшедших во времени.

3. Кроме того, выражение: *бе*, когда употребляется о земле и человеке, означает не просто бытие, но в отношении к человеку – происхождение его из известной страны, а в отношении к земле – качество ее бытия. Так Моисей не сказал просто: *земля же бе*, и потом умолк, но показал, в каком состоянии она была и после своего происхождения, то есть она была *невидима* и *неустроена*, еще покрыта водами и смешана с ними. И об Елкане не сказано только, что был человек, но в пояснение присовокуплено, откуда он был: *от Армафем Сифы*. Но о Слове (говорится) не так. Стыжусь я и сличать между собою такие предметы! Если мы запрещаем делать сравнение между людьми, как скоро сравниваемые весьма различны между собою по достоинствам, хотя существо их одно, то там, где столь беспредельное расстояние и по существу, и по всему прочему, не крайнее ли безумие – делать такие сличения? Но да будет милостив к нам Тот, Кто хулится ими! Не мы открыли надобность в таких рассуждениях, но нам подают к ним повод те, которые вооружаются против собственного спасения.

Итак, что же я говорю? То, что выражение: *бе*, в отношении к Слову, означает, во-первых, вечность Его бытия: *в начале*, сказано, *бе Слово*. А во-вторых, то же *бе* показывает, что Слово было у кого-либо. Так как Богу по преимуществу свойственно бытие вечное и безначальное, то прежде всего это и выражено. Потом, чтобы кто-нибудь, слыша: *в начале бе Слово*, не признал Его и нерожденным, такая мысль предупреждается тем, что прежде замечания, что было Слово, сказано, что Оно *бе к Богу*. А чтобы кто-либо не почел Его сло-

вом только произносимым или только мысленным, для этого прибавлением члена (о), как я уже прежде сказал, и другим выражением (*к Богу*) устранена и такая мысль. Не сказано: *бе в Боге, но: бе к Богу*, чем означает вечность Его по Ипостаси. Далее еще яснее открывается это в присовокуплении, что *Бог бе Слово*. Но это Слово сотворенное, скажет кто-либо. Если так, то что же препятствовало сказать, что в начале сотворил Бог Слово? Так Моисей, повествуя о земле, не сказал: *в начале бе земля*, но сказал, что (Бог) сотворил ее, и тогда уже она *бе*. Что же, говорю, препятствовало и Иоанну подобным образом сказать, что в начале *сотвори Бог Слово*? Ведь если в рассуждении земли Моисей опасался, как бы не назвал ее кто-нибудь несотворенною, то гораздо более Иоанну следовало бы страшиться этого относительно Сына (Божия), если бы Он был сотворен. Мир, будучи видим, сам по себе проповедует Творца: *небеса*, сказано, *поведают славу Божию* (Пс. 18, 1). Но Сын невидим и притом несравненно и беспредельно выше твари. Итак, если здесь, где не нужно было для нас ни слова, ни учения, чтобы признать мир сотворенным, Пророк, однако ж, ясно и прежде всего дает нам это видеть, – то гораздо более Иоанну нужно было бы сказать это о Сыне, если бы Он был сотворен. Так, скажут; однако ж Петр высказал это ясно и определенно? Где же и когда? Тогда, когда, беседуя с иудеями, говорил: *яко Господа Его и Христа Бог сотворил есть* (см.: Деян. 2, 36). А почему же ты не присовокупляешь и дальнейших слов, именно: *сего Иисуса, Егоже вы распяте*? Или не знаешь, что одни изречения относятся к нетленному естеству, а другие к воплощению? Иначе если все вообще будешь разуместь о Божестве, то придешь к заключению, что Божество и страданиям подвержено. Если же оно не причастно страданиям, то и не сотворено. Если бы кровь истекла из самого Божеского и неизреченного естества, и оно, вместо плоти, было пронзено и рассечено гвоздями на Кресте, то хитрословие твое в этом случае имело бы основание. Но как и сам диавол не стал бы таким образом богохульствовать, то для чего же ты притворно принимаешь на себя такое непростительное неведение, которым и демоны не прикрывали себя? Притом же слова: *Господь и Христос* относятся не к существу, но к достоинству. Первое означает власть, а второе – помазание. Итак, что же ты скажешь о Сыне Божиим? Если бы Он и был сотворен, по вашему мудрованию, – эти изречения не имели бы места. Нельзя представить себе, что Он сперва был сотворен, а потом Бог поставил Его (Господом и Христом). Он неотъемлемое имеет начальство, и имеет его по самому естеству и существу Своему. Будучи спрошен, Царь ли Он есть, отвечал: *Аз на сиеродихся* (Ин. 18, 37). А Петр говорит здесь о Нем, как о поставленном (в Господа и Христа), и – это относится у него только к воплощению.

4. Что удивляешься, если Петр говорит это? И Павел, беседуя с афинянами, называет Его только мужем, говоря так: *о Муже, Егоже предустави, веру подая всем, воскресив Его от мертвых* (Деян. 17, 31). Ничего не говорит он здесь ни об *образе Божиим*, ни о *равенстве* Его (с Отцом), ни о том, что Он есть *сияние славы Его*. Так и следовало. Тогда еще не время было для такого учения, а желательно было, чтобы они прежде приняли, что Он – человек и что воскрес. Так делал и Сам Христос; а от Него и Павел, научившись, таким же образом устраивал дела своей проповеди. Не вдруг Христос открыл нам Свое Божество, но сперва был почитаем только за Пророка и Христа, – как бы простого человека; уже впоследствии из дел и слов Своих явился тем, чем был. Потому-то и Петр вначале употребляет такой же образ речи. Это была первая всенародная проповедь его к иудеям. И так как они еще не в состоянии были ясно познать Божество Его, то Апостол обращает к ним слово о воплощении, чтобы слух их, приобученный этим словом, предрасположен был и к прочему учению. Если захочет кто прочитать всю проповедь Апостола от начала, для того весьма ясно будет то, что я говорю. Апостол Петр также и мужем называет Его, и пространно рассуждает о Его страданиях, Воскресении и рождении по плоти. И Павел, когда говорит: *бывшем от Семени Давида по плоти* (Рим. 1, 3), не иное что внушает нам, а именно то, что слово: *сотвори* употреблено в отношении к воплощению, как и мы исповедуем. Напротив, сын громов говорит

нам ныне о бытии неизреченном и предвечном; потому, оставив слово *сотвори*, он поставил: *бе*; тогда как, если бы Сын Божий был создан, это-то особенно и нужно было бы с точностию показать. Если Павел опасался, как бы кто-нибудь из неразумных не предположил, что Сын больше Отца и что Родивший некогда покорится Ему, почему и говорил в Послании к Коринфянам: *всегда же реши, яко вся покорена суть Ему, яве, яко разве покоршаго Ему вся* (1 Кор. 15, 27), – хотя кто мог бы подумать, что Отец когда-нибудь подчинится Сыну, наравне со всеми тварями? – если Павел опасался таких безрассудных мнений и потому сказал: *разве покоршаго Ему вся*, то гораздо более надлежало Иоанну, если бы Сын Божий был сотворен, опасаться, чтобы кто-нибудь не признал Его несотворенным; и это-то прежде всего надлежало ему изъяснить. Но теперь, так как Сын рожден, то и справедливо ни Иоанн, ни другой какой-либо Апостол или Пророк не сказали, что Он сотворен. Да и Сам Единородный не преминул бы сказать об этом, если бы это было так. Тот, Кто по снисхождению так смиренно говорил о Себе, тем более не умолчал бы об этом. Я считаю не невероятным, что Он скорее умолчал бы о Своем величии, которое имел, нежели, не имея его, оставил бы без замечания, что Он не имеет этого величия. То было благовидное побуждение к умолчанию – желание научить людей смиренномудрию, и поэтому Он умалчивал о том, что великого принадлежит Ему. А здесь ты не можешь указать никакого справедливого предлога к умолчанию. Если бы Он был создан, для чего было бы Ему умалчивать о Своем происхождении, когда Он не упоминал о многом таком, что действительно принадлежало Ему? Тот, Кто для научения смиренномудрию часто говорил о Себе уничиженно и приписывал Себе то, что на самом деле не свойственно Ему, Тот, говорю, если бы был создан, гораздо более не преминул бы сказать об этом. Или ты не видишь, как Он Сам все с тою целию, чтобы никто не признавал Его *нерожденным*, и говорит и делает, даже говорит о Себе по видимому несообразно с Своим достоинством и существом, и нисходит до смирения Пророка? Изречения: *якоже слышу, сужду*, также: *Он Ми рече, что реку, и что возглаголю* (см.: Ин. 5, 30; 12, 49) и тому подобные свойственны только Пророкам. Итак, если, желая отстранить такое предположение, Он не обинуясь говорил о Себе столь смиренные слова, то тем более Он говорил бы подобным образом, если бы был создан, чтобы кто-нибудь не признал Его несозданным, – например: «не думайте, что Я рожден от Отца; Я сотворен, а не рожден, и – не одного с Ним существа». Но Он делает все напротив. Он употребляет такие выражения, которые невольно, даже не желающих того, заставляют принять противное мнение. Так, Он говорит: *яко Аз во Отце, и Отец во Мне* (Ин. 14, 10); также: *только время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе; видевши Мене виде Отца* (ст. 9); или: *да еси чтут Сына, якоже чтут Отца* (5, 23); *якоже Отец воскрешает мертвые и живет, тако и Сын, ихже хочет, живет* (ст. 21); *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (ст. 17); *якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца; Аз и Отец едино есма* (10, 15, 30). Везде употребляя выражение: *якоже*, и: *тако*, показывает, что Он *едино* с Отцом и что имеет нераздельное с Ним существо. А силу власти Своей Он обнаруживает как в этих же изречениях, так и во многих других, – так, например, когда говорит: *молчи, престани; хочу, очистишься; тебе глаголю, бесе глухий и немый, изыди из него*; также: *слышасте, яко речено бысть древним: не убиеши; Аз же глаголю вам: яко гневаясь на брата своего всуе, повинен есть* (см.: Мк. 4, 39; Мф. 8, 3; Мк. 9, 25; Мф. 5, 21–22). И все другое подобное, что Он законополагает и чудотворит, достаточно доказывает власть Его; а лучше сказать – и самая малейшая часть того может вразумить и убедить людей, не совсем бесчувственных.

5. Но таков дух тщеславия, что оно ослепляет разум увлекаемых им людей, даже в отношении к самым очевидным предметам, побуждает противоречить даже признанным истинам; а других, и очень хорошо разумеющих истину и уверенных в ней, заставляет лицемерно противостоять ей. Так было и с иудеями. Не по неведению отвергали они Сына Божия, а для того, чтобы получить честь от народа. *Вероваша, сказано, в Него, но бояхуся, да не из сонмищ изгнани будут* (см.: Ин. 12, 42), и из угождения другим жертвовали собственным спа-

сением. Да и невозможно, невозможно тому, кто так раболепствует временной славе, получить славу от Бога. Поэтому-то Христос и укорял иудеев, говоря: *како можете веровати, славу от человек приемлюще, ияже от Бога, не ищите?* (см.: Ин. 5, 44). Это какое-то сильное упоение; объятый этою страстию, человек делается неисправим. Она, отторгая от Небес душу своих пленников, пригвождает ее к земле, не позволяет ей воззреть к свету истинному, побуждает постоянно вращаться в тине, приставляя к ним владык столь сильных, что они владеют ими, даже ничего не приказывая. Тот, кто болит этою болезнию, хотя бы никто не приказывал ему, добровольно делает все, чем только думает угодить своим владыкам. Для них он одевается и в одежды нарядные, и украшает лицо, заботясь в этом случае не о себе, но об угождении другим, и выводит с собой на площадь провожатых, чтобы заслужить от других удивление, и все, что ни делает, предпринимает единственно для угождения другим. Итак, есть ли болезнь душевная тягостнее этой? Человек нередко бросается в бездну, чтобы только другие удивлялись ему. Приведенные слова Христовы достаточно показывают всю мучительную силу этой страсти: но можно еще познать ее и из следующего. Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота и что значат такие расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, как только об угождении толпе. Если же ты опять спросишь их: что же такое толпа? – они ответят: это есть нечто шумное, многомятежное, большею частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составленное часто из разнообразных и противоположных мнений. Кто имеет у себя такого владыку, не будет ли тот жалок более всякого другого? Впрочем, когда мирские люди прилепляются к нему, это еще не так опасно, хотя действительно опасно. Но когда те, которые говорят, что отреклись от мира, страдают тою же или еще тягчайшею болезнию, то это крайне опасно. У мирских только трата денег, а здесь опасность касается души. Когда правую веру меняют на славу и, чтобы прославиться самим, уничтожают Бога, – скажи мне, не составляет ли это высшей степени бессмыслия и безумия?

Другие страсти, хотя заключают в себе большой вред, но по крайней мере приносят и некоторое удовольствие, хотя и временное и короткое. Так корыстолюбец, винолюбец, женолюбец имеют некоторое удовольствие, хотя и непродолжительное; но обладаемые страстию тщеславия всегда живут жизнью горькою, лишенною всякого удовольствия. Они не достигают того, что так любят, разумею – славы народной; а хотя по видимому и пользуются ею, на самом же деле не наслаждаются, потому что это вовсе и не слава. Потому и самая страсть эта называется не славою, а тщеславием. И справедливо все древние называли это тщеславием. Она тщетна и не имеет в себе ничего блистательного и славного. Как личины кажутся (снаружи) светлыми и приятными, а внутри пусты, поэтому, хотя и представляются благообразнее телесных (естественных) лиц, однако ж никогда еще и ни в ком не возбуждали любви к себе, точно так, или еще более, слава у толпы прикрывает собою эту неудобоизлечимую и мучительную страсть. Она имеет только снаружи вид светлый, а внутри не только пуста, но и полна бесчестия и жестокого мучения. Откуда же, скажешь, рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствия страсть? Ни откуда более, как только от души низкой и ничтожной. Человек, увлекаемый славою, неспособен мыслить что-либо великое и благородное; он необходимо становится постыдным, низким, бесчестным, ничтожным. Кто ничего не делает для добродетели, а только одно имеет в виду – чтобы понравиться людям, не стоящим никакого внимания, во всяком случае следует погрешительному, блуждающему их мнению, тот может ли стоить чего-нибудь? Заметь же: если бы кто спросил его: как ты сам думаешь о толпе? – без сомнения, он сказал бы, что считает толпу невежественною и бездельною. Что же? Захотел ли бы ты сделаться подобным этой толпе? Если бы и об этом опять кто-нибудь спросил его, то я не думаю, чтобы он пожелал сделаться таким же. Итак, не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?

6. Если же ты скажешь, что в толпе много людей и что они составляют одно, то поэтому-то особенно и надобно ее презирать. Если каждый из толпы сам по себе достоин презрения, то, когда таких много, они заслуживают еще большего презрения. Глупость каждого из них, когда они собраны вместе, становится еще большею, увеличиваясь от многочисленности. Поэтому каждого из них порознь, конечно, можно бы исправить, если бы кто взял на себя это дело, но нелегко было бы исправить всех их вместе, – оттого, что безумие их в таком случае увеличивается; они водятся обычаями животных, во всяком случае, следуя один за другим во мнениях. Итак, скажите мне: в такой ли толпе будете вы искать славы? Нет, прошу и молю. Эта страсть все извратила; она породила любостяжание, зависть, клеветы, наветы. Она вооружает и ожесточает людей, не потерпевших никакой обиды, против тех, которые никакой обиды не сделали. Подверженный этой болезни не знает дружбы, не помнит приязни, нисколько не хочет никого уважить; напротив, все доброе извергнув из души, непостоянный, неспособный к любви, против всех вооружается. Сила гнева, хотя и она мучительна и несносна, не постоянно, однако ж, возмущает дух, а только в то время, когда его раздражают другие. Напротив, страсть тщеславия – всегда, и нет, так сказать, времени, в которое она могла бы оставить, потому что разум не препятствует ей и не укрощает ее; она всегда остается, и не только побуждает ко грехам, но, если бы мы успели сделать что-нибудь и доброе, она похищает добро из рук. А бывает так, что она не допускает и начать доброго дела. И если Павел лихоимание называет *идолослужением* (см.: Еф. 5, 5), то как, по справедливости, назвать мать его (лихоимания), корень и источник, то есть тщеславие? Нельзя найти и названия, достойного этого зла!

Итак, воспрянем, возлюбленные, отложим эту порочную одежду, разорвем, рассечем ее, сделаемся когда-нибудь свободны истинною свободой и усвоим себе чувства достоинства, данного нам от Бога. Пренебрежем славой у толпы. Нет ничего столь смешного и унижительного, как эта страсть; ничто столько не преисполнено стыда и беславия. Всякий может видеть, что желание славы во многих отношениях есть беславие и что истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу, считать ее за ничто, а все делать и говорить только в угождение Богу. Таким образом сможем мы и награду получить от Того, Кто видит все наши дела в точности, если только будем довольствоваться этим одним зрителем их. Да и какая нужда нам в других глазах, когда видит наши дела именно Тот, Кто будет и судить их? Как это несообразно: раб, что ни делает, все делает в угождение господину, не ищет ничего более, как только его внимания, не хочет привлекать на свои дела ничьих чужих взоров, хотя бы зрителями тут были и важные люди, но только то одно имеет в виду, чтобы видел его господин; а мы, имея столь великого над собою Господа, ищем других зрителей, которые не могут принести нам никакой пользы, а могут только, своими взглядами, повредить нам и сделать всякий труд наш напрасным. Да не будет этого, умоляю вас! Но от Кого мы имеем получить награды, Того будем признавать и зрителем, и прославителем наших дел. Не будем ни в чем полагаться на глаза человеческие. А если бы мы захотели достигнуть славы и между людьми, то получим ее тогда, когда будем искать единой славы от Бога. Сказано: *прославляющих Мя прослаблю* (1 Цар. 2, 30). И как богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога (потому что сказано: *ищите прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся вам* – см.: Мф. 6, 33), так – и в отношении к славе. Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подаст нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того-то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великою щедростью. Кто, скажи мне, славнее Павла, который говорит: *не ищем от человек славы, ни от вас, ни от инех* (см.: 1 Сол. 2, 6)? Кто счастливее ничего не имеющего и всем владеющего? Когда мы, как

я выше сказал, не будем покоряться владычеству их (богатства и славы), тогда и будем ими обладать, тогда их и получим. Итак, если мы желаем получить славу, будем бегать славы. Таким образом, исполнив законы Божии, сможем мы получить и здешние, и обетованные блага, благодатию Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

Беседа IV

В начале бе Слово, и Слово бе к Богу (1, 1)

Изъяснение 1, 1. Почему святой Иоанн ограничивается единым словом о воплощении Сына Божия в то время, как другие евангелисты подробно излагают его. – Павел Самосатский и его заблуждение. – Что такое Слово. – Опровержение возражения еретиков против Божества Сына, основывающегося на том, что Сын называется Богом – «Феос» – без члена (артикля). – Лису с Христос пострадал и умер для избавления нас от идолослужения. – Воздавать твари богопочтение, долженствующее Творцу, крайне несправедливо. – Вера и учение бесполезны для спасения, если жизнь и нравы испорчены. – Немедленно должно угашать гнев. – Люди хвалят и порицают по мере того, любят они или ненавидят. – Изображение человека в гневе. – Против тех, которые тщателью соблюдают часы и времена.

1. Детей, только еще начинающих учиться, учителя не подвергают сряду многим трудам, да и в один раз немного занимают их науками, а понемногу, и притом одно и то же часто повторяют им, чтобы удобнее вложить свои уроки в их ум и чтобы дети, наскучив в самом начале множеством (уроков) и трудностию их для своей памяти, не сделались оттого неспособнее к усвоению преподаваемого, потому что от трудности может произойти в них и некоторое расслабление. Таким же образом, желая устроить и свои поучения и облегчить труд для вас, я понемногу беру с этой божественной трапезы и передаю душам вашим. Поэтому я снова коснусь тех же слов Евангелия, не так, чтобы опять говорить одно и то же, а чтобы только присовокупить к сказанному остальное. Итак, возведем же слово к началу. *Вначале бе Слово, и Слово бе к Богу.* Когда все прочие евангелисты начинали с воплощения (Матфей говорит: *книга родства Иисуса Христа, сына Давидова*; Лука вначале повествует нам о Марии; и Марк подобным же образом излагает сначала повествование о Крестителе), для чего Иоанн только вкратце коснулся этого предмета, притом уже после тех первых слов, сказав: *и Слово плоть бысть* (ст. 14), а все прочее – Его зачатие, рождение, воспитание, возрастание минуя, вдруг возвещает нам о Его вечном рождении? Какая тому причина, я и скажу вам теперь. Так как прочие евангелисты большею частью повествовали о человеческом естестве Сына Божия, то должно было опасаться, чтобы по этому самому кто-нибудь из людей, пресмыкающихся по земле, не остановился только на этих одних догматах, что и случилось с Павлом Самосатским⁴. Итак, возводя склонных к падению людей от такого пресмыкания по земле и привлекая к Небу, Иоанн справедливо начинает свое повествование свыше, от бытия предвечного. Тогда как Матфей приступил к повествованию, начав от Ирода царя, Лука – от Тиверия Кесаря, Марк – от крещения Иоаннова, евангелист Иоанн, оставив все это, восходит выше всякого времени и века, и там устремляет ум своих слушателей к одному: *в начале бе*, и, не позволяя уму нигде остановиться, не полагает ему предела, как те (евангелисты) – Ирода, Тиверия и Иоанна. Но вместе с этим достойно удивления и то, что как Иоанн, устремившись к возвышеннейшему слову, не оставил, однако ж, без внимания и воплощения, так и они, с особенным тщанием повествуя о воплощении, не умолчали также и о предвечном бытии. И этому так быть должно, потому что один Дух двигал

⁴ Павел Самосатский, епископ Антиохийский, еретик III века.

души всех их; а потому они и показали совершенное единомыслие в своем повествовании. Ты же, возлюбленный, когда слышишь о *Слове*, никогда не терпи тех, которые называют Его творением, равно как и тех, которые почитают Его простым словом. Много есть слов божественных, которыми действуют и Ангелы, но ни одно из этих слов не есть само Божество, а все это только пророчество и Божие повеление. Так обыкновенно называет Писание законы Божии, повеления и пророчества. Поэтому, и говоря об Ангелах, оно присовокупляет: *сильнии крепостию, творящих слово Его* (Пс. 102, 20). Напротив, это Слово (о котором говорит евангелист Иоанн) есть ипостасное Существо, бесстрастно происшедшее от Самого Отца. Это именно, как я и прежде сказал, (евангелист) изобразил самым наименованием *Слова*. Потому как изречение: *в начале бе Слово* означает вечность, так и выражение: *Сей бе искони к Богу* (ст. 1, 2) показывает Его совечность (с Отцом). А чтобы ты, услышав: *в начале бе Слово* и признав Его вечным, не подумал, однако ж, что жизнь Отца на некоторое расстояние, то есть на большое число веков, предшествует (жизни Сына), и, таким образом, чтобы ты не положил начала Единородному, (евангелист) присовокупляет: *искони бе к Богу*, то есть Он так же вечен, как Сам Отец. Отец никогда не был без Слова; но всегда был *Бог* (Слово) у *Бога* (Отца), в собственной, однако ж, Ипостаси. Но как же, скажешь ты, евангелист говорит, что Слово *в мире бе*, если Оно было действительно у Бога? Подлинно, Оно и у Бога было, и в мире было: никаким местом не ограничивается как Отец, так и Сын. Если *величию Его несть конца, и разуму Его несть числа* (см.: Пс. 146, 5), то ясно, что существо Его не имеет никакого временного начала. Ты слышал, что *в начале сотвори Бог небо и землю*? Что ты думаешь об этом начале? Без сомнения, то, что небо и земля произошли прежде всех видимых творений. Так когда слышишь о Единородном, что Он *в начале бе*, разумей бытие Его прежде всего мыслимого и прежде веков. Если же кто скажет: как возможно Сыну не быть по времени после Отца? – происшедший от кого-либо необходимо должен быть после того, от кого произошел, – отвечаем, что таковы только человеческие рассуждения, и тот, кто предлагает такой вопрос, будет, пожалуй, давать еще более нелепые вопросы. Но этого не должно бы допускать даже до слуха. У нас ныне слово о Боге, а не о естестве человеческом, подчиненном порядку и необходимости подобных умствований. Впрочем, для совершенного удовлетворения людей более слабых будем и на это отвечать.

2. Скажи мне: сияние солнца из самого ли естества солнечного истекает, или из чего иного? Всякий, имеющий неповрежденные чувства, необходимо признает, что сияние происходит от того самого естества солнца. Но, хотя сияние исходит от самого солнца, однако ж мы никогда не можем сказать, что оно существует после солнечного естества, потому что и солнце никогда не является без сияния. Итак, если и в видимых и чувственных телах то, что происходит от чего-нибудь другого, не всегда после того существует, от чего происходит, то почему ты не веришь этому в рассуждении невидимого и неизреченного естества? И здесь то же самое, только так, как сообразно это вечному существу. Поэтому и Павел назвал Сына сиянием славы Отчей (см.: Евр. 1, 3), изображая этим и то, что Он рождается от Отца, и то, что Сын совечен Отцу. Скажи же мне: все века и всякое пространство времени не чрез Сына ли произошли? И это необходимо должен признать всякий, кто не потерял еще ума. Итак, нет никакого расстояния (времени) между Отцом и Сыном; а если нет, то Сын не после Отца существует, но совечен Ему. Выражения: *прежде*, и: *после* обозначают понятия времени. Без века или времени никто не мог бы и представить себе таких понятий. А Бог выше времен и веков. Если же, несмотря на то, ты будешь утверждать, что Сын получил начало, то смотри, как бы чрез такие умозаключения не дошел ты до необходимости и Самого Отца подвести под какое-либо начало, под начало хотя первейшее, но все же – начало. Скажи мне: приписывая Сыну какой бы то ни было предел или начало и от этого начала восходя еще выше, не говоришь ли ты, что Отец существует прежде Сына? Очевидно так. Скажи же далее: на сколько прежде Отец существует? Малое или великое расстояние здесь ты укажешь, во вся-

ком случае ты подведешь Отца под начало. Очевидно, что, назвав это расстояние великим или малым, ты будешь, таким образом, измерять его, но измерять нельзя, если с той и другой стороны нет начала. Итак, для этого, сколько от тебя зависит, ты даешь начало и Отцу; и, следовательно, по вашему рассуждению, не будет уже безначальным и Отец. Видишь ли, как истинно сказанное Спасителем и как слово Его везде являет свою силу? Какое это слово? *Иже не чтит Сына, не чтит и Отца* (см.: Ин. 5, 23). Знаю, что для многих сказанное непонятно; потому мы во многих случаях и остерегаемся вдаваться в подобные умозаключения, так как простой народ не может следовать за ними, а если бы и стал следовать – не удерживает из них ничего с твердостью и точностью. *Помышления бо смертных боязлива, и погрешительна умышления их* (см.: Прем. 9, 14). Между тем я охотно спросил бы противников наших и о том, что значит сказанное у Пророка: *прежде Мене не бысть ин Бог, и по Мне не будет* (Ис. 43, 10). Если Сын после Отца существует, то как же сказано: *и по Мне не будет*? Или уже вы будете отвергать и самое существо Единородного? А необходимо или наконец на это дерзнуть, или допустить единое Божество в собственной Ипостаси Отца и Сына. Также, каким образом истинно то, что *вся Тем быша* (ст. 3)? Если был век прежде Его, то каким образом существовавшее прежде Него могло бы произойти через Него? Видите ли, до какой дерзости доводит их умствование, после того как однажды поколебали они истину? Почему же не сказал евангелист, что Сын произошел *из не сущаго*⁵, как изъясняет это Павел о всех тварях, говоря: *нарицающу не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17), а говорит: *вначале бе*? Последнее же выражение противоположно первому. Но оно весьма справедливо: Бог не происходит ни от чего и не имеет ничего перее Себя. Скажи же мне еще: не признаешь ли ты, что Творец несравненно превосходнее своих тварей? Но если бы Он был подобен им – тем, что происходил бы из не сущего, то где же было бы Его несравненное превосходство? А что значит изречение: *Аз первый, и Аз по сих, и прежде Мене не бысть ин Бог* (см.: Ис. 41, 4)? Если Сын не одного и того же существа с Отцом, то Он есть иной Бог; если Он не совечен (Отцу), то после Него; и если произошел не из существа Его, то очевидно – сотворен. Если же возразят, что это сказано для отличия (Бога) от идолов, то не должны ли согласиться, что здесь для отличия от идолов говорится о Едином истинном Боге? А если это в самом деле сказано для отличия от идолов, то как же ты изъяснишь все это изречение: *по Мне не будет ин Бог*? Не Сына отвергая, говорит так слово Божие, а выражая только то, что кроме Бога (истинного) нет бога – идольского; но не то, что нет Сына. Хорошо, скажет кто-либо, но не должно ли поэтому и слова: *прежде Мене не бысть ин Бог* понимать так, что не было бога идольского, что, следовательно, Сын был прежде Отца? Но какой демон мог бы сказать это? Я думаю, что и сам диавол не скажет этого. С другой стороны, если Сын не совечен Отцу, то почему ты называешь бытие Его беспредельным? Если Он имеет начало исперва, то, хотя бы Он был бессмертен, Он не может еще быть беспредельным. Беспредельное должно быть без пределов с той и другой стороны. Изъясняя это, и Павел говорит: *ни начала, ни животу конца имея* (см.: Евр. 7, 3), и таким образом выражает и безначальность, и бесконечность, то есть как в том, так и в другом отношении Он не имеет предела; как нет конца, так нет и начала.

3. Далее: каким образом, если Сын есть *живот*, могло быть когда-нибудь время, в которое Он не был?⁶ Если Он есть *живот*, как Он и действительно есть, то все согласятся, что жизнь должна существовать всегда, быть безначальной и бесконечной. Если же было время, когда Его не было, то каким бы образом Он был жизнью других существ, не будучи некогда Сам жизнью? Но как же, скажет кто-либо, евангелист Иоанн сам полагает Ему начало, когда

⁵ Так говорили ариане о Сыне Божием.

⁶ Здесь святитель Иоанн Златоуст имеет в виду выражение ариан о Сыне Божием: *ἦν ὁτέ οὐχ ἦν* — было, когда Его не было.

говорит: *в начале бе*. А для чего, я скажу, ты обратил внимание на выражения: *в начале*, и: *бе*, а не помыслишь об изречении – *Слово бе*? Что же? Когда Пророк говорит об Отце: *от века и до века Ты еси* (Пс. 89, 3), то ужели он таким выражением полагает Ему пределы? Никак: он выражает вечность. Так рассуждай и здесь. Евангелист, говоря так о Сыне, не полагает Ему предела. Он и не сказал о Сыне: имел начало, но: *в начале бе*, чрез это *бе* внушая мысль о безначальном бытии Сына. Но вот, скажет еще кто-либо, об Отце сказано с приложением члена (о́), а о Сыне – без члена⁷. Что же? Когда Апостол говорит: *великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*, и также: *сый над всеми Бог*, то вот здесь он упоминает о Сыне без члена. Но он делает это и в отношении к Отцу. В Послании к Филиппийцам он так говорит: *иже, во образе Божии сый, не восхищением непцева быти равен Богу*⁸(2, 6). Также в Послании к Римлянам: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (1, 7). А с другой стороны, и излишне было прибавлять здесь член, потому что выше он был часто прилагает к слову: *Бог*. Как, об Отце говоря, евангелист выражает: *Дух есть Бог* (Ин. 4, 24), и мы не отвергаем бестелесности в Боге потому, что к слову *Дух* не приложено члена, так и здесь, хотя при выражении о Сыне не употреблено члена, однако ж Сын поэтому не есть Бог меньший. Почему так? Потому, что, повторяя слова: *Бог*, и: *Бог*, евангелист не показывает нам никакого разделения в Божестве; а даже напротив, сказав прежде: *Бог бе Слово*, он, чтобы кто-нибудь не почел Божество Сына меньшим, тотчас присовокупляет и доказательство истинного Его Божества, приписывает Ему вечность: *Сей бе*, говорит, *искони к Богу*; и – творческую силу: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть* (ст. 3). Это самое и Отец везде чрез пророков поставляет преимущественным доказательством Своего (Божеского) существа. И пророки часто употребляют этот вид доказательства, и не просто только, но и вооружаясь против чествования идолов. *Бози*, сказано, *иже небо и землю не сотвориша, да погибнут* (см.: Иер. 10, 11). И в другом месте: *Аз рукою Моею прострох небо* (см.: Ис. 45, 12); и во всяком случае Он представляет это, как признак Божественности. Но евангелист не довольствуется и этими изречениями, а называет еще Его *животом* и *светом*. Итак, если Он всегда был с Отцом, если Сам все произвел, устроил и содержит (это выражается словом: *живот*), если Он все просвещает, то кто столько безумен, что скажет, будто евангелист хотел в этих изречениях показать меньшую степень Божества Его, тогда как ими-то особенно и можно доказать равенство и нераздельность Его (с Отцом)? Не будем же смешивать твари с Творцом, чтобы и нам не услышать слов: *почтоша и послужиша твари паче Творца* (Рим. 1, 25). Хотя и говорят некоторые, что это сказано о небесах, но, говоря о них, Слово Божие совершенно запрещает служение всякой вообще твари, как дело языческое.

4. Да не подвергнем же себя этой клятве! Для того и пришел (на землю) Сын Божий, чтобы освободить нас от этого служения. Для того Он принял зрак раба, чтобы избавить нас от этого рабства. Для того и подверг Себя оплеванию, заушению, для того претерпел поносную смерть. Не сделаем же всего этого бесплодным (для нас), не будем возвращаться на прежнее, лучше же сказать – еще гораздо тягчайшее нечестие. Не все равно – твари служить и Самого Творца низводить до ничтожества твари, сколько, по крайней мере, это зависит от нас, так как Сам Он пребывает всегда таким, каков есть, по сказанному: *Ты же тойжде еси, и лета твоя не оскудеют* (Пс. 101, 28). Будем же прославлять Его, по преданию отцов; будем прославлять Его и верою, и делами. Нет никакой пользы для нашего спасения от правых догматов, когда наша жизнь развращена. Потому направим ее к благоугождению Богу, удаляя себя от всякой нечистоты, несправедливости, любостяжания, как странники и пришельцы, и чуждые (всему) здешнему. А если кто имеет много денег и стяжания, пусть поль-

⁷ В подлинном тексте Евангелия: *χαὶ ὁ υἱὸς ἦν πρὸς τὸν Θεόν* καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος. Первое: *πρὸς τὸν Θεόν* – относится к Отцу; а последнее: *Θεός* – к Сыну. Ариане и аномеи [еретики – Ред.] отсюда делали возражение, что Сын не имеет единого Божеского естества с Отцом.

⁸ Здесь имя Бога двукратно повторяется без члена.

зуются ими, как странник, который спустя немного времени волею или неволею должен оставить их. Если кто терпит обиду от кого-нибудь, пусть не вечно гневается, а лучше пусть не гневается и временно. Апостол не позволяет нам продолжать гнева более одного дня. *Солнце*, говорит он, *да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). И справедливо: надобно желать, чтобы и в такое короткое время не случилось ничего неприятного. А если еще и ночь застигнет нас (во гнев), то дело будет для нас еще хуже, потому что от одного воспоминания о нем возродится в нас безмерный огонь, и мы на свободе с большим огорчением для себя будем размышлять о нем. Поэтому-то прежде, нежели, к погибели нашей, настанет покой ночи и мы возжем в себе сильнейший огонь, Апостол и повелевает предупреждать и отворачивать опасность. Страсть гнева сильна, сильнее всякого пламени; потому и нужно с большою поспешностью предупреждать силу огня и не допускать его до воспламенения. А болезнь эта бывает причиною многих зол. Она ниспровергает целые дома, разрывает давнее содружество, в короткое и скорое время производит самые неутешительные случаи. *Устремление бо ярости его*, сказано, *падение ему* (Сир. 1, 22). Итак, не оставим этого зверя без обуздания, но набросим на него со всех сторон крепкую узду – страх будущего суда. Если тебя оскорбит друг или огорчит кто-нибудь из ближних – помысли тогда о согрешениях своих против Бога и о том, что своею кротостию в отношении к ним ты умилишь для себя более и тот (будущий) суд, – сказано: *оставите, и вставится вам* (см.: Лк. 6, 37), – и гнев тотчас отбежит (от тебя). При этом обрати внимание также и на то, когда ты, будучи приведен в ярость, удерживал себя, и когда был увлечен страстию, сравни то и другое время, – получишь и отсюда значительное исправление. Скажи мне: когда ты хвалишь себя: тогда ли, когда был побежден (гневом), или тогда, когда победил? Не тогда ли именно (когда увлекаемся гневом) мы наиболее обвиняем себя и стыдимся, хотя бы и никто нас не обличал, и приходим к раскаянию в своих словах и делах? А когда преодолеваем гнев, не торжествуем ли тогда и не хвалимся ли, как победители? Победа над гневом состоит не в том, чтобы воздавать за обиду тем же (это не победа, а совершенное поражение), но – в том, чтобы с кротостию переносить оскорбления и поношения. Не делать, а терпеть зло, – вот истинное преимущество. Поэтому не говори во гнев: «вот и я восстану, вот и я нападу на него». Не сопротивляйся и тем, которые убеждают тебя укротить гнев, не говори: «не потерплю, чтобы такой-то насмеялся надо мной». Да он никогда и не насмеется над тобой, разве – когда ты сам на него вооружишься. А если он и тогда посмеется над тобой, то разве только в безумии сделает это. Ты же, побеждая, не ищи славы у безумных, но признавай достаточным для себя иметь славу у людей разумных. Но для чего я вывожу тебя на малое и ничтожное зрелище, составленное из людей? Воззри тотчас к Богу, и Он тебя восхвалит. А тому, кто от Него прославляется, не должно искать чести от людей. Честь людская нередко находится в зависимости и от приязни людей, и от вражды, и во всяком случае не приносит никакой пользы. Напротив, суд Божий чужд такого нестроения и приносит прославляемому от Бога великую пользу. Итак, к этой-то славе и будем стремиться.

5. Хочешь ли узнать, какое великое зло – гнев? Стань на площади, когда там ссорятся другие. В себе самом тебе нельзя так видеть это безобразие, потому что разум во гнев помрачается и сознание теряется, как у пьяных. Но когда ты очистишься от этой страсти, тогда наблюдай в других себя самого, так как в это время у тебя рассудок не поврежден. Итак, смотри вот на окружающую толпу, а среди ее – на бесчинствующих в раздражении людей, подобно беснующимся. Когда ярость, возгоревшись в груди, восстанет и ожесточится, тогда огнем дышат уста, огонь испускают глаза, все лицо вздувается, руки беспорядочно протягиваются, смешно прыгают ноги и наскакивают на удерживающих. Ничем не отличаются раздраженные от сумасшедших, все делая без сознания, и даже не отличаются от диких ослов, когда те бьют и кусают друг друга. Поистине, безобразен человек раздраженный. Потом, когда после этого столь смешного зрелища они возвратятся домой и придут в себя самих, то

возымеют еще большую скорбь и страх, представляя себе, кто присутствовал при их ссоре. Как безумные, прежде не видя присутствующих, потом, когда приходят в сознание, рассуждают, друзья ли были зрителями их или враги и неприятели. Равно боятся они тех и других: первых – потому, что они будут укорять их и увеличат стыд, а вторых – потому, что они будут радоваться о их посрамлении. А если им случилось еще нанести друг другу раны, тогда тягчайший бывает страх, чтобы не случилось чего-нибудь еще хуже с раненым, чтобы, например, болезнь от ран не принесла ему смерти или чтобы поднявшаяся неизлечимая опухоль не подвергла его жизнь опасности. «И что мне была за надобность ссориться? Что за брань и ссоры? Пропадай они совсем». И вот они проклинают все те случайные обстоятельства, которые послужили поводом к ссоре. А глупейшие из них обвиняют в происшествии и лукавых демонов, и злой час. Но не от злого часа это происходит, потому что и не бывает никогда злого часа, и не от злого демона это происходит, а от злобы увлеченных гневом. Они-то сами и демонов привлекают, и всякое зло на себя наводят. Но сердце, скажет кто-нибудь, от оскорблений возмущается и терзается. Знаю это и я. Поэтому-то превозношу тех, которые укрощают этого ужасного зверя. Если желаем, то можем отразить от себя эту страсть. Почему мы не подвергаемся этой страсти, когда укоряют нас начальствующие? Не потому ли, что в нас (при этом случае) возникает страх, равносильный этой страсти, который поражает нас и не допускает даже зародиться в нас гневу? Почему и рабы, получая от нас тысячи укоризн, все это переносят в молчании? Не потому ли, что и на них наложены те же узы? Так и ты помысли о страхе Божиим, о том, что Сам Бог тогда уничижает тебя, повелевая тебе молчать, и ты все будешь переносить кротко. Скажи нападающему на тебя: что я могу тебе сделать? Некто иной удерживает мою руку и язык мой. И эта мысль побудит и тебя и его к благоразумию. Иногда из-за людей мы терпим даже несносные обиды и говорим оскорбителям нашим: не ты, а такой-то оскорбил меня. К Богу ли не будем иметь даже и такого благоговения? Какое же будет для нас оправдание? Итак, скажем нашей душе: Бог нас уничижает ныне, – Бог, удерживающий наши руки; не будем же хвастаться, и да не будет для нас Бог менее людей досточтим. Вы ужасаетесь этих слов?

Но я желаю, чтобы вы страшились не слов только, но и дел. Бог повелел нам не только терпеть, когда нас заушают, но и быть готовым переносить что-нибудь и хуже того. А мы, напротив, с таким усилием сопротивляемся, что не только не бываем готовы на злострадания, но и стараемся мстить за себя, а часто даже первые поднимаем несправедные руки; считаем себя униженными, если не воздадим тем же. Странно, что мы считаем себя победителями, тогда как терпим крайнее поражение и бываем повержены долу; получая бесчисленные удары от диавола, думаем, что мы его преодолеваем. Итак, познаем, прошу вас, этот род победы, и будем побеждать таким образом. Злострадать – значит быть увенчанным. Если мы хотим быть прославлены от Бога, будем соблюдать не обычаи мирских подвигов, а закон, данный от Бога для подвигов духовных; будем все переносить с долготерпением. Таким образом мы победим и препирающихся с нами, и все, что есть в мире этом, и обетованные блага получим, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа V

Вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть (1, 3)

Изъяснение 1, 3. Как некоторые еретики изменили смысл третьего стиха первой главы Евангелия от Иоанна через изменение пунктуации. – Нелепые выводы, к которым приводит мнение, допускаемое еретиками о том, что Дух Святой сотворен. – Сын Божий равен своему Отцу. – Неистощимая плодотворность Творца. – Бог не есть существо сложное. – О том, что грешники похожи на пьяных и яростных людей. – Лучше ходить и показываться нагим на улицах, чем покрытым и обремененным грехами.

1. Моисей, в начале бытописания Ветхого Завета, повествует нам о предметах чувственных и подробно исчисляет их. Сказав: *в начале сотвори Бог небо и землю*, он потом присовокупляет, что произошли свет, твердь⁹, естество звезд, всякого рода животные и все прочее; не будем останавливаться на каждом творении, чтобы не медлить. А евангелист Иоанн, все заключив в одном изречении, обнимает им и все видимое, и то, что выше видимого. Оставляя то, что известно его слушателям, а возводя мысль к предметам более возвышенным и обнимая все творчество – вообще, он говорит не о творениях, но о Создателе, Который и произвел все из небытия в бытие. Таким образом, Моисей касается только меньшей части создания (так как ничего не сказал нам о силах невидимых), и тем ограничился. А евангелист, поспешая взойти к Самому Творцу, справедливо все прочее минует и сказанное, равно и умолчанное Моисеем, заключает в одно краткое изречение: *вся Тем быша*. Но чтобы ты не подумал, что он говорит только о том, что сказано и Моисеем, присовокупляет: *и без Него ничтоже бысть, еже бысть*, то есть ничто сотворенное, видимое или умом созерцаемое, не получило бытия иначе, как силою Сына. После слова: *ничтоже* мы не будем ставить точки, как делают еретики. Они, желая доказать, что Дух Святой есть тварь, читают так: *еже бысть, в Том живот бе* (ст. 3–4). Но в таком чтении нет смысла. И во-первых, здесь нестати было упоминать о Духе; а если евангелист и хотел упомянуть, то для чего употребил такое неясное выражение о Нем? Да и откуда видно, что это сказано о Духе? А иначе мы, на основании такого изложения слов, можем заключить, что не Дух, а Сын произошел чрез Себя Самого. Но остановитесь на этом изречении, чтобы оно не миновало вас. Станем читать так, как они; таким образом нелепость для нас будет еще очевиднее: *еже бысть, в Том живот бе*. Они говорят, что здесь животом назван Дух. Но, как видно, этот самый *живот* есть вместе и *свет*, потому что евангелист присовокупляет: *и живот бе свет человеком* (ст. 4). Итак, по их мнению, и *свет человеком* у евангелиста означает Духа. Что же? Когда евангелист продолжает: *бысть человек послан от Бога... да свидетельствует о Свете* (ст. 6, 7), – они уже необходимо должны допустить, что и здесь говорится о Духе. Кто выше назван Словом, Тот после именуется и Богом, животом и светом. Живот, говорит евангелист, было Слово и этот же самый *живот* был светом. Итак, если Слово было *живот* и Слово же *плоть бысть*, то и живот *плоть бысть*, – и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца. Следовательно, как скоро они говорят, что здесь *животом* назван Дух, смотри, какие выходят отсюда нелепости: выходит, что не Сын воплотился, а Дух, и что Дух есть Единородный Сын. А если не так, то, избегая этой нелепости, они при своем чтении могут впасть в неле-

⁹ В подлиннике у святителя Иоанна Златоуста: *δέυτερος οὐρανός* – второе небо.

пость еще большую. Если они согласятся, что здесь сказано о Сыне, между тем не поставят наших знаков препинания и не станут читать так, как мы, то должны будут говорить, что Сын произошел Сам от Себя, – потому что если Слово есть *живот*, а *еже бысть, в Том живот бе*, то, вследствие их чтения, Слово произошло от Себя и чрез Себя. Далее евангелист между прочим прибавляет: *и видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца* (ст. 14). Вот, по их чтению, и Дух Святой становится Единородным Сыном, потому что все это повествование относится к одному и тому же Лицу Видите ли, как извращается мысль, когда уклоняется от истины, и сколько происходит отсюда нелепостей? Итак, что же? Разве Дух не есть свет, скажешь ты? Конечно – свет; но здесь сказано не о Нем. Так Бог называется духом, то есть бестелесным; но ведь не везде же, где говорится о духе, разумеется Бог. И что удивляешься, если мы это говорим об Отце? Мы и об Утешителе не станем утверждать, что, где только говорится о духе, там непременно разумеется Утешитель. Хотя это и есть наиболее отличительное Его имя, но не везде, где встречается слово *дух*, надобно разуметь Утешителя. Также и Христос называется *Божия сила и Божия премудрость*; но не везде, где говорится о силе и премудрости Божией, разумеется Христос. Так и здесь: хотя и Дух просвещает, но теперь евангелист говорит не о Духе. Впрочем, когда мы и доводим их до таких нелепостей, они, снова усиливаясь противостоять истине и все еще держась своего чтения: *еже бысть, в Том живот бе*, объясняют это так, что все сотворенное было – жизнь. Что же? И казнь содомлян, и потоп, и геенна, и тому подобное, все это – жизнь? Но мы, говорят они, разумеем создание. Но и то, что нами теперь указано, конечно относится к созданию. Однако ж, чтобы вполне изобличить их, спросим их: скажи мне, дерево – жизнь? камень – жизнь? эти бездушные и неподвижные предметы – жизнь? да и человек – жизнь совершенная? Кто это скажет? Человек – не самобытная жизнь, а только существо, причастное жизни.

2. Но посмотри и здесь, какие опять нелепости. Станем выводить заключения тем же порядком, чтобы дознать все бессмыслие. Таким образом они приписывают Духу то, что никогда нисколько Ему не причисляется. А начав с этого, они уже людям приписывают то, что, по их мнению, действительно сказано о Духе. Рассмотрим еще это чтение. Тварь тут называется жизнью; следовательно, она есть и свет, и о ней-то свидетельствовать приходил Иоанн. Отчего же и сам он – не свет? Сказано: *не бе той свет*. Но ведь он принадлежит к числу тварей? Почему же он – не свет? Каким образом *в мире бе, и мир Тем бысть*? Тварь ли была в твари и тварь произошла чрез тварь? Как же *мир Его не позна*? Тварь не познала твари? *Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (ст. 12). Но довольно уже смеха; я предоставляю вам самим проследовать все эти чудовищные мысли, чтобы не подумали, будто я говорил это просто для забавы, и чтобы не тратить попусту времени. Если те слова сказаны не о Духе (как и действительно не сказаны и как я уже показал), не сказаны и о твари, а несмотря на то, они все еще держатся своего чтения, то наконец отсюда должно выйти еще нелепейшее следствие, – что, как мы уже прежде сказали, Сын произошел Сам чрез Себя. Если *Свет истинный* есть Сын, а свет этот есть и *живот*, и живот был в Нем Самом, то, по их чтению, такое заключение необходимо. Итак, оставим его и обратимся к надлежащему чтению и изъяснению. Какое же правильное чтение? Словами: *еже бысть* надобно закончить предыдущую мысль, а затем начать следующие слова: *в Том живот бе*. Слова эти значат то же, что и предыдущие: *без Него ничтоже бысть, еже бысть*. Из всего, говорит, что только существует, ничто не произошло без Него.

Видишь ли, как этим кратким прибавлением евангелист устраняет все могущие представиться несообразности? Сказав: *без Него ничтоже бысть* и присовокупив: *еже бысть*, он таким образом обнял все твари, даже и умопостигаемые, и исключил из них Святого Духа. Такое прибавление и нужно было, чтобы на его слова: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* кто-либо не сказал: «если все произошло чрез Него, то чрез Него же произошел и Дух». Я, говорит он, сказал, что все, что ни сотворено, чрез Него произошло, невидимое ли

то, или бестелесное, или небесное. Поэтому-то не просто я сказал: *все*, а – *все, еже бысть*, то есть все сотворенное. Но Дух не сотворен. Видишь ли, как точно учение? Евангелист только упомянул о сотворении видимых тварей, так как об этом уже прежде учил Моисей; евангелист уже наставленных в этом предмете людей возводит к высшим созданиям, то есть бестелесным и невидимым, и вовсе исключает из числа их Святого Духа. Подобным образом говорил и Павел, вдохновенный благодатию: *яко Тем создана быша всяческая* (Кол. 1, 16). Вот и здесь опять такая же точность, потому что тот же Дух управлял и душою Павла. И вот, чтобы кто не исключил чего-либо сотворенного из создания Божия, – так как есть твари невидимые, – а с другой стороны, чтобы не включил кто в их число Утешителя, Павел, минуя твари чувственные и всем известные, исчисляет создания небесные и говорит: *еще Престоли, еще Господствия, еще Начала, еще Власти* (Кол. 1, 16). Частица *еще*, поставленная пред каждым словом, выражает не другое что, как и те слова: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть*. А если тебе кажется, что выражение: *Тем*¹⁰ как бы уменьшает Его достоинство, то послушай, что говорит Павел: *в начале Ты, Господи, землю основал еси, и дела руку Твоюю суть небеса* (Евр. 1, 10). Таким образом, что сказано у Пророка (см.: Пс. 101, 26) об Отце, как Создателе, то Павел говорит о Сыне, изображая Его не иначе, как Творца, а не так, как бы Он имел значение существа только служебного. А если здесь сказано: *Тем* (через Него), то это так выражено для того только, чтобы кто-нибудь не стал почитать Сына нерожденным. Но что в отношении к созданию Ему принадлежит достоинство, нисколько не меньшее Отца, об этом послушай Его Самого: *якоже Отец, говорит Он, воскрешает мертвых и живет, тако и Сын, ихже хочет, живет* (Ин. 5, 21). Итак, если и в Ветхом Завете сказано о Сыне: *в начале Ты, Господи, землю основал еси*, то Его достоинство, как Создателя, очевидно. Если же ты скажешь, что Пророк говорил эти слова собственно об Отце, а Павел только приписал Сыну сказанное об Отце, то и таким образом выходит то же самое. Да Павел и не решился бы приписать этого Сыну, если бы не был совершенно уверен в равночестности (Отца и Сына). Было бы крайне дерзновенно принадлежащее естеству, ни с чем не сравнимому, относить к естеству меньшему и подчиненному.

3. Но Сын не меньше и не ниже Отца по существу. Поэтому Павел дерзнул сказать о Нем не только вышеуказанные слова, но еще и нечто другое. Выражение: *из Него*, которое ты признаешь исключительно достойным одного Отца, Павел употребляет и о Сыне, говоря так: *из Негоже все тело, составы и союзы подаемо и снемлемо, растит возвращение Божие* (см.: Кол. 2, 19). Но не довольствуется он и этим; а и с другой стороны заключает вам уста, прилагая выражение: *Имже*¹¹ к Отцу, – выражение, которое, по твоим словам, означает меньшее достоинство: *верен Бог*, говорит он, *Имже звани бысте во общение Сына Его* (1 Кор. 1, 9). Также: *волею Его*. И еще: *яко из Того, и Тем, и в Нем всяческая* (Рим. 11, 36). Но не только о Сыне говорится: *из Того*, но и о Духе. Так Ангел сказал Иосифу: *не убойся прияти Мариам жены твоя: бо рождающееся в Ней от Духа есть Свята* (Мф. 1, 20). Равным образом и выражение: *о Нем*, относящееся к Духу, Пророк не отказывается приложить и к Богу (Отцу), говоря так: *о Бозе сотворим силу* (Пс. 59, 14). И Павел говорил: *моляся, еще убо когда поспешен буду волею Божиюю приити к вам* (Рим. 1, 10); и ко Христу относит то же выражение: *о Христе Иисусе*. Таких выражений, безразлично употребляемых, мы можем много и часто находить в Писании, чего не могло бы быть, если бы повсюду не предполагалось одно и то же существо. Не думай также, что в словах: *вся Тем быша* говорится здесь о чудесах: о них повествовали прочие евангелисты. А Иоанн после этих слов присовокупляет: *в мире бе, и мир Тем бысть* (ст. 10), – мир, а не Дух, потому что Он не есть творение, а выше всякой твари. Но поспешим далее. Сказав о создании: *вся Тем быша, и без Него ничтоже*

¹⁰ В греческом тексте Евангелия сказано: *δι' αὐτοῦ* – через Него.

¹¹ В греческом тексте: *δι' αὐτοῦ*.

бысть, еже бысть, Иоанн прилагает к тому и учение о Промысле в следующих словах: *в Том живот бе*. А присовокупил эти слова: *в Том живот бе* – для того, чтобы никто не сомневался, каким образом все чрез Него произошло. Как в бездонном источнике, сколько ни черпай воды, не уменьшишь источника, так и творческая сила Единородного, сколько бы ни было создано или произведено ею, нисколько от того не уменьшается. Или, лучше, я употреблю более свойственное этой силе сравнение, именно назову ее светом, как и сам евангелист говорит далее: *и живот бе свет человеком*. Как свет, хотя бы освещал неисчислимое множество предметов, нисколько оттого не уменьшается в своей светлости, так в Боге, и прежде и после сотворения сила нисколько не оскудевает, нимало не умалется и не ослабеваает от многочисленности творения; но, хотя бы надлежало произойти еще тысяче таких миров, хотя бы и бесконечному множеству их, Его сила довлеет на всех, чтобы не только произвести их, но и сохранить после создания. Наименование *жизни*, употребленное здесь, относится не только к созданию, но и к промыслению о сохранении созданного. Кроме того, говоря о жизни, евангелист полагает основание учению о воскресении и предначинает то дивное благовестие, что, с пришествием к нам жизни, разрушена держава смерти, что по озарении нас светом уже нет тьмы, а всегда пребывает в нас жизнь, и смерть уже не может преодолевать ее. Итак, вполне можно сказать и о Сыне то, что сказано об Отце: *о Нем живем и движемся и есмы* (см.: Деян. 17, 28). Это и Павел выражает в следующих словах: *яко Тем создана быша всяческая... и всяческая в Нем состоятся* (Кол. 1, 16, 17). Поэтому Сын называется и корнем, и основанием.

Но, когда слышишь, что *в Том живот бе*, не представляй Его себе сложным, потому что впоследствии Он говорит и об Отце: *якоже Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети* (Ин. 5, 26). Ты не скажешь по этому поводу об Отце, что Он сложен; не говори же и о Сыне. В другом месте сказано, что *Бог Свет есть* (1 Ин. 1, 5), также – что *Он живет во свете неприступнем* (1 Тим. 6, 16). Но все это говорится не для того, чтобы дать нам понятие о сложности, а чтобы мало-помалу возвести нас на высоту догматов. В самом деле, так как для народа нелегко было понять, каким образом Он имеет жизнь Сам в Себе, то он и говорил сначала о том, что не так высоко, а потом, научив их, уже возводит к более возвышенным истинам. Тот, Кто сказал, что Ему (Отец) *даде живот имети*, Сам потом говорит: *Аз есмь Жизнь*, и еще: *Аз есмь Свет*. А какой это свет? Свет не чувственный, а духовный, просвещающий душу. Так как Христос говорил: *никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец привлечет его* (см.: Ин. 6, 44), то евангелист, предваряя эти слова, и сказал, что Он есть Тот, Который просвещает, чтобы ты, услыша что-либо подобное об Отце, не приписал того только одному Отцу, но и Сыну, – ибо *вся*, говорит Он, *елика имать Отец Мой, Моя суть* (см.: 16, 15). Итак, евангелист сперва поучает нас о создании, потом говорит и о духовных благах, дарованных нам с пришествием Спасителя, и означает их одним словом: *Живот бе Свет человеком*. Не сказал: *бе Свет* иудеям, но – всем людям, потому что не иудеи только, а и язычники получили познание о Нем, и свет этот прилагается в общение всем. Но почему евангелист не присоединил сюда и Ангелов, а сказал только о людях?

Потому, что у евангелиста теперь слово о роде человеческом, и потому, что Спаситель к нему пришел благовествовать благая. *И свет во тме светится* (ст. 5). Тьмою здесь называет и смерть, и заблуждение. Свет чувственный сияет не во тьме, а когда нет тьмы; но проповедь евангельская светила среди мрака заблуждения, все облежавшего, и рассеивала его. Свет этот проник и в самую смерть и победил ее, так что уже одержимых смертию избавил от нее. Итак, поелику ни смерть, ни заблуждение не преодолели этого света, но он всюду блистает и светит собственной силою, то евангелист и говорит: *и тма его не объят* (ст. 5). Да он и неодолим, и не любит обитать в душах, не желающих просвещения.

4. Но, если он не всех объемлет, ты не должен этим смущаться. Бог приближается к нам не с принуждением, не против нашей воли, но по нашему желанию и благорасположе-

нию. Не заключай дверей для этого света – и получишь много наслаждения. А приходит к нам этот свет посредством веры и, пришедши, в обилии просвещает того, кто приемлет его. И если ты представишь ему чистую жизнь, он постоянно будет обитать в тебе. *Любяй Мя, заповеди Моя соблюдет*, говорит Спаситель, *и приидем к нему (Я и Отец Мой) и обитель у него сотворим* (см.: Ин. 14, 23). Как никто не может пользоваться светом солнечным, не открывая глаз, так никто не может участвовать в этом просвещении, не отверзая вполне очей души и не изошрив их во всех отношениях. А как это можно сделать? Очищая душу от всякой страсти. Грех есть тьма, и тьма глубокая; и это видно из того, что он совершается безрассудно и тайно. *Всяк бо, делаяй злая, ненавидит света и не приходит к свету* (Ин. 3, 20). *А бывавшая отай срамно есть и глаголати* (см.: Еф. 5, 12). Как во тьме мы не распознаем ни друга, ни врага и вовсе не узнаем свойства вещей, так и – в грехе. Человек любостыжательный не отличает друга от врага; завистник и на человека, самого благорасположенного к нему, смотрит, как на врага; наветник одинаково вооружен против всех, – словом, всяк, делающий грех, ничем не отличается от людей упивающихся и беснующихся, в том отношении, что не распознает свойства предметов. И как ночью на наши глаза – все равно: дерево ли, или свинец, железо, серебро, или золото, или драгоценный камень, потому что для различения этих предметов недостает света, так человек, ведущий нечистую жизнь, не постигает ни доблести целомудрия, ни красоты любомудрия. Ведь во тьме, как я сказал, и драгоценные камни не обнаруживают своей красоты, не сами по себе, но по незнанию тех, кто смотрит. Но не эта одна беда постигает нас, когда мы живем во грехах; мы живем тогда еще и в постоянном страхе. Как находящиеся в пути в безлунную ночь чувствуют страх, хотя бы и ничего страшного не было, так и грешники не могут иметь дерзновения, хотя бы и никто не обличал их; но, чувствуя угрызения совести, они всего боятся, все подозревают, все на них наводит страх и ужас, на все озираются с боязнию, всего трепещут. Будем же убежать такой мучительной жизни. А за такую мукою еще последует смерть, смерть бессмертная; тогда не будет и конца наказанию. Здесь же ничем не отличаются от умопомешанных те, которые, как бы во сне, представляют себе вещи небывалые. Так воображают себя богатыми, не будучи богатыми; думают роскошествовать, не имея никакого удовольствия; и не прежде они узнают, как должно, такое заблуждение, пока не освободятся от умопомешательства или пока не отрясут с себя сна. Поэтому-то Павел заповедует всем трезвиться и бодрствовать; то же повелевает и Христос. Кто трезвится и бодрствует, тот, хотя бы увлекся грехом, немедленно отражает его; а кто спит или безумствует, тот и не чувствует, какую власть имеет над ним грех. Не будем же спать. Теперь не ночь, а день; потому *яко во дни, благообразно да ходим* (Рим. 13, 13). Ничего нет постыднее греха. В этом отношении не так худо в наготе ходить, как во грехах и преступлениях. Нагота еще не такое преступление, – нередко она происходит и от нищеты; но ничего нет постыднее и презреннее греха. Представим себе тех, которых ведут в судилище за кражу и подлог: какой срам и смех покрывает их, как людей бесстыдных, лживых и наглых! Нам неприятно и тяжело терпеть, чтобы верхняя одежда была надета на нас небрежно или навыворот; даже когда и на других увидим это, то исправляем; а когда все мы и ближние наши ходим на головах, то не замечаем этого. Скажи мне, что может быть постыднее, как мужчине входить к распутной женщине? Кто заслуживает более осмеяния, чем человек сварливый, склонный к злословию и завистливый? Отчего же все это кажется не так стыдно, как ходить в наготе? Только от привычки. Этого никто никогда не позволял себе по доброй воле; а на грехи осмеливаются всегда все, без всякого страха. Конечно, если бы кто вошел в сонм Ангелов, в котором никогда ничего такого не бывало, то увидел бы, как это достойно посмеяния. Но что я говорю о сонме Ангелов? Если бы кто в царских чертогах, введши блудницу, воспользовался ею, или упился вином, или дозволил себе другой какой-либо бесчестный поступок, такой подвергся бы самому строгому наказанию. Если же в царских чертогах не терпимы подобные дерзости, тем более мы должны

подвергнуться крайнему наказанию, если осмеливаемся на такие дела в присутствии Царя Вездесущего и Всевидящего. Поэтому, умоляю, покажем в образе жизни нашей скромность и чистоту. Мы имеем Царя, Который непрестанно зрит все дела наши. А чтобы нас озарял всегда в обилии высший свет, будем привлекать к себе его луч. Тогда мы будем наслаждаться и настоящими и будущими благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

Беседа VI

Бысть человек послан от Бога, имя ему Иоанн (1, 6)

Изъяснение 1, 6. Посланничество Иоанна Крестителя. – Объяснение изречения: «бысть человек послан от Бога». – Зачем и каким образом Христос принимает свидетельство Иоанна. – Учение без добрых дел не приносит пользы.

Евангелист, вначале сказав нам о Боге Слове то, что было особенно нужно, далее последовательно и по порядку переходит к соименному с ним проповеднику Слова, Иоанну. А ты, слыша, что он послан был от Бога, не принимай его слов за человеческие. Все он вещал не от себя, но от Пославшего его. Поэтому называется он и Ангелом (вестником), так как дело вестника – ничего не говорить от себя. Слово: бысть означает здесь не происхождение его, а именно его послание. Бысть послан от Бога, то есть его Бог послал. Как же говорят, что слова: во образе Божии сый (Флп. 2, 6) не выражают равенства Сына со Отцом, потому что (к слову: Бог) не приложишь член (о)? Вот и здесь¹² совсем нет члена. Между тем разве здесь речь не об Отце? А что сказать о словах Пророка: се, Аз пошлю Ангела Моего пред лицом Моим, иже уготовит путь Твой (см.: Мал. 3, 1; Мф. 11, 10)? Слова: мой и твой указывают на два лица. Сей прииде во свидетельство, да свидетельствует о Свете (Ин. 1, 7). Что же, скажет кто-нибудь, раб свидетельствует о Господе? Но не будешь ли ты еще более изумляться и недоумевать, когда увидишь, что Господь не только получает свидетельство от раба, но и приходит к нему и вместе с иудеями принимает крещение от него? Однако ж не смущаться и колебаться мыслию, а изумляться должно Его неизглаголанной благодати. Если же кто останется в недоумении и смущении, то Господь и ему скажет то же, что сказал Иоанну: остави ныне: тако бо подобает нам исполнити всяку правду (Мф. 3, 15). А кто и после этого стал бы смущаться, тому Он скажет то же, что сказал иудеям: не от человека свидетельства приемлю (Ин. 5, 34). Но если Он не имеет нужды в таком свидетельстве, для чего же послан был от Бога Иоанн? Не для того, что Он имел нужду в его свидетельстве (говорить это было бы крайним богохульством). А для чего? Это изъясняет нам евангелист, когда говорит: да еси веру имут ему¹³ (1, 7). А если Сам Христос говорит: не от человека свидетельства приемлю, то да не подумают несмысленные, что Он Сам Себе противоречит, говоря здесь так, а в другом месте – так: ин есть свидетельствуй о Мне, и вем, яко истинно есть свидетельство его (см.: 5, 32). В последнем случае Он разумел Иоанна, а сказав: не от человека свидетельства приемлю, Он тотчас присовокупляет и объяснение Своим словам, именно: сия глаголю, да вы спасени будете (5, 34). Как бы так Он говорил: «Я Бог и истинный Сын Божий, единого (со Отцом) бессмертного и блаженного существа, и потому не имею нужды ни в каком свидетеле. Хотя бы и никто не хотел свидетельствовать о Мне, Я оттого в Своем естестве нисколько не унижаюсь. А так как спасение людей есть предмет Моего попечения, то Я снизошел до такого самоуничижения, что и человеку предоставляю свидетельствовать о Мне». А от этого, по немощи иудеев, тем легче и доступнее для них могла быть вера в Него. Потому Он как облекся плотию, чтобы, явившись людям в Своем Божестве без покрова, не погубить всех их, так и проповедником о Себе послал человека, чтобы слушатели того времени, слыша сродный себе голос, тем легче последовали Ему. А что Сын Божий не имел никакой

¹² В словах: бысть человек послан от Бога.

¹³ В подлиннике у святителя Иоанна Златоуста: *ἵνα πάντες πιστεύσωσι δι' αὐτοῦ*, то есть: да вси уверуют чрез него (Иоанна).

нужды в свидетельстве Иоанна, для доказательства довольно было бы Ему только явить Себя таким, каков Он есть по Своему существу, и поразить всех ужасом. Но Он этого не сделал, потому что, как я уже сказал, Он всех таким образом уничтожил бы, так как никто не был бы в состоянии вынести приражения этого неприступного света. Поэтому-то, говоря, Он и плотию облекается, и свидетельство о Себе поручает одному из сорабов наших, все устрояя ко спасению людей и имея в виду не Свое только достоинство, но и благоприемлемость и пользу Своих слушателей. Это Он выразил и Сам, когда сказал: сия глаголю, да вы спасени будете. И евангелист, повторяя изречение Господа, после слов: да свидетельствует о Свете, присовокупляет: да еси веру имут ему. Как бы так он говорил: не думай, что Иоанн Креститель пришел свидетельствовать для того, чтобы придать достоверность учению Господа, нет; а для того, чтобы единоплеменники его уверовали чрез него. Что евангелист именно спешил предотвратить такую мысль, это видно из последующих слов, которые он присовокупляет: не бе той свет (ст. 8). А если бы он прибавил это не для устранения такой мысли, тогда это было бы только излишним распространением слов и скорее было бы тождество, чем изъяснение учения. В самом деле, сказав, что Иоанн послан был, да свидетельствует о Свете, для чего еще он говорит: не бе той свет? Не без цели и не напрасно. У нас обыкновенно свидетельствующий бывает больше того, о ком свидетельствует, и нередко признается более достойным доверия. Поэтому-то, чтобы кто не подумал того же и об Иоанне, евангелист тотчас, с самого же начала, уничтожает эту мысль и, исторгая ее с корнем, показывает, кто этот свидетельствующий, и Кто Тот, о Ком он свидетельствует, и какое различие находится между тем и другим. Сделав это и показав несравнимое превосходство последнего пред первым, евангелист уже без опасения переходит к последующему сказанию; и если что нелепого было в мыслях людей неразумных, все то тщательно устранив, он уже без всякого затруднения и беспрепятственно приступает к продолжению слова. Итак, будем молиться, чтобы, при откровении таких высоких истин, при учении правом, и жизнь наша была чиста и поведение безукоризненно, так как не приносит нам пользы учение, когда у нас нет добрых дел. Если бы мы имели и всецелую веру, и разумение Писаний, но если мы не будем иметь доброго направления в жизни, то ничто не спасет нас от гееннского огня и пламени, неугасимого в вечности. Как люди, делающие добрые дела, воскреснут в жизнь вечную, так люди, дерзающие надела злые, воскреснут для наказания вечного и бесконечного. Поэтому все попечение приложим к тому, чтобы в худых делах не погубить плодов правой веры, но по доброй жизни с дерзновением созерцать Христа, – а выше этого блаженства ничего не может быть, – чего и да сможем достигнуть, делая все во славу Бога, Которому слава, с Единородным Сыном и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

Беседа VII

Бе Свет истинный, Иже просвещает всякого человека, грядущаго в мир (1, 9)

Изъяснение 1, 9. Не следует стараться постигнуть то, что непостижимо в Боге. – Истинное учение об Отце и Сыне. – Неразумие савелиан и маркеллиан. – Как омываются грехи.

1. Мы питаем вас, чада возлюбленные, учением Писаний только по частям, и не все вдруг излагаем, для того чтобы вы легче могли сохранить предлагаемое вам. Кто при построении дома, прежде чем скреплены первые камни, кладет на них другие, тот возводит стену некрепкую и удоборазрушимую. А кто выжидает, пока одни камни скрепляются известью, и потом уже мало-помалу прибавляет к ним другие, тот строит здание прочное, немаловажное, неразрушимое, крепкое. Таким строителям будем подражать и мы и подобным образом станем созидать ваши души. Я опасюсь, чтобы, пока первые основания еще не утверждены, приложение дальнейшего учения не повредило и начаткам, так как разум еще не довольно силен, чтобы удержать все. Что же сегодня прочитано нам? *Бе Свет истинный, Иже просвещает всякого человека, грядущаго в мир.* Евангелист, говоря выше об Иоанне, заметил, что он пришел, *да свидетельствует о Свете*, и что именно в то время он для этого был послан. А чтобы, слыша это, кто-нибудь, по поводу недавнего явления свидетеля, не возымел подобного подозрения и касательно самого свидетельствуемого лица, евангелист возводит мысль выше и устремляет ее к бытию безначальному, никогда нескончаемому и непрестающему. Но как может, скажешь ты, иметь такое бытие Тот, Кто есть *Сын*? Мы говорим о Боге, а ты спрашиваешь, как это возможно? И ты не страшишься и не ужасаешься? Если бы кто спросил тебя, каким образом наши души, а потом и тела будут жить вечно, ты, конечно, посмеялся бы над таким вопросом, потому что не уму человеческому изведывать такие предметы, а его долг только верить, да и не испытывать того, что сказано, так как достаточным доказательством сказанного служит для него могущество Того, Кто изрек это. И ты спрашиваешь у нас, как это возможно, когда мы говорим, что безначален Тот, Кто создал души и тела, и бесконечно превосходит всякое создание? Кто в полном рассудке и в здравом уме станет говорить это? Ты слышал, что *бе Свет истинный*. Зачем же понапрасну усиливаешься обнять своим умом эту жизнь бесконечную? Это невозможно. Для чего исследуешь неисследимое? Для чего испытываешь непостижимое? Для чего изведываешь неведомое? Рассмотрим самый источник солнечных лучей. Ты не можешь этого сделать, однако ж ты в этом случае не досадуешь и не скорбишь о своем бессилии. Отчего же ты так смел и опрометчив в предметах гораздо важнейших? Сын громов, Иоанн, возглашающий чрез духовную трубу, услышав от Духа, что *бе Свет*, ничего больше и не испытывал. А ты, не имея его благодати, рассуждая только по своим слабым умозаключениям, – ты усиливаешься переступить даже за черту его ведения? За это ты не сможешь достигнуть и меры его ведения. Таково-то коварство диавола: доверившихся ему он выводит за пределы, положенные для нас Богом, как будто бы мы могли иметь гораздо более (знания). А обольстив нас такими надеждами и лишив благодати Божией, он не только ничего более не сообщает нам (да и как он, диавол, может это?), но и не допускает возвратиться в прежние пределы, в которых мы были безопасны, а всюду заставляя нас блуждать и нигде не дает остановиться. Таким образом он и первозданного человека довел до изгнания из рая. Наделив его надеждою большего ведения и почести, диавол лишил его и того, чем он прежде спокойно пользовался. Человек

не только не соделался равным Богу, как обещал ему диавол, но и подпал под иго смерти; не только чрез вкушение от древа не получил ничего более, но в надежде большего ведения утратил немало и прежнего знания. Он стал стыдиться своей наготы и скрывать ее, тогда как до оболыщения он был выше подобного стыда. Даже то, что он стал видеть свою наготу и почувствовал нужду в прикрытии себя одеждою, – эти и другие, еще большие скорби были следствиями оболыщения. Чтобы не потерпеть и нам того же, будем повиноваться Богу и пребывать в Его заповедях, ничего более не испытывая; иначе мы лишимся уже и дарованных нам благ, как наказаны и эти (еретики). Они, как скоро стали изыскивать начало жизни безначальной, лишились и того, что могли иметь. Не нашли они и того, чего искали; да это и невозможно. А между тем от правой веры в Единородного они отпали. Но мы не будем преступать пределов вечных, которые положили Отцы наши, а во всем будем следовать законам Духа и, слыша, что *бе Свет истинный*, ничего больше не будем исследовать; да и невозможно никому простирается далее этого изречения. Если бы Бог рождал подобно человеку, то необходимо было бы какое-либо разделение между рождающим и рождаемым. Но как это рождение неизреченное и только Богу свойственное, то оставь обыкновенные понятия: *прежде и после*. Это – выражение времени, а Сын есть Творец и всех веков.

2. Следовательно, говорят иные, Бог не Отец (Сыну), а брат. Но, скажи мне, какая нужда (в подобном заключении)? Если бы мы говорили, что Отец и Сын имеют бытие разделенное в своем начале, то, может быть, ты имел бы право говорить так. Но мы избегаем такого нечестия и говорим, что Отец и безначален, и нерожден, а Сын безначален, но рожден от Отца. Какая же надобность из такого учения выводить такое нечестивое заключение? Никакой нет надобности. Сын есть отблеск¹⁴. А отблеск представляется нераздельно с тем естеством, которого есть отблеск. Поэтому-то и Павел так назвал (Сына) (см.: Евр. 1, 3), чтобы мы не предполагали никакого разделения между Отцом и Сыном. Вот что выражается этим наименованием. Таким подобием Апостол исправляет нелепые мысли, приходящие в голову людям бессмысленным. Слыша об отблеске, говорит Апостол, не думай, что Сын не имеет собственной ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумию савелиан и маркеллиан¹⁵. Мы учим не так; а говорим, что Он имеет Свою собственную Ипостась. Поэтому, назвав Его отблеском, Апостол присовокупляет, что Он есть и *образ Ипостаси Его* (Отца) (Евр. 1, 3), чтобы тем выразить и собственную Его Ипостась, и единосушие с Тем, Которого есть образ. Нет, как я уже говорил, одного какого-либо достаточного выражения, чтобы передать людям все это учение о Боге. Желательно, по крайней мере, совокупив несколько выражений, из каждого извлечь то, что приличествует. Таким образом мы можем воздать достойное славословие Богу, – достойное, говорю, то есть по нашим силам. А если бы кто думал, что может говорить достойно о самом существе Божеском и усиливался доказать, что знает Бога, как Бог знает Самого Себя, тот-то именно и не имел бы никакого познания о Боге. Зная это, будем твердо держаться того, что предали нам *иже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе*, и больше ничего не будем испытывать. Две опасности угрожают страждущим этою болезнию: одна та, что они напрасно трудятся, отыскивая то, чего нельзя найти; другая – что прогневливают Бога, усиливаясь преступить пределы, Им положенные. А какой это возбуждает гнев в Боге, нет нужды говорить вам, потому что вам всем это известно. Итак, удаляясь от сумасбродства еретиков, будем с трепетом внимать Его словам, чтобы Он всегда охранял нас. *На кого воззрю*, говорит Он, *токмо на кроткаго и смиреннаго, молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). Итак, оставив это губительное любопытство, станем лучше сокрушаться сердцем, будем оплакивать грехи свои, как заповедал нам Христос. Станем скорбеть о своих преступлениях, возобновим тщательно в памяти все, на что

¹⁴ В греческом тексте: *ἀπαύρασμα*.

¹⁵ Еретики. – *Ред.*

мы отваживались в прошедшее время, и все то постараемся совершенно загладить. К этому Бог открыл нам много путей. *Глаголи ты, говорит Он, беззакония твоя прежде, да оправдишися* (Ис. 43, 26). И в другом месте: *рех: исповем на мя беззаконие мое, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (см.: Пс. 31, 5). Так, частое воспоминание грехов и обвинение себя в них немало способствует к уменьшению великости их. Есть и другой путь, еще более верный, когда мы не помним зла ни на ком, кто согрешил против нас, когда прощаем всякому сделанные против нас проступки. Хочешь ли знать еще третий путь? Послушай, что говорит Даниил: *сего ради грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих* (см.: Дан. 4, 24). Есть и еще, кроме этого, путь – частое упражнение в молитвах, постоянное прилежание в молениях к Богу. Приносит нам не мало утешения и оставления грехов также и пост, когда соединяется с любовью к ближним; он угашает и силу гнева Божия. *Огнь горящий угасит вода, и милостынями очищаются грехи* (см.: Сир. 3, 30). Итак, будем ходить по всем этим путям.

Если будем всегда держаться их и на них обращать свое внимание, то не только очистим прошедшие преступления, но и на будущее время весьма много приобретем для себя пользы, – не дадим диаволу возможности нападать на нас, да и сами не впадем в беспечность житейскую, в это губительное любопытство. Диавол, между прочим, и до этого доводит, и потом до этих безрассудных изысканий и вредных словопрений, как скоро замечает, что люди предаются праздности и недеятельности, вовсе не заботясь о добродетельной жизни. Но мы заградим ему этот проход, будем бодрствовать, трезвиться, чтобы, после краткого времени небольших трудов, достигнуть в бесконечные веки бессмертных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

Беседа VIII

Бе Свет истинный, Иже просвещает всякого человека, грядущаго в мир (1, 9)

Изъяснение 1, 9. Почему Иисус Христос, будучи светом истины, не освящает всех людей. – Неразумие Павла Самосатского. – Ответы на вопросы язычников: что делал Иисус Христос до своего пришествия и прочее? – Нельзя надлежащим образом стремиться к небесному, привязываясь к земному. – Большое различие между служителями Иисуса Христа и служителями мамоны.

1. Ничто не препятствует нам и сегодня снова коснуться этих слов, потому что в прошедший раз изложение догматов не позволило нам проследить вполне все прочитанное. Где же те, которые говорят, что Сын не есть истинный Бог? Здесь Он называется *истинным Светом*, а в другом месте самую *Истиною* и самую *Жизнию*. Впрочем, эти последние слова мы яснее исследуем, когда дойдем до них; а теперь надобно вашей любви сказать о свете. Если он *просвещает всякого человека, грядущаго в мир*, то отчего столько людей остаются не просвещенными? Оттого, конечно, что не все познали веру Христову. Как же он *просвещает всякого человека*? Смотря по приемлемости каждого. Если некоторые, по своей воле смежив очи ума, не хотят принять лучей этого света, то омрачение их происходит не от естества самого света, а от злобы этих людей, добровольно лишаящих себя дара. Благодать изливается на всех; она не чужда ни иудея, ни эллина, ни варвара, ни скифа, ни свободного, ни раба, ни мужа, ни жены, ни старца, ни юноши; ко всем одинаково близка и всех равночестно призывает. Но те, которые не хотят воспользоваться этим даром, те, по справедливости, самим себе должны приписывать такое ослепление. Если тогда, как вход открыт для всех и никто не преграждает его, некоторые по произвольному ожесточению остаются вне, то они гибнут не от чего-либо другого, а от собственной порочности. *В мире бе* (ст. 10), – но не как современный миру; нет. Поэтому (евангелист) и присовокупляет: *и мир Тем бысть* (ст. 10). Чрез это он опять возводит тебя к предвечному бытию Единородного. Кто слышит, что все есть создание Его, тот хотя бы был вовсе бесчувствен, хотя бы был враг и противник славы Божией, во всяком случае волею или неволею принужден будет признать, что Творец существует прежде творений. Потому-то я всегда и дивлюсь безумию Павла Самосатского, – как он дерзал противоречить столь очевидной истине и сам себя добровольно низринул в бездну. Он заблуждался не по неведению, а очень хорошо понимая дело, подвергся одной участи с иудеями. Как иудеи, имея в виду суд людей, оставили здравую веру и, хотя знали, что Иисус есть Единородный Сын Божий, но, ради своих начальников, не исповедовали, чтобы не быть изгнанными из синагоги, так и Павел Самосатский, как говорят, из угождения какой-то женщине, отрекся от своего спасения. Подлинно, страшно, страшно преобладание тщеславия; оно может ослепить очи и мудрых людей, если они не станут бодрствовать. Если это может сделать мздоимство, тем больше – страсть тщеславия, гораздо сильнейшая. Поэтому-то и говорил Христос иудеям: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единаго Бога, не ищите?* (Ин. 5, 44). *И мир Его не позна* (1, 10). Евангелист называет здесь миром множество людей растленных, преданных земным делам, толпу, мятежный и бессмысленный народ. Но други Божии и все дивные мужи познавали Христа еще прежде Его явления во плоти. Именно о праотце Сам Христос сказал: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день Мой: и виде и возрадовася* (Ин. 8, 56). И о Давиде в обличение

иудеев Он говорил: *како убо Давид духом Господа Его нарицает, глаголя: рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене* (Мф. 22, 43–44). Много раз, препираясь с ними, Он упоминает и о Моисее (см.: Ин. 5, 46); а о прочих пророках – Апостол. А что все пророки, начиная от Самуила, познавали Христа и задолго предвозвещали пришествие Его, об этом говорит апостол Петр: *и еси пророцы от Самуила и яже по сих, елицы глаголаша, такожде предвозвестиша дни сия* (Деян. 3, 24). Иакову и отцу его, как и деду его, являлся Сам Бог, беседовал с ними, обещая даровать им многие и великие блага, что и исполнилось на самом деле. Какже, скажешь ты, Он Сам говорил: *мнози пророцы восхотеша видети, яже вы видите, и не видеша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (см.: Лк. 10, 24)? Как же они знали Его? Конечно знали; и я попытаюсь доказать это из тех же самых слов, из которых некоторые заключают, будто бы пророки не имели познания об Иисусе Христе. Он говорит: *мнози восхотеша видети, яже вы видите*; значит, они знали, что Он придет к людям и совершит дела, которые и действительно совершил. А если бы не знали этого, то и не восхотели бы видеть, потому что никто не может желать того, чего совсем не знает. Следовательно, они знали Сына Божия, знали и то, что Он придет к людям. Но что ж это такое, чего они не видели и не слышали? То, что ныне вы видите и слышите. Пророки, хотя слышали глас Его и Самого Его видели, однако ж – не во плоти, не в том виде, в каком Он обращался с людьми и открыто беседовал с ними. На это и Сам Он ясно указывает, – говорит не просто: они желали *Меня видеть*, – а как? Желали *видеть, что вы видите*; не сказал также: желали *Меня слышать*, но: *что вы слышите*. Таким образом, хотя они и не видели его явления во плоти, однако ж знали, что оно будет, и его желали. Они веровали во Христа, хотя и не видели Его во плоти. Если же язычники, думая укорить нас, спросят: что же делал Христос прежде, когда еще не промышлял о роде человеческом? почему Он, оставив нас на столь долгое время без попечения, уже в последнее время пришел устроить наше спасение? – мы скажем, что Он еще и прежде того времени был в мире, предустраивая дела и ведом был всем достойным. А если вы скажете, что Он был неведом, потому что не все тогда знали Его, а только люди избранные и добродетельные, то на таком основании вы, пожалуй, допустите, что Он и в настоящее время не имеет поклонения от людей, потому что и ныне еще не все знают Его. Но как в настоящее время никто не может отрицать, что есть люди, знающие Его, – потому только, что есть люди, не знающие Его, – так нельзя сомневаться в том и по отношению к прежним временам, потому что многие или, лучше сказать, все избранные и дивные мужи знали Его.

2. Но если бы кто спросил: почему тогда не все веровали в Него и не все почитали Его, а только одни праведные? – то спрошу и я: отчего и в настоящее время не все знают Его? Да что говорить о Христе? Отчего как прежде, так и ныне не все знают и Отца Его? Некоторые говорят, что все (в мире) носится самодвижно; другие попечение о всем приписывают демонам; а есть и такие, которые, кроме истинного Бога, измыслили для себя какого-то другого; из них иные богохульствуют, утверждая, будто есть какая-то противная Богу сила, и еще думают, что законы Божии принадлежат какому-то злему духу. Что же? Ужели потому, что некоторые отвергают Бога, и мы будем говорить то же или согласимся, что Он зол, так как некоторые высказывают и это богохульство? Прочь это безрассудство и это крайнее безумие! Если бы мы стали поверять догматы судом этих безумных людей, то и нас самих ничто не удержало бы от крайнего безумия. Конечно, никто не скажет, что солнце вредно для глаз, потому что есть больные глазами; напротив, оно светоносно по суду людей здоровых. Никто также не скажет, что мед горек, потому что он кажется таким на вкус больных. И так, не по примеру ли больных некоторые утверждают, что или нет Бога, или что Он зол, что иногда Он промышляет, а иногда вовсе не делает этого? И кто скажет, что они люди здоровые? Напротив, это – люди не исступленные ли, безумные и крайне помешанные? *Мир Его не позна* (Ин. 1, 10), сказано: однако ж те, которых недостойн был мир, познали Его. Сказав же о непознавших Его, евангелист вкратце излагает и причину этого неведения; говорит не просто: никто

не познал Его, но: *мир Его не позна*, то есть люди, преданные одному миру и только о мирском помышляющие. Так обыкновенно называл их и Христос, как, например, когда говорил: *Отче праведный, и мир Тебе не позна* (Ин. 17, 25). Но мир, как мы сказали, не познал не только Сына, но и Отца, потому что ничто не приводит в такое расстройство рассудок, как привязанность к предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, от мира и воздерживайтесь от дел плотских; от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах. Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоить предметов небесных; но по необходимости, заботясь о тех, лишается этих. *Не можете*, сказано, *Богу работати и мамоне* (Лк. 16, 13). Последуя одному, по необходимости надобно оставить другого. И об этом гласит самый опыт. Те, которые смеются над страстию к богатству, те-то наиболее и любят Бога как должно. Напротив, те, которые высоко ценят богатство как первое благо, слабейшую имеют любовь к Богу. Душа, будучи однажды пленена любостыжанием, уже не может легко и удобно удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабою другого господина, и притом такого, который повелевает ей все противное Богу.

Итак, воспряните и пробудитесь и, размыслив о том, какого Господина мы рабы, возлюбим только Его власть; возрыдаем и оплачем прежнее время, в которое мы работали мамоне; свергнем однажды навсегда ее тяжкое, несносное иго и будем постоянно носить иго Христово, легкое и отрадное; Христос же не повелевает ничего такого, что внушает мамона. Она повелевает быть врагами всем; а Христос – напротив: миловать и любить. Она, призвав нас к праху и пыли (таково – золото), не дает нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно; а Христос освобождает нас от этой излишней и неразумной заботы, повелевает собрать сокровища на Небесах, не неправдою в отношении к другим, а собственною правдою. Мамона, после стольких трудов и скорбей, не может даже остаться с нами, когда мы там будем терпеть наказания и злострадать за исполнение ее внушений; она даже увеличит для нас пламя; а Христос, даже когда повелевает дать ближнему чашу холодной воды, не попустит нас и за то лишиться награды и возмездия, но воздаст с великою щедростию. Итак, не крайне ли безрассудно – пренебрегать столь кроткое и столь великими благами изобилующее владычество и работать властителю неблагодарному и непризнательному, который ни здесь, ни там не может никакой пользы принести последующим и повинующимся ему? Но не то одно худо, и не то одно вредно, что он не может избавить преданных казни, а и то еще, что он, как я сказал, подвергает бесчисленному множеству зол людей, покоряющихся ему. Весьма многие из тех, которые будут наказаны, будут терпеть наказание именно за то, что служили деньгам, любили золото и не помогали нуждающимся.

Чтобы не терпеть и нам того же, будем расточать (свои сокровища), отдавая их бедным; освобождать свою душу и от здешних зловредных попечений, и от будущих, за то уготованных, мучений. Приготовим себе оправдание на Небесах; вместо стяжаний земных соберем сокровища неистощаемые, сокровища, которые могут сопутствовать нам на Небо, могут защитить нас в опасности и умиловать тогда Судию. Да будет же ко всем нам Его благоволение и ныне, и в тот день, и да насладимся великим дерзновением благ, какие уготованы на Небесах любящим Его, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа IX

Во своя прииде, и свои Его не прияша (1, 11)

Изъяснение 1, 11. Кто такие «свои», которые не приняли Христа: во-первых, иудеи, бывшие его избранным народом. – Затем другие люди, которые не веровали в него, будучи Его тварями. – Неверие как причина ослепления иудеев; гордость как причина их неверия. – Благодать милосердия, распространенная Богом на язычников, не причинила никакой несправедливости иудеям. – Апостол Павел справедливо укоряет их и обуздывает их гордость и заносчивость. – Они завидуют спасению язычников. – Гордость делает бесполезными все добродетели.

1. Если вы помните прежние наши размышления, то мы с большею охотою будем продолжать назидание, получая отсюда и для себя много пользы. Как скоро вы запомнили прочитанное, то и для вас вразумительнее будет слово наше, и от нас не много потребует труда, потому что вы, при своей любознательности, можете уже глубже вникать в дальнейшее учение. Кто всегда теряет (из памяти) то, что ему преподано, тот всегда будет нуждаться в учителе и никогда не узнает ничего. А кто все принятое хранит и к тому прилагает дальнейшие (наставления), тот скоро из ученика может сделаться учителем и будет полезен не для себя только, но и для других. Я надеюсь, что именно таково будет предстоящее собрание, и заключаю это из такой великой его ревности к слушанию. Потому в душах ваших, как в надежном хранилище, мы положим серебро Господа и, сколько поможет благодать Духа, изъясним предложенное нам сегодня чтение. Евангелист, говоря о прежних временах, сказал: *мир Его не позна*; далее, обращая речь ко временам самой проповеди, он говорит: *во своя прииде, и свои Его не прияша*. Своими он здесь называет иудеев, как народ особый, или всех людей, как происшедших от этого народа. И как выше, болезнуя о неразумии многих людей и пристыжая общий дух (времени), он говорил, что не познал Создателя мир, чрез Него происшедший, так и здесь, негодуя на неблагодарность иудеев и многих других, он произносит еще более тяжкое осуждение, говоря: *свои Его не прияша*, тогда как Он к ним-то и приходил. Но не один евангелист, а и пророки с удивлением говорили то же самое, наконец и Павел, изумленный тем же. Так взывали пророки, говоря от лица Иисуса Христа: *людие, ихже не ведех, работаша ми, в слух уха послушаша мя. Сынове чуждии солгаша ми, сынове чуждии обеташа и охромоша от стезь своих* (Пс. 17, 44–46). И в другом месте: *имже не возвестися о Нем, узрят, и иже не слышаша, уразумеют* (Ис. 52, 15). Также: *обретохся не ищущим Мене, явлен быхне вопрошающим о Мне* (см.: Ис. 65, 1). А Павел в Послании к Римлянам говорил: *что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи, а избрание же получи* (Рим. 11, 7). И в другом месте: *что уборечем? Якоязыцы не гонящи правду, постигоша правду... Израиль же гоня закон правды, в закон правды не постиже* (Рим. 9, 30–31). Поистине, достойно удивления то, как иудеи, воспитанные на книгах пророческих, каждый день слушавшие Моисея, который весьма многое говорит о пришествии Христовом, равно и других, после него бывших пророков, наконец видевшие и Самого Христа, Который каждый день творил для них чудеса, с ними только и беседовал, и как ученикам еще не позволял *ходить на путь языков*, или входить в какой-либо город самарянский, так и Сам этого не делал и часто говорил, что Он послан к овцам, погибшим дому Израилева, – как, говорю, иудеи, получив столько знамений, слыша каждый день пророков и Самого Христа с Его

постоянными внушениями, до того ослепили и оглушили сами себя, что уже ничто не могло привести их к вере во Христа.

Между тем язычники, не имея у себя ничего такого, никогда не слышав Божественных вещаний, даже, так сказать, и во сне всегда занимались только бреднями людей умопомешанных (такова языческая философия), перечитывали пустословия поэтов, привязаны были к деревьям и камням и не знали ничего здравого и полезного ни в верованиях, ни в правилах жизни; а жизнь их была еще более нечиста и преступна, чем учение. Да и могло ли быть иначе, когда они видели, что их боги находят удовольствие во всяком пороке, что они чувствуются срамными словами и еще более срамными делами и это принимают как празднество и почесть; кроме того, чувствуются и гнусными убийствами и умерщвлением детей, – и в этом люди подражали богам же. Но, несмотря на то что они ниспали до такой глубины зла, вдруг, как бы какую машиною, поднялись на высоту и явились нам, блистая с самого верха Небес. Как же это и отчего произошло? Послушай, что говорит об этом Павел. Блаженный Апостол, тщательно исследуя эти обстоятельства, не оставил их до тех пор, пока не нашел причины и не изъяснил ее всем. Какая же это причина? И отчего была у иудеев такая слепота? Послушай, что говорит об этом он сам, тот, которому вверено было это Домостроительство. Что же он говорит в разрешение такого недоразумения многих? *Не разумеюще*, говорит он, *Божия правды и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинушася* (Рим. 10, 3). Вот за что они подверглись такому несчастью. И в другом месте, то же самое излагая иначе, Апостол говорит: *что убо речем? Яко языцы не гонящии правду, постигоша правду, правду же, яже от веры. Израиль же гоня закон правды, в закон правды не постиже. Чесо ради? зане не от веры... Преткнушася бо о камень претыкания* (Рим. 9, 30–32). Это значит, что неверие иудеев было для них причиной зол, а неверие происходило от надменности. Сначала они имели больше, нежели язычники, именно: получили закон, имели познание о Боге и прочее, о чем говорит Павел. Но по пришествии Христа, как скоро увидели, что как они, так и язычники по вере равночестно призываются ко спасению и что в деле веры обрезанный не имеет никакого преимущества пред обращенным из язычников, – тогда от гордости они перешли к зависти и не стерпели великого и неизреченного человеколюбия Господа. А это произошло в них не от чего-либо другого, как от высокомерия, злости и человеконенавистничества.

2. Какой же вред вам, бессмысленнейшие из людей, принесло это попечение (Господа), оказанное другим? Разве уменьшились ваши блага от того, что другие получили участие в них? Но поистине злость слепа и ничего справедливого не может скоро понять. Терзаясь мыслью, что и другие будут иметь участие в тех же правах, они обратили меч на самих себя и лишили сами себя человеколюбия Божия. Но так требовала справедливость. Сказано: *друже, не обижу тебе, хошу же и им дати, якоже тебе* (см. Мф. 20, 13, 14). Но они не стоят и этих слов. Наемник (упоминаемый в Евангелии), хотя и досадовал, по крайней мере мог указать на свои труды в продолжение целого дня, на тяготу, зной и пот; они же что могли бы сказать? Ничего такого; в них была только беспечность, невоздержность и множество пороков, в которых постоянно обличали их все пророки и которыми они, также как и язычники, оскорбляли Бога. На это указывая, Павел и говорил: *несть разнствия между иудеем и эллином. Все бо согрешиша и лишени суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 22–24). Но этот предмет с пользою и весьма мудро излагает Апостол в целой главе Послания. А пред тем он еще показывает, что иудеи даже большего достойны наказания: *елицы бо в законе согрешиша*, говорит он, *законом суд примут* (Рим. 2, 12), то есть суд более строгий, так как, кроме природы, они имеют обвинителем и закон. Да и не поэтому только, а и потому, что они были причиной хуления Бога между язычниками. *Вас ради*, сказано, *имя Мое хулится во языцех* (Ис. 52, 5, см.: Рим. 2, 24). Это особенно раздражало их, так что и уверовавшим от обрезания казалось странным это обстоятельство; потому-то они и обвиняли Петра, когда он возвратился к ним из Кесарии, за то, что он входил в общение

с людьми необрезанными и ел вместе с ними; да и после того, как поняли предопределение Божие, они еще дивились, как дары Духа Святого излились и на язычников, этим изумлением выражая то, что они никогда не ожидали такой странности. Итак, зная, что это особенно уязвляло их, Апостол все направляет к тому, чтобы уничтожить их гордость и подавить их слишком надменное высокомерие. И смотри, как это он делает: после рассуждения о язычниках, показав, что они не имеют никакого ни в чем оправдания, ни надежды на спасение, тщательно обличив также и превратное их учение и нечистоту их жизни, он переносит свое слово на иудеев. Повторив все, сказанное о них Пророком – что они и преступны, и коварны, и лукавы, и что все вообще непотребны, и ни один из них не взыскует Бога, но все уклонились, и тому подобное, – Апостол присовокупляет: *вемы же, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет: да всяка уста заграждатся, и повинен будет весь мир Богови. Вси бо согрешиша и лишени суть славы Божия* (Рим. 3, 19, 23). Что же ты превозносишься, иудей? Что о себе много думаешь? Твои уста заграждены, твоя самоуверенность уничтожена, и ты вместе со всем миром подлежишь суду и, подобно другим, имеешь нужду в оправдании туне. Итак, хотя бы ты был прав по закону и имел много дерзновения пред Богом, тебе не надлежало завидовать тем, которые могли быть помилованы и спасены человеколюбием Божиим. Крайне худо огорчаться благополучием других, и особенно когда оно не соединено с ущербом для тебя. Если бы спасение других вредило твоему благополучию, – ты имел бы основание огорчаться, хотя и это несвойственно человеку, научившемуся любомудрствовать. Но если ни казни других не умножают для тебя наград, ни благополучие не уменьшает их, то для чего ты сам себя терзаешь, потому только, что другой спасается туне? Не надлежало тебе, как я сказал, раздражаться тем, что и язычникам благодатию даровано спасение, хотя бы ты сам был из людей, достойных одобрения. Но когда ты, будучи в том же повинен (как и язычник) пред Господом и навлекши на себя гнев Его, еще досадуешь на чужое благополучие и думаешь о себе так много, как будто ты один имеешь право на общение благодати, то ты подлежишь более, чем все другие, тяжким мучениям, не за зависть только и надменность, а и за крайнее безрассудство. Ты возрастил в себе корень зол – высокомерие. Поэтому и один мудрый сказал: *начало греха гордыня* (Сир. 10, 15), то есть корень, источник, мать. Так чрез нее и первозданный человек лишился блаженного состояния; чрез нее и обольстивший его диавол ниспал с высоты своего достоинства. Это гнусное существо, узнав, что грех этот может низвергнуть и с самих Небес, избрало этот путь, чтобы лишить Адама столь великой чести. Надмив его обещанием равенства с Богом, он таким образом ниспроверг и низринул его в самую глубину ада. Подлинно, ничто так не отчуждает от человеколюбия Божия и не подвергает огню гееннскому, как преобладание высокомерия. Когда оно в нас есть, то вся наша жизнь делается нечистою, хотя бы мы подвизались в целомудрии, девстве, постничестве, молитвах, милостыне и других добродетелях. *Нечист, сказано, пред Господом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5). Итак, если хотим быть чистыми и свободными от наказания, уготованного диаволу, обуздаем в себе надменность духа, отсечем высокомерие. А что гордые необходимо подвергнутся одному наказанию (с диаволом), – послушай, что говорит об этом Павел: *не новокрещенну, да не разгордевся в суд впадет и в сеть диавола* (см.: 1 Тим. 3, 6, 7). Что значит: *в суд!* Значит: в то же осуждение, в то же наказание. Как же избежать этой беды? Избежим, если будем размышлять о своей природе, о множестве согрешений, о великости будущих мучений, о том, что все, кажущееся здесь блистательным, – временно, ничем не лучше травы и увядает скорее весенних цветов. Если часто будем возбуждать в себе такие мысли и приводить себе на память людей, совершивших великие подвиги, то диавол не сможет легко надмнить нас, сколько бы ни усиливался, не сможет даже запнуть нас на первых шагах. Бог же, Бог смиренных, благий и милосердный, Сам да даст вам и нам сердце сокрушенное и смиренное. Таким образом мы будем в состоянии легко совершить и

все прочее во славу Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу и Святому Духу во веки веков. Аминь.

Беседа X

Во своя прииде, и свои Его не прияша (1, 11)

Изъяснение 1, 11. Бог не насилует и не стесняет нашей свободной воли. – 2. Что значит: «во своя прииде»? – О том, что те, кто не восхотели принять Иисуса Христа, достаточно наказаны самым этим поступком и последствиями этого отказа. – Благодатное действие крещения. – 3. О том, что сохранять чистоту нашего крещения вполне зависит от нас. – Наказание тем, кто оскверняет одежду, полученную при крещении. – Вера и чистота жизни необходимы для спасения. – В какую одежду должны облачаться те, кто призваны на царский брачный пир.

1. Бог, Человеколюбец и Благодетель, все творит и все устрояет так, возлюбленные, чтобы мы блистали добродетелию. И, желая, чтобы мы были благочестны, Он без всякого насилия и принуждения, а только убеждением и благотворениями всех, желающих того, призывает и привлекает к Себе. Потому, когда пришел Он, одни приняли Его, а другие не приняли. Он никого не хочет иметь Своим рабом против воли или по принуждению; а хочет, чтобы все свободно и добровольно служили Ему и познавали сладость служения Ему Люди, имея нужду в услужении рабов, связывают их законом рабства и против воли их; а Бог, не имея нужды ни в чем, никаких, подобных нашим, потребностей, все творит только ради нашего спасения и в этом делает нас самим себе господами. Потому и нежелающих Он не подвергает никакому насилию или принуждению; Он имеет в виду только нашу пользу. А против воли быть увлечену на служение – все равно, что и совсем не служить. Почему же, скажешь ты, Он наказывает не желающих повиноваться Ему? Зачем угрожает геенною не слушающим повелений Его? Это потому, что, будучи попремногу благ, Он имеет великое попечение о нас даже и тогда, как мы не повинемся Ему, не отступает и тогда, как мы удаляемся и бегаем от Него. И как мы уклонились от первоначального пути благотворения, то есть не восхотели идти путем убеждения и благополучия, то Он повел нас другим путем – наказаний и мук, путем, конечно, весьма тяжким, но неизбежным. Когда первый путь пренебрегается, тогда по необходимости надобно идти другим. И законодатели полагают многие и жестокие наказания преступникам; однако ж за то мы не осуждаем их, а, напротив, еще и более уважаем их за постановления о наказаниях, так как, не имея ни в чем никакой надобности с нашей стороны, часто даже не зная, кто впоследствии будет пользоваться помощью их постановлений, заботятся о благоустройстве нашей жизни тем, что добродетельным людям воздают честь, а людей порочных, нарушающих спокойствие, укрощают наказаниями. Если же мы таких законодателей почитаем и любим, то не гораздо ли более должны благоговеть пред Богом и любить Его за столь великое попечение о нас? И различие между попечительностью тех и Промыслом Божиим о нас – беспредельно. Подлинно, богатство благодати Его неизреченно и превышает всякое разумение. Заметь же: Он *во своя прииде*, не по собственной какой-либо нужде (потому что, как я сказал, Божество ни в чем не нуждается), а для благотворения своим. Несмотря на то, *свои* не приняли, но отвергли Того, Кто пришел к ним для их же пользы; мало того: изгнав Его из виноградника, убили (см.: Лк. 20, 15). И при всем том Он не преградил для них покаяния, но дал им возможность, только бы сами захотели, и после того беззакония очистить все согрешения свои верою в Него и сравняться с теми, которые ничего такого не сделали и более других Ему любезны. А что я говорю это не без основания и не в шутку, ясное также свидетельство дают все обстоятельства блаженного

Павла. Он гнал Христа, уже после распятия Его, и свидетеля Его Стефана убил руками других многих; но, когда раскаялся, осудил в себе прежние грехи, прибег к Тому, Кого гнал, Тот тотчас сопричислил его к Своим друзьям и притом первейшим, поставил его – гонителя, хулителя и оскорбителя – проповедником и учителем всей вселенной. Он и сам не стыдился проповедовать об этом, восхищенный человеколюбием Божиим, и в писаниях своих, как бы на столпе, изобразив прежние свои дерзости, обнаружил их пред всеми, считая за лучшее выставить на позор пред всеми прежнюю свою жизнь, чтобы тем яснее показать величие дара Божия, нежели скрыть неизреченное и неисповедимое человеколюбие Господа, не желая обнаружить пред всеми собственное заблуждение. С этой целью он то там, то здесь упоминает о гонениях, наветах и ополчениях своих против Церкви; в одном месте говорит: *несь достоин нарецися Апостол, зане гоних Церковь Божию* (1 Кор. 15, 9); в другом: *яко Христос Иисус прииде в мир грешники спасти, от нихже первый есмь аз* (1 Тим. 1, 15); в третьем: *слышастемое житие иногда в Жидовстве, яко по премногу гоних Церковь Божию и разрушах ю* (Гал. 1, 13).

2. Таким образом Павел, как бы в некоторое воздаяние Христу за долготерпение к нему, показывая, кого, какого враждебного и неприязненного человека (Господь) спас, с великим дерзновением возвещает о той брани, которую он вначале со всею ревностью воздвигал против Христа. Вместе с тем он внушает благие надежды и тем, которые отчаиваются в себе самих. Христос, говорит он, для того и помиловал его, чтобы в нем первом показать все долготерпение и преизобильное богатство благодати Своей, в пример тем, которые после того могли уверовать в Него для жизни вечной, хотя бы и их грехи превышали всякую надежду прощения. На это именно указывая, и евангелист говорит: *во своя прииде, и свои Его не прияша*. Откуда пришел все Наполняющий и везде Суший? Какое место лишил Своего присутствия Тот, Кто в руке Своей держит все и над всем владычествует? Никакого места Он не оставил (как это возможно?). А совершилось это по Его снисхождению к нам. Так как Он, будучи в мире, не казался находящимся в мире, потому что неведом был, напоследок же явил Себя, благоволив облечься в нашу плоть, то это самое явление и снисхождение Его евангелист и называет пришествием. Достоин удивления, что ученик не стыдится унижения своего Учителя, но смело описывает нанесенное Ему оскорбление: и это – немаловажное доказательство его правдолюбивого духа. Впрочем, если стыдиться, то надобно стыдиться за тех, которые нанесли, а не за Того, Кто претерпел оскорбление. Он тем еще более прославился, что и после такого оскорбления так промышляет о Своих оскорбителях; а они пред всеми оказались неблагодарными и презренными, потому что отвергли, как врага и неприятеля Того, Кто пришел к ним с такими благами. Да и не тем только они повредили себе, но и тем, что не получили того, чего достигли принявшие Его. А что получили последние? *Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (ст. 12). Но для чего же ты, блаженный, не сказываешь нам и о наказании тех, которые не приняли Его, а говоришь только, что они *свои* были и *во своя* Пришедшего не приняли? А что они за это потерпят, какому наказанию подвергнутся, того ты не присовокупил. Может быть, чрез это ты более устрасил бы их и угрозою смягчил бы грубость их надменности. Для чего же ты умолчал об этом? Но какое же другое, говорит евангелист, наказание могло бы быть более того, что они, имея возможность сделаться чадами Божиими, не делаются таковыми, но добровольно лишают сами себя такого благородства и чести? Впрочем, наказание их не ограничится тем только, что они не получают никакого блага; их постигнет еще огонь неугасающий, что впоследствии яснее открывает евангелист. Теперь же он говорит о неизреченных благах, дарованных принявшим Господа, и вкратце изображает эти блага следующими словами: *елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти*. Хотя бы то были рабы или свободные, эллины или варвары, или скифы, хотя бы немудрые или мудрые, жены или мужи, дети или старцы, незнатные или знатные, богатые или бедные, начальники или простолюдины – все, говорит

евангелист, удостоены одной почести. Вера и благодать Духа, устранив неравенство мирских достоинств, всем им сообщила один вид, на всех напечатлела один образ – Царский. Что может сравниться с таким человеколюбием? Единородный Сын Божий не возгнушался сопричислить к лику чад – и мытарей, и волхвов, и рабов, и самых неважных людей, многих еще с поврежденными членами тела и со множеством недостатков. Такова сила веры в Него, таково величие благодати! Как огонь, проникши в землю, в которой есть металл, тотчас из нее производит золото, так, и еще лучше, крещение делает омываемых им из бранных золотыми, когда Дух, наподобие огня, проникает в наши души и, попадая в них *образ перстнаго*, износит, как бы из горнила, *образ небеснаго*, образ новый, светлый, блестящий. Но для чего евангелист не сказал: *сотворил* их чадами Божиими, а говорит: *даде им область чадом Божиим быти*? Чтобы показать, как много нужно заботливости для сохранения во всю жизнь в чистоте и неповреждении того образа усыновления, который напечатлен в нас при крещении; а вместе – чтобы показать и то, что такой власти никто не может отнять у нас, если наперед сами себя не лишим ее. Если получающие от людей в каких-либо домах полномочие имеют почти такую же силу, какую и те, которые им дали его, то тем более мы, получив от Бога такую почесть, если только не сделаем ничего недостойного этой власти, будем всех сильнее, потому что всех выше и совершеннее Тот, Кто сообщил нам такое достоинство. Еще и то хочет показать (евангелист), что благодать не иначе приходит, как только к тем, которые сами желают и заботятся о приобретении ее. Таким-то людям принадлежит область – соделываться чадами. А если сами люди предварительно не возымеют желаний, то и дар не приходит, и благодать в них ничего не производит.

3. Итак, евангелист, повсюду отвергая принуждение и показывая свобод у воли и самостоятельность человека, то же самое высказал и теперь. И в этих самых тайнах одно принадлежит Богу – даровать благодать, а другое человеку – показать веру. Но затем требуется от человека еще много заботливости: для сохранения чистоты для нас недовольно только креститься и уверовать, но если мы желаем приобрести совершенную светлость, то должны вести достойную того жизнь. А это Бог предоставил нам самим. Тайнственное возрождение и очищение наше от всех прежних грехов совершается в крещении; но пребыть в последующее время чистыми и не допускать к себе снова никакой скверны – это зависит от нашей воли и заботливости. Потому-то (евангелист) напоминает нам и о самом способе (духовного) рождения, и, чрез сравнение его с рождением плотским, показывает его превосходство, говоря: *иже не от крове, ни от похоти плотския, ни от похоти мужеския, но от Богародишася* (ст. 13). И это он сказал для того, чтобы мы, познав ничтожество и уничижение нашего первого рождения от крови и похоти плотской, постигнув, напротив, важность и достоинство второго рождения – по благодати, возымели высокое о нем понятие, понятие, достойное этого дара от Того, Кто рождает нас таким образом, и затем со своей стороны показывали великое о нем попечение. Мы должны немало опасаться, чтобы, последующим нерадением и пороками осквернив это прекрасное одеяние, не быть нам изверженными из брачного чертога, подобно пяти юродивым девам или подобно тому, кто не имел брачной одежды. И этот человек был также в числе гостей, и был приглашен; но как, и после приглашения и такой почести, оказал неуважение к Пригласившему его, то – послушай, какой подвергается участи, бедственной и многих слез достойной. Пришедши для того, чтобы участвовать в светлом пире, он не только изгоняется с пира, но, связанный по рукам и ногам, отводится в тьму кромешную, где предается вечному и непрестанному плачу и скрежету зубов. Итак, возлюбленные, не будем считать одну веру достаточною для спасения. Если мы не представим чистой жизни, но явимся в одеждах, неприличных блаженному нашему призванию, то ничто не спасет и нас от таких же страданий, каким подвергся тот несчастный. В самом деле, не странно ли, что, когда Сам Бог и Царь не гнушается простыми, незнатными и ничего не стоящими людьми, но с распутий приводит их за Свою трапезу, мы показываем в себе такую

бесчувственность, что и в такой чести не делаемся лучшими, но и по призвании остаемся в том же зле и таким образом попираем неизреченное человеколюбие Призвавшего? Он не для того призвал нас к этому духовному и страшному общению Таинств, чтобы мы приступали к ним с прежними злодеяниями, а для того, чтобы, совлекшись постыдных одежд, облеклись в такие, какие приличны угощаемым в царских чертогах. Если же мы не хотим поступать достойно такого призвания, то это зависит от нас, а не от Того, Кто так почтил нас. Не Он изгоняет нас из дивного сонма званых, но мы сами себя изгоняем. Он все с Своей стороны сделал: устроил брачный пир, приготовил трапезу, послал приглашителей, принял пришедших и всякую другую честь оказал; но мы своими нечистыми одеждами, то есть греховными делами, нанесли оскорбление Ему, и присутствующим на брачном пире, и всему браку, и потому справедливо мы изгоняемся. Таким образом, уважая брачный пир и званых, Царь изгоняет отсюда дерзких и бесстыдных. А если бы Он оставил одетых в такие одежды, то чрез это Сам оказал бы неуважение и к другим званым. Но не дай Бог никому, ни нам, ни кому-либо из других людей испытать такой гнев Призвавшего. Для того и написано это, прежде чем сбудется, чтобы, вразумленные угрозами Писания, мы не довели себя на деле до такого бесчестия и наказания, но, довольствуясь уже только такими словами (Писания), все явились на тот зов в светлой одежде, которую и да получим все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа XI

И Слово плоть бысть и вселися в ны (1, 14)

Изъяснение 1, 14. Прежде чем идти на беседу, следует прочитать те места из Священного Писания, которые подлежат объяснению. – Положение служителя не умаляет достоинства Сына Божия. – О еретиках, утверждающих, что Слово воплотилось лишь по видимости. – Состояние природы человеческой до пришествия Иисуса Христа. – Она была подобна разрушенному дому, который мог восстановить лишь один Всемогущий. – Воплощение как непостижимая тайна. – Бог Слово принял нашу плоть, чтобы никогда не оставлять ее. – Вот почему она восседает на царственном престоле и боготворится всем небесным воинством.

1. Одного у всех вас хочу просить утешения, прежде нежели приступлю к изъяснению изречений евангельских; но только не отвергните просьбы. Не тяжкого чего-нибудь и трудного прошу от вас; да и не мне только, приемлющему, полезно будет это одолжение, но и вам, оказывающим его, и, может быть, для вас еще гораздо полезнее. Что же это такое, о чем хочу просить вас? Пусть каждый из вас тот отдел из Евангелия, который будет читаем первый день по субботе или в самую субботу, среди вас (в церкви), возьмет пред этими днями в руки и дома внимательно прочитывает, многократно со тщанием просматривает содержание его и хорошо вникает в него; пусть отмечает, что там ясно и что неясно, что есть по видимому противоречащего, хотя на самом деле не таково; и, все обсудив, таким образом собирайтесь сюда к слушанию (бесед). Немалая будет польза от такого усердия и вам и нам: нам немного потребно будет труда – объяснять вам силу изречений, когда ваш ум уже предварительно усвоит себе понятие о них; а вы таким способом более изощритесь и будете понятливее в слушании, не только к собственному вашему назиданию, но и к научению других. Теперь же, так как многие из приходящих сюда слушать по необходимости должны вникать одновременно во все – и в самые изречения, и в наши на них объяснения, то, хотя бы мы употребили на это целый год, не получают они большой пользы. Да и возможно ли это, когда они мимоходом и только здесь, на краткое время, занимаются поучениями? А если кто будет ссылаться на дела и заботы, на недосуг при множестве занятий общественных и частных, то, во-первых, это-то самое и служит к немалому их осуждению, что они заняты таким множеством дел и так совершенно связаны житейскими попечениями, что не имеют даже немного свободного времени для занятий более, чем всякие другие, необходимых; во-вторых, это только отговорка и предлог, в чем обличают их и приятельские сходбища, и препровождение времени на зрелищах, и стечение на конные состязания, на которых часто проводят целые дни, и, однако, никто в таких случаях не жалуется на множество дел. Итак, в делах маловажных вы никогда не отказываетесь никакими предложениями и можете найти много свободного времени; а когда надобно внимать слову Божию, то это кажется вам столь излишним и незначительным делом, что будто бы не стоит употреблять на это и малого свободного времени. Достойны ли так думающие люди даже дышать или смотреть на это солнце? Есть у таких нерадивых людей и другой предлог, еще более неосновательный, будто бы они не приобрели и не имеют книг Священного Писания. Но в отношении к богатым смешно было бы распространяться нам о таком предлоге; а бедных, которые, я думаю, по большей части пользуются им, желал бы я спросить, не все ли орудия ремесла, каким каждый из них занимается, есть

у них, сколько нужно и в исправности, хотя бы угнетала их крайняя бедность? Как же не нелепо – там не отговариваться бедностью, но употреблять все усилия, чтобы ни в чем не нуждаться; а где можно приобрести столь великую пользу – здесь жаловаться на недосуг и убожество? Впрочем, хотя бы действительно некоторые были так бедны, все же из непрерывно здесь бывающего чтения могли бы узнать сколько-нибудь содержание божественных Писаний. Если же это кажется вам невозможным, то не без причины так кажется.

Многие не с большим усердием приходят слушать чтение Писаний, но, исполнив это только как долг урочного времени, тотчас возвращаются домой; а если некоторые и остаются, то бывают несколько не лучше удалившихся, присутствуя здесь с нами только телом. Но, чтобы нам не слишком обременить вас обличениями и не потерять всего времени в упреках, приступим к изречениям евангельским: время, наконец, обратить слово на подлежащие предметы. Только будьте внимательны, чтобы ничто сказанное не было потеряно для вас. *И Слово плоть бысть*, говорит евангелист, *и вселися в ны* (1, 14). Сказав, что принявшие Слово родились от Бога и соделались чадами Божиими, предлагает причину и основание такой неизреченной почести. Причина та, что само Слово соделалось плотию и Господь воспринял на Себя образ раба. Будучи истинным Сыном Божиим, Он соделался Сыном Человеческим, чтобы сынов человеческих соделать чадами Божиими. Высокое в общении с уничиженным несколько не теряет собственного достоинства, а уничиженное возвышается чрез то из своего уничижения. Так это совершилось и во Христе. Он чрез такое снисхождение несколько не унизил собственного естества, а нас, сидящих всегда во мраке и уничижении, возвел к неизреченной славе. Так царь, когда внимательно и благосклонно беседует с бедным и нищим, то несколько не стыдит себя самого, а бедного делает чрез то для всех лицом заметным и почетным. Если же в отношении к преходящему достоинству человеческого общения с низшим несколько не вредит высшему, то тем более по отношению к тому нетленному и блаженному Существу, Которое не имеет в Себе ничего преходящего, ни прибывающего, ни убывающего, но обладает всеми совершенствами неизменно и вечно. Итак, когда ты слышишь, что *Слово плоть бысть*, то не смущайся и не колеблись. Не самое существо Его изменилось в плоть (это и помыслить нечестиво), а, пребывая тем, что есть, оно таким образом приняло образ раба.

2. Для чего же (евангелист) употребил слово: *бысть*? Для того, чтобы заградить уста еретиков. Есть такие, которые говорят, будто все, что касается воплощения, есть только воображение, обман чувств, предположение; поэтому евангелист, желая совершенно уничтожить их хулу, и употребил выражение: *бысть*, намереваясь этим показать не изменение существа, нет, а восприятие истинной плоти. Как в словах: *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13). Писание не то говорит, будто существо Его, оставив собственную славу, превратилось в клятву (этого не подумали бы и демоны, и совершенно безумные и лишённые естественного смысла люди: так нечестива и вместе безумна эта мысль!), как не это говорит Писание, а то, что Он, приняв на Себя изреченную против нас клятву, не оставил нас более быть под клятвою, – так и здесь сказано, что Слово плоть *бысть*, – не изменив своего существа в плоть, но только приняв ее, так что существо осталось неприкосновенным. Если же скажут, что Бог, как всемогущий, мог перемениться и в плоть, на это мы ответим, что Бог не иначе все может, как пребывая Богом; а если бы Он допустил в Себе изменение, и притом изменение на худшее, то как же был бы Он и Богом? Измениться совершенно несвойственно нетленному Существу. Потому и Пророк сказал: *вся яко риза обетшают, и яко одежду свиешия, и изменятся. Ты же тойжде еси, и лета Твоя не оскудеют* (Пс. 101, 27–28). Существо это выше всякого изменения. Нет ничего превосходнее Его, чего бы оно могло достигать преуспеванием. Что я говорю: превосходнее? Нет ничего равного или сколько-нибудь близкого. Следовательно, если бы Бог изменялся, то претерпевал бы изменение к худшему. Но тогда он не был бы и Богом. Но да обратится хула

на главу говорящих ее. А что слово: *бысть* сказано для того, чтобы ты не принял воплощения за вымысел, заметь это из последующего, как (евангелист) объясняет свое выражение и опровергает нечестивую мысль. Он присовокупляет: *и вселися в ны*, – как бы говоря: ничего несообразного не подозревай в слове: *бысть*. Я говорю не об изменении этого неизменяемого Существа, а о вселении и обитании Его (среди нас). Обитающее не одно и то же с обиталищем, а есть нечто другое; одно вселяется в другом; иначе не было бы и вселения, – потому что ничто не вселяется в самом себе. Иное я говорю в отношении к естеству. Чрез соединение и общение Бог Слово и плоть суть одно не в том смысле, что произошло какое-либо смешение или уничтожение естеств, а в том, что образовалось некоторое неизреченное и невыразимое их единение. А как это сделалось, не спрашивай; это произошло, как Он Сам знает. Но какое же это обиталище, в котором Он вселился? Послушай, что Пророк говорит: *возставлю скинию Давидову падшую* (Ам. 9, 11). Пало, подлинно пало неисцельным падением естество наше и имело нужду в этой единой державной деснице. Да и не могло оно восстать, если бы Создавший его вначале не простер к нему десницу и не обновил его свыше чрез возрождение водою и Духом. И заметь то, что есть страшного и неизреченного в этом таинстве: Он навсегда обитает в этой скинии¹⁶. Он облекся нашею плотию не с тем, чтобы опять оставить ее, но чтобы всегда иметь ее с Собою. А если бы не так, то Он не удостоил бы ее Царского Престола и, нося ее, не был бы поклоняем от всего Горнего воинства Ангелов, Архангелов, Престолов, Господств, Начал и Властей. Какое слово, какой ум может представить столь великую почесть, оказанную роду нашему, поистине сверхъестественную и дивную? Какой Ангел? Какой Архангел? Никто никогда, ни из небесных, ни из земных. Таковы дела Божии, так велики и вышеестественны Его благодеяния, что не только язык человеческий, но и ангельская сила не может вполне высказать их. Потому и мы заключим слово молчанием, напомнив только вам – воздавать столь великому Благодетелю нашему воздаянием, от которого вся польза опять к нам же обратится. Это воздаяние в том состоит, чтобы мы имели ревностное попечение о душе нашей. И то есть дело Его человеколюбия, что Он, не нуждаясь Сам ни в ком из нас, принимает за воздаяние Себе, когда мы печемся о собственной своей душе. Потому крайне безумно и достойно бесчисленных наказаний – удостоившись столь великой почести, не воздавать с своей стороны по силам, и притом когда польза от того переходит опять к нам же и когда уготованы нам за то бесчисленные блага. Воздадим же за все это славу Человеколюбцу Богу, не словами только, но гораздо более делами, чтобы получить нам и будущие блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

¹⁶ То есть во плоти человеческой.

Беседа XII

И видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца, исполнь благодати и истины (1, 14)

Изъяснение 1, 14. Что означает изречение: «славу, яко Единородного от Отца». – Предзнаменования и чудеса перед пришествием Иисуса Христа. – Предвестники и проповедники. – Свободная воля человека. – Добродетель, как произведение свободной воли. – Чудеса возвещали об Иисусе Христе и показывали, что он есть Единородный Сын Божий. – Чудеса, совершенные невидимо и видимо во время Его смерти. – Какова слава Христа на небесах.

1. Сказанное нами вчера, может быть, показалось вам, более чем следует, стеснительным и тяжким, так как мы произнесли слово укорительное и далеко простерли обличение многих в нерадении. Но если бы мы делали это только с намерением оскорбить вас, то, может быть, справедливо каждый из вас негодовал бы. А как мы пренебрегали приятность в словах, имея в виду пользу вашу, то, хотя бы вы и не хотели принять нашего попечения о вас, вы должны по крайней мере простить такой любви нашей. Мы и очень опасались, чтобы, при нашем старании, вы с своей стороны, не желая показать такого же усердия к слушанию, не подверглись тем более тяжкому ответу за последствия. Поэтому мы и вынуждаемся непрестанно возбуждать вас и воздвигать от сна, чтобы ничто из сказанного не было для вас потеряно. Только таким образом можете вы в настоящем веке жить с дерзновением и в будущий день предстать Престолу Христову. Но так как мы вчера уже довольно тронули вас, то приступим теперь прямо к самим изречениям Евангелия. *И видехом*, говорит Писание, *славу Его, славу яко Единородного от Отца*. Евангелист, сказав, что мы сделали чадами Божиими, и показав, что это произошло не иначе, как чрез воплощение Слова, теперь представляет и другую от того пользу. Что же это такое? *Видехом славу Его, славу яко Единородного от Отца*. Мы не могли бы видеть, если бы Он не явился нам в воспринятой Им плоти. Если у Моисея, имевшего одинаковое с нами естество, люди тогдашнего времени не могли видеть лица потому только, что оно было прославлено, и праведник даже имел нужду в покрывале, чтобы прикрыть величие славы и чтобы вид Пророка казался им тихим и спокойным, то как мы, бранные и земнородные, могли бы созерцать чистое Божество, Которое неприступно и для самих Горних сил? Для того-то Он и вселился среди нас, чтобы мы могли безопасно приступать к Нему, беседовать и обращаться с Ним. Что же значит: *славу яко Единородного от Отца*? Так как многие и из пророков прославились, например тот же Моисей, Илия и Елисей, из которых один был вознесен на огненной колеснице, а другой обыкновенным образом взят отсюда; после них прославились Даниил, три отрока и многие другие, которые и чудеса творили; да и Ангелы, являвшиеся людям, открывали взиравшим на них лучезарный свет собственного естества; и не Ангелы только, но и Херувимы являлись Пророку с великою славою, также и Серафимы; – поэтому-то евангелист, отводя нас от всех этих существ, отвлекая мысль нашу от твари и славы подобных нам рабов, возводит нас к самому верху совершенств. Не пророка, говорит он, не Ангела, не Архангела, не других высших сил и не иного какого-либо сотворенного существа, если еще есть какое-либо иное, но Самого Владыки, Самого Царя, Самого истинного Единородного Сына, Самого общего всех нас Господа мы видели славу. Выражение: *яко* означает здесь не уподобление и не сравнение, а подтверждение и неподлежащее сомнению определение; как бы так сказал евангелист: мы видели славу,

какую подобает и свойственно иметь Единородному и истинному Сыну Царя всех Бога. Так и обыкновенно бывает, и я не откажусь подтвердить слова свои общим обычаем, потому что не для красоты речи и не для стройности слова нам теперь нужно говорить, но единственно для вашей пользы. Поэтому ничто не препятствует нам подтвердить свои мысли и обычаем многих. Какой же этот обычай многих? Многие, увидев царя, преукрашенного, блистающего со всех сторон драгоценными камнями, потом, когда рассказывают другим об этой красоте, великолепии, славе, описывают, сколько могут, цвет багряницы, величину камней, белизну коней, золотую упряжь, блистающие покрывала; но как, пересказав это и прочее, все еще не могут изобразить словом всего блеска, и прибавляют тотчас такие слова: да что много говорить? словом сказать: *как царь* – и этим выражением: как хотят показать не то, что только подобен царю тот, о ком они говорят, но то, что это истинный царь, – так и евангелист употребил выражение: *яко*, желая изобразить высочайшее и несравненное превосходство славы (Сына Божия). Все другие, и Ангелы, и Архангелы, и пророки делали все только по повелению (Божью), а Он – со властью, свойственную Царю и Господу. Потому-то и народ дивился, что Он учил, как власть имеющий.

2. Итак, являлись, как я сказал, и Ангелы на земле с великою славою, например Даниилу, Давиду, Моисею, но они делали все как слуги, повинующиеся своему Господу; а Христос явился как Владыка и Вседержитель, хотя и в смиренном и уничиженном виде. Впрочем, и в этом виде тварь познала своего Господа. Каким образом? Звезда, явившаяся на небе, привела волхвов поклониться Ему; многочисленный лик Ангелов, отсюду собравшихся, окружал и воспевал Его; явились внезапно и другие проповедники; все, встречая друг друга, возвещали это неизреченное таинство, Ангелы – пастырям, пастыри – жителям города, Гавриил – Марии и Елисавете, Симеон и Анна – приходившим в храм. Да и не только мужи и жены окрылялись радостью, но и младенец, еще не исшедший на свет из утробы матери, – я разумею жителя пустыни, соименного этому евангелисту, – взыграл во чреве матери, и все оживлялись надеждами на будущее. Так было тотчас при Его рождении; а когда Он более открыл Себя, тогда опять произошли другие чудеса, еще больше прежних. Уже не звезда и небо, не Ангелы и Архангелы, не Гавриил и Михаил, но Сам Отец свыше, с Небес, возвестил о Нем, и вместе с гласом Отца Утешитель явился над Ним и пребыл на Нем. Поэтому справедливо сказал евангелист: *видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца*. Впрочем, и не поэтому только сказал так, а и потому, что за этим последовало. Уже не пастыри только, не вдовствующие жены, не престарелые мужи возвестили нам, но и самое существо дел громче всякой трубы провозглашало о Нем, и таким образом произошло то, что молва о делах Его скоро была и здесь услышана. *И изыде*, говорит Писание, *по всей Сирии слух Его* (Мф. 4, 24) и всем открыл Его; все отовсюду возвещало, что Сам Царь сошел с Небес. Бесы отовсюду убегали и удалялись, диавол, посрамленный, отступал, самая смерть сначала понемногу устрашалась, а потом и совершенно упразднилась, всякого рода болезни были исцеляемы, мертвые оставляли гробы, демоны – бесновавшихся, болезни – немощных. Виделись дела чудные и дивные, которые поистине пророки желали видеть, но не видели. Зрение восстанавливалось; и то вожделенное зрелище, которое все желали бы видеть, – как Бог сотворил Адама из земли, – и это зрелище Христос показал всем, хотя в малом виде, но по отношению к лучшим частям тела. Расслабленные и распавшиеся члены укреплялись и соединялись один с другим, омертвевшие руки получали движение, расслабленные ноги внезапно вскакивали, загражденные глухотою уши отверзались, и громким голосом восклицал язык, связанный дотоле немотою. Как искусный художник восстанавливает здание, развалившееся от времени, так Он – общее естество человеческое: отторгнутые части восполнял, распавшиеся и расторгнутые – соединял, а совершенно отпавшие – восстанавливал. Что же сказать о восстановлении души, которое гораздо удивительнее исцеления телесного? Важно здравие телесное, но гораздо важнее здравие душевное, и тем важнее, чем душа превосходнее

тела; да и не потому только, но и потому, что телесная природа следует направлению, каким хочет вести ее Создатель, и нисколько не противится, а душа, будучи властна сама в себе и имея свободу в действиях, не всегда повинуется Богу, и именно в том, чего не хочет. Он не желает против воли ее и насильно делать ее непорочною и добродетельною; да это не было бы и добродетелию; ее надобно убеждать – свободно и добровольно сделаться такою; а это гораздо труднее врачевания телесного. Но Он совершил и это и отогнал всякий род зла. И как, врачую тела, Он восстанавливал их не только к здравью, но и к совершеннейшему благосостоянию, так и души не только освобождал от крайней греховности, но и возводил на самый верх добродетели. Так мытарь делался апостолом; гонитель, хулителю и досадителю являлся проповедником вселенной; волхвы становились учителями иудеев; разбойник оказывался жителем Рая; блудница славилась великою верою; жена хананейка и жена самарянка – одна, будучи также блудницею, принимала на себя проповедь между соплеменниками и, увлекши целый город, привела его ко Христу, а другая верою и терпением достигла изгнания злого беса из души своей дочери. Еще другие, гораздо худшие этих, скоро присоединились к числу учеников. Все внезапно изменялось в своем виде: недуги телесные, болезни душевные предлагались в здравие и совершеннейшую добродетель; и притом не два или три человека, не пять или десять, не двадцать или только сто, но целые города и народы обращались с великою быстротою. А кто может изобразить мудрость правил, совершенство небесных законов, благоустройство равноангельской жизни? Он ввел между нами такой образ жизни, такие положил для нас законы, такие установил нравы, что усваивающие их скоро соделываются Ангелами и подобными Богу, сколько это возможно по силам нашим, хотя бы сами по себе они были хуже всех людей.

3. Приводя все эти чудеса, – чудеса в телах, чудеса в душах, чудеса в стихиях, – заповеди, неизреченные, высшие самых небес дары, законы, благоустройство, силу убеждения, обетования в будущем, наконец страдания Его, – евангелист изрек эти чудные и исполненные высокого учения слова: *видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца, исполнь благодати и истины*. Мы не чудесам Его только дивимся, но и страданиям, – тому, как Он был пригвожден ко кресту, бичуем, заушаем, подвергаем оплеванию, как терпел удары по главе от тех самых, которые были Им благодетельствованы. Так, и об этом обо всем, что кажется унижительным, достойно сказать то же изречение, как и сам евангелист называет все это славою. Действительно, все это было не только делом промышления и любви, но и неизреченной силы. Тогда-то и смерть упразднилась, и клятва разрушалась, и бесы были посрамлены, и торжество над ними открывалось, и рукописание грехов наших было пригвождаемо ко Кресту. Но тогда как эти чудеса совершались невидимо, были и другие – видимые, которые показывали, что Он есть истинно Единородный Сын Божий и Господь всей твари. Когда блаженное тело Его еще висело на Кресте, солнце сокрыло лучи свои, земля поколебалась и вся покрылась мраком, гробы отверзлись, недра земли сотряслись, и великий сонм умерших восстал и пришел в город (Иерусалим). Потом, когда камни приставлены были к дверям Гроба Его, еще и печати приложены, Он, умерший, распятый, пригвожденный, восстал и, исполнив одиннадцать учеников Своих некоторой непобедимой и Божественной силы, послал их ко всем людям, по всей вселенной – врачевать их общее естество, исправлять образ жизни, распространять по всей земле познание небесного учения, разрушать силу бесовскую, открывать великие и неизреченные блага, благовестить нам бессмертие души и вечную жизнь тела, награды, превышающие всякий ум и никогда не могущие окончиться. Итак, блаженный евангелист, представляя себе все это и большее, чем это, что он сам знал, но не решался написать (потому что и мир не вместил бы того, как он сам говорит: *яже аще бы по единому писана быша, ни самому мню всему миру вместити пишемых книг* – 21, 25), – все это, говорю, представляя, он воскликнул: *и видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца, исполнь благодати и истины*. А тем, которые удостоились видеть и слышать столь

великие чудеса и получили столь великий дар, надлежит показать и жизнь, достойную учения, чтобы сподобиться и будущих благ. Для того и пришел Господь наш Иисус Христос, чтобы не только здесь мы видели славу Его, но и в будущем веке. Потому Он и говорил: *хочу, да идеже есмь Аз, и тиши будут со Мною, да видят славу Мою* (Ин. 17, 24). Если же здешняя слава Его была столь блистательна и величественна, то что сказать о той Его славе? Она откроется уже не на тленной земле, не пред существами, облеченными в смертные тела, каковы мы теперь, но в творении нетленном и бессмертном, и с таким величием, какого невозможно изобразить никаким словом. О, блаженны, трижды блаженны и беспредельно блаженны те, которые удостоятся созерцать эту славу! О ней говорит Пророк: *да возмется нечестивый, да не видит славы Господни* (Ис. 26, 10). Но да не будет того, чтобы кто-либо из нас был отвержен и не удостоился некогда зреть ее! А если мы не будем наслаждаться ею, то и о нас справедливо будет сказано: лучше было бы, если бы мы и не родились. Для чего же мы живем? Для чего дышим? Для чего существуем, если не достигнем такого созерцания, если никому из нас не дозволено будет зреть тогда нашего Господа? Если не видящие света солнечного проводят жизнь горше всякой смерти, то как должны страдать те, которые лишаются того света? Здесь в этом лишении только и состоит несчастье, а там – не в этом только; впрочем, если бы и эта только была беда, то и в таком случае наказание было бы не равно, но будущее тем тяжелее настоящего, чем то Солнце несравненно превосходит здешнего; а кроме того, надобно ожидать еще и другой казни. Кто не удостоится видеть того света, тот не только ввержен будет во тьму, но и гореть будет в огне непрерывном, иставать в нем, скрежетать зубами и терпеть другие бесчисленные страдания. Итак, не будем нерадивы о себе самих, и за кратковременное нерадение и беспечность не подвергнем себя вечному наказанию; но будем бодрствовать и трезвиться, будем все делать и устроить так, чтобы удостоиться того (вечного) наслаждения и избавиться от реки огненной, протекающей с великим шумом пред Страшным судилищем. А кто однажды впадет в нее, тот должен будет остаться там навсегда, и уже никто не избавит его от мучения – ни отец, ни мать, ни брат. Об этом вопиют и пророки; один говорит: *брат не избавит, избавит ли человек?* (Пс. 48, 8). А Иезекииль говорит еще более: *и аще будут Ное и Даниил и Иов... ни сынове, ни дщери их спасутся* (см. Иез.: 14, 14, 16). Одна только там защита – защита делами; а кто не имеет ее, тому никаким другим средством спастись невозможно. Итак, все это непрестанно имея в виду и размышляя, очистим жизнь нашу и сделаем ее светлою, чтобы с дерзновением узреть Господа и достигнуть обетованных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа XIII

Иоанн свидетельствует о Нем и воззва глаголя: Сей бе, Егоже рех, Иже по мне Грядый, предо мною бысть, яко первое мене бе (1, 15)

Изъяснение 1, 15. Невнимательность слушателей не лишает проповедника награды. – Почему евангелист Иоанн часто ссылается на свидетельство святого Иоанна Крестителя? – Значение свидетельства святого Иоанна Крестителя. – Нет ничего прекраснее правильной жизни. – Отвержение даров, приносимых от злоприобретенных имений.

1. Не вотще ли мы течем и труждаемся? Не на камнях ли сеем, или не при пути ль и в терниях, сверх чаяния нашего, падают семена? Я сильно беспокоюсь и боюсь, чтобы земледелие не осталось для нас бесплодным, – не потому, впрочем, чтоб я сам мог потерпеть ущерб в награде за этот труд. Дело учителей не таково, как земледельцев. Земледелец часто после годовичных работ, после такого изнурения и пота, – если земля не принесет ничего, стоящего трудов, – не может ни у кого другого найти какого-либо утешения за свои труды, а со стыдом и скорбию возвращается с поля домой, к жене и детям, не имея права ни от кого требовать воздаяния за продолжительные труды. Но с нами ничего такого не может случиться. Пусть возделываемая земля не приносит никакого плода; если только мы с своей стороны приложим весь труд, Господь земли и наш Господь не допустит нас остаться с пустыми надеждами, но дарует возмездие. *Кийждо, сказано, свою мзду примет по своему труду* (1 Кор. 3, 8), а не по исходу дел. А что это так, послушай: *и ты, сказано, сыне человек, засвидетельствуй людям сим, не услышат ли, не уразумеют ли* (см.: Иез. 2, 6, 7). И чрез того же Иезекииля можно узнать вот что: если страж предвозвестил, чего должно убегать и что избирать, то он избавил душу свою, хотя бы и никто не слушал его¹⁷. Тем не менее, имея это сильное утешение, уверенные в воздаянии за труды наши, мы, когда в деле нашего спасения не видим успеха, чувствуем себя ничем не лучше тех земледельцев, которые стенают, проливают слезы и от стыда скрываются. Здесь – соучастие учителя, здесь – попечительность отца. Так Моисей, хотя мог избавиться от неблагодарных к нему иудеев и сделаться еще более славным родоначальником другого и гораздо более многочисленного народа (*остави Мя, сказал ему Бог, и потреблю их, и сотворю тя в язык велик* – Исх. 32, 10, – так как Моисей был муж святой, раб Божий, друг, близкий и верный Богу), но он и слышать не мог таких слов, а желал лучше погибнуть с людьми, однажды ему вверенными, нежели быть спасенным без них и получить достоинство более важное. Таков должен быть водитель душ. Страшно было бы, если бы кто, имея худых детей, желал лучше назваться отцом других, а не тех, которые от него родились; так странно было бы, если бы и мы стали постоянно перемещать врученных нам учеников одних на других, присвоить себе начальство то над теми, то над другими и не иметь ни к кому искреннего расположения. Впрочем, относительно вас да не будет никогда таких подозрений. Мы убеждены, что вы преизбыточествуете в вере в Господа нашего Иисуса Христа, в любви друг к другу и ко всем. А это мы говорим с тем намерением, чтобы возбудить вас к усилению вашей ревности и к приумножению, более и более, добродетели в вашей жизни. Таким образом, вы сможете проникнуть умом до самой глубины предложенного у нас учения, если то есть нечистота греховная не будет помрачать

¹⁷ Здесь святитель Иоанн Златоуст излагает только мысль, содержащуюся в Книге пророка Иезекииля (3, 19), не приводя буквально слов его.

очей разума и не повредит его зоркости и остроты. Итак, что же предложено у нас сегодня? *Иоанн свидетельствует о Нем и воззва глаголя: Сей бе, Егоже рех, Иже по мне Трядый, предо мною бысть, яко первее мене бе.* Многократно евангелист, и выше и ниже, обращается к Иоанну и во многих местах представляет его свидетельство. Но это он делает не напрасно, а очень разумно. Так как все иудеи имели великое уважение к этому мужу (Иосиф приписывает даже его смерти войну и доказывает, что из-за него столичный некогда город перестал быть городом, и вообще много говорит в похвалу ему), то евангелист, желая именем его пристыдить иудеев, часто припоминает им свидетельство Предтечи. Другие евангелисты упоминают о древнейших пророках и при каждом обстоятельстве в жизни Его (Христа) отсылают к ним слушателя. Так, когда Он рождается, евангелист говорит: *сие же все бысть, да сбудется реченное Исаием пророком, глаголющим: се, Дева во чреве приимет и родит Сына* (Мф. 1, 22–23). Когда Он подвергается злым умыслам и повсюду отыскивается с такою тщательностью, что и незрелый возраст избивается Иродом, – они приводят Иеремию, который говорит: *глас в Раме слышан бысть, плачь и рыдание, и вопль мног: Рахиль плачущися чад своих* (Мф. 2, 18; см.: Иер. 31, 15). Когда Он опять возвращается из Египта, – они припоминают Осию, который также говорит: *от Египта возвах Сына Моего* (Мф. 2, 15; см.: Ос. 11, 1). Так другие евангелисты делают и во всех случаях. А этот евангелист (Иоанн), более возвышенным, чем другие, гласом проповедающий, представляет яснейшие и ближайшие свидетельства и приводит не только отшедших и умерших, но и современного свидетеля, который указывал уже на пришедшего (Господа) и крестил Его, – не с тем приводит, чтобы свидетельством раба придать более достоверности словам Владыки, но снисходя к немощи слушателей, потому что подобно тому, как если бы Господь не принял вида раба, то не был бы легко принят, так, если бы гласом раба не предрасположил к себе слуха сорабов, то многие из иудеев не приняли бы Его слова.

2. Притом здесь устроилось и нечто другое, достойное удивления. Кто говорит о себе самом что-либо великое, тот делает собственное свидетельство подозрительным и нередко таким образом восстанавливает против себя многих из слушателей; поэтому-то приходится свидетельствовать о нем другой. С другой стороны, большинство обыкновенно стекается на голос более привычный и сродный, так как знает его более, чем какой-либо другой. Потому-то глас с Неба и был только однажды или дважды, а голос Иоанна – часто и много. Те, которые стояли выше немощей народа, отрешились от всего чувственного, только они и могли слышать глас свыше и не слишком нуждались в голосе человеческом, так как во всем повиновались вышнему гласу и им водились. Но которые еще обращались долу, были покрыты многими завесами, – те имели нужду в голосе низшем. Так сам Иоанн, уже вполне отрешившись от всего чувственного, не нуждался в наставлении от людей, а получал научение с Небес. *Пославый мя крестити водою*, говорит он, *Той мнерече: над Негоже узриши Духа Божия сходяща, Той есть* (1, 33). Между тем иудеи, будучи еще детьми и не в силах подняться до такой высоты, имели учителем человека, который, однако ж, не свое им говорил, а возвещал вышние откровения. Итак, что же говорит (евангелист)? *Иоанн свидетельствует о Нем и воззва глаголя.* Что значит: *воззва*? Значит: проповедует смело, свободно, без всякой боязни. А что проповедует? О чем свидетельствует и взывает? *Сей бе*, говорит, *Егоже рех, Иже по мне Трядый, предо мною бысть, яко первее мене бе.* Свидетельство несколько прикровенное и еще не очень возвышенное. Он не говорит: сей есть Сын Божий Единородный; а что? *Сей бе, Егоже рех, Иже по мне Трядый, предо мною бысть, яко первее мене бе.* Как птицы выучивают птенцов своих летать не вдруг и не в один день вполне, а сперва выводят их только из гнезда, потом, дав им отдых, продолжают далее полет их, на другой день прибавляют еще больше, и таким образом неприметно, мало-помалу поднимают их на надлежащую высоту, – подобным образом и блаженный Иоанн не вдруг возводит иудеев к горнему, но мало-помалу учит их воспарять от земли, говоря, что Христос был выше его (Предтечи).

И то уже было не мало, чтобы слушатели могли поверить, что муж, еще не явившийся к ним и еще не сотворивший чудес, превосходит Иоанна, мужа столь дивного и славного, к которому стекались все и которого почитали Ангелом. А между тем Иоанн-то и старался утвердить в мыслях слушателей, что свидетельствуемый больше свидетельствующего, пришедший после больше пришедшего прежде, еще не виденный больше известного и прославившегося. И посмотри, как разумно он произносит свидетельство. Он указывает не только Явившегося, но еще прежде Его явления проповедует о Нем. Такой именно смысл имеют его слова: *Сей есть, Егоже рех*, – как и Матфей повествует, что всем, приходившим к нему (Иоанну), он говорил: *аз убо крещаю вы водою в покаяние: Грядый же по мне креплий мене есть, Емуже несмы достоин отрешиши ремень сапогу Его* (см.: Мф. 3, 11; Лк. 3, 16). Но для чего он так делал еще прежде явления (Господа)? Чтобы свидетельство Самого Явившегося тем удобнее могло быть принято, когда мысль слушателей уже приготовлена была к тому словами Иоанна, и чтобы не повредил этому свидетельству вид Его униженный. Ведь если бы иудеи увидели Самого Христа, не слыхав предварительно ничего о Христе и не получив этого чудного и великого свидетельства о Нем в словах Иоанна, то убогий вид Христа тотчас бы стал в противоречие с величием Его слов. А Он облекся в такой смиренный и для всех обычный вид, что и самарянские жены, и блудницы, и мытари с большою свободой осмеливались подходить к Нему и вступали в беседу с Ним.

3. Итак, сказал я, если бы иудеи в одно время и услышали беседу и увидели Самого (Христа), то, может быть, посмеялись бы свидетельству Иоанна. Но как они уже много слышали о Христе, прежде Его явления, и тем, что было говорено о Нем, было возбуждено их внимание, то с ними случилось противное: они уже не отвергли учение, судя по виду Того, о Ком свидетельствовал Иоанн, но, веря уже сказанному, признали Его славным еще более Иоанна. Выражение: *Грядый по мне* значит: имеющий проповедать после меня, а не имеющий быть после меня. Это обозначается и у Матфея словами: *по мне грядет муж* (см.: Мф. 3, 11), относящимися не к рождению Его от Марии, но к пришествию на проповедь. Если бы говорено было о рождении, то сказано было бы не: *грядет*, а: *пришел*, – потому что Христос уже родился в то время, как Иоанн говорил это. А что значит: *предо мною бысть*? Что он славнее, досточтимее меня. «Не думайте, что я больше Его, потому только что я прежде Его пришел проповедовать; я гораздо меньше Его и так меньше, что не достоин быть в числе рабов Его». Таким образом слова: *предо мною бысть* означают то же, что выражает иначе Марк, говоря: *недостоин разрешити ремень сапогу его*. А что слова: *предо мною бысть* сказаны не о происхождении Его, очевидно из прибавления. Если бы Иоанн хотел сказать о происхождении, то прибавление: *яко первее мене бе* – было бы излишним. Да и кто столько глуп и бессмыслен, что не поймет, что прежде его бывший есть первее его? Если же в этом изречении разумеется предвечное бытие, то оно значит не другое что-либо, как и слова: *по мне Грядый, предо мною бысть*. Но в таком случае это было бы сказано нерассудительно и напрасно была бы приложена такая причина. Если бы он это хотел показать, то ему надлежало бы сказать: *по мне Грядый первее мене бе, яко предо мною бысть*. Кто произошел прежде, о том, по этой причине, справедливо можно сказать, что он первее другого; а если один только первее другого, это еще не причина, что тот произошел прежде этого. А что мы теперь говорим, то имеет свое твердое основание. Вы все, конечно, знаете, что мысли неясные имеют всегда нужду в доказательствах, а не мысли ясные. Если бы речь была о существовании, то не было бы непонятно, что прежде происшедший и должен быть первым; но так как Иоанн говорит о достоинстве, то справедливо и занимается решением представляющегося недоумения. И вероятно, многие недоумевали, отчего и на каком основании пришедший после стал наперед, то есть оказался более досточтимым? На такой вопрос он немедленно представляет причину; а причина та, что Христос по бытию первее его (Иоанна). «Не по какому-либо преуспеянию, – говорит он, – Христос меня, прежде Его пришедшего, оста-

вил позади Себя и Сам стал наперед: Он перее меня, хотя и после меня приходит». Но, скажешь ты, если это говорено было о явлении (Христа) людям и о последующем прославлении Его между ними, то каким образом о том, что еще не пришло к концу, он говорит как уже о бывшем? Он не сказал: *будет*, но: *бысть*¹⁸. Но это у древних пророков было в обычае, чтобы то есть о будущих событиях говорить так, как бы уже о совершившихся. Так Исайя, говоря об умерщвлении Его, не сказал, что Он как овца на заклание веден будет, – в будущем времени, – но: *яко овца на заклание ведется* (Ис. 53, 7). Он в то время еще не воплотился; а Пророк говорит о будущем событии, как уже сбывшемся. И Давид, назнаменуя Крест, не сказал: «ископают рuce мои и нозе мои», но: *ископаша рuce Мои и нозе Мои*. И: *разделиша ризы Моя, и о одежди Моей меташа жребий* (см.: Пс. 21, 17, 19). Говоря и о предателе, который еще не родился, он так выражается: *ядый хлебы Моя, возвеличи на Мя запинание* (Пс. 40, 10). Подобным образом он говорит и о том, что произошло на кресте: *дата в снeдь Мою желчь, и в жажду Мою напоиша Мя оцта* (Пс. 68, 22).

4. Хотите ли, чтобы мы продолжали дальше, или довольно и этого? Я так думаю. Правда, мы этого участка не разработали по всей ширине его, зато проникли в глубину его, а в этом труда не меньше; притом же мы и опасаемся, чтобы, задержав вас свыше меры, не ослабить в вас ревности. Итак, окончим слово надлежащим образом. А каким надлежащим образом? Славословием, подобающим Богу. Но Богу подобает славословие не на словах только, а гораздо более на самих делах. *Тако да просветится, сказано, свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). И подлинно, возлюбленный, нет ничего светонеснее доброго образа жизни. Выражая это, и говорит один из мудрых: *путие праведных подобие свету светятся* (Притч. 4, 18). Они не только светят самим тем, которые возжигают свет в делах своих, но и руководят на правый путь ближних их. Возлием же елей в эти светильники, чтобы огонь поднялся выше и чтобы свет явился в изобилии. Елей этот имеет не только ныне много силы, но, когда еще жертвы были в употреблении, он много превосходил силу их. *Милости (ἐλεος)*, сказано, *хощу, а не жертвы* (Ос. 6, 6; Мф. 9, 13)¹⁹; и совершенно справедливо. Тот жертвенник – бездушный; а этот – одушевленный²⁰. Там все, положенное на жертвеннике, делается добычею огня, обращается в пепел, разрешается в золу и пыль, и дым рассеивается в воздухе; здесь нет ничего такого, и плоды здесь другие. Это показывает и Павел. Говоря о богатстве любви к бедным у коринфян, он писал: *яко работа сего служения не токмо есть исполняющая лишения святых, но и избыточествующая многими благодаренми Богови*. И потом: *славяще Бога о покорении исповедания вашего в благовествовании Христове, и о простоте сообщения к ним и ко всем, и о тех молитве о вас, возжелающих вас* (2 Кор. 9, 12–14).

Видишь ли, какая любовь к бедным разрешается в благодарение и хвалу Богу, в усердные молитвы и в пламеннейшую любовь получивших благодеяние? Будем же, возлюбленные, приносить жертвы, будем приносить на этих жертвенниках каждый день. Жертвы эти важнее и молитв, и постов, и многих других дел, только бы были (приносимы) от прибывка праведного и таких же трудов, и чисты от всякого любостыжания, хищения и насилия. Такие-то приношения приемлет Бог, а другие – противоположные – отвергает и ненавидит. Он не хочет, чтобы мы Его чтими жертвами чужих несчастий. Такие жертвы нечисты и непотребны и скорее прогневали бы, чем умилостивили Бога. Поэтому должно прилагать все старание к тому, чтобы под видом служения не оскорбить Того, Кого мы хотим почтить. Если Каин, принеся (Богу) худшее, что у него было, и в этом не оказав неправды никому другому, под-

¹⁸ В греческом тексте: *ἦν*.

¹⁹ Греческие слова: *ἐλαίον* – елей, и: *ἐλεος* – милость, по их подобию, святитель Иоанн Златоуст употребляет здесь одно вместо другого.

²⁰ То есть сердце доброе, милостивое.

вергся крайнему наказанию, то не понесем ли мы наказания еще более тяжкого, когда принесем что-либо от хищения и любостяжания? Поэтому Бог и явил нам этот вид заповеди²¹, чтобы мы миловали, а не истязали сорабов. А кто берет принадлежащее другим и передает еще другому, тот не милует, а обижает и оказывает крайнюю несправедливость. Как камень не производит из себя елея, так и жестокосердие – человеколюбия. Милостыня, имеющая такой корень, еще не есть милосердие. Поэтому я убеждаю вас – обращать внимание не на то только, чтобы подавать нуждающимся, а и на то, чтобы это подаяние не было хищением у других, так как единому молящуся, а другому проклинаящу, коего глас услышит Владыка? (Сир. 34, 24). Если мы так тщательно будем вести себя, то, по благодати Божией, сможем сподобиться и от Бога великого человеколюбия, помилования и прощения во всем, в чем согрешили в продолжение этого долгого времени, – и избежать реки огненной, от которой да будем исхищены все мы и достигнем Царства Небесного, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

²¹ Разумеется изречение: милости хочу, а не жертвы (Мф. 9. 13).

Беседа XIV

И от исполнения Его мы все прияхом и благодать воз благодать (1, 16)

Изъяснение 1, 16. О том, что мы получили от полноты Иисуса Христа. – Различие между ветхим и новым законом. – Значение слов: «благодать возблагодать». – Бог всегда предваряет нас своими благодеяниями. – Прообразы ветхого завета получили свое исполнение в новом. – Объяснение некоторых из этих прообразов. – В публичных состязаниях поощряют к состязанию не тех, которые потерпели поражение, а только мужественных бойцов. – Напротив, в подвигах духовных поощряют и одушевляют одинаково и тех и других, потому что те, кто потерпели поражение, могут оправиться и еще одержать победу. – Горечь лекарств никого не должна приводить в уныние: польза их обнаружится впоследствии. – Как грешники, так и праведники – все нуждаются в лекарствах, исправлениях и добрых назиданиях.

1. Недавно мы говорили, что Иоанн, – разрешая недоумение тех, которые стали бы сами с собою рассуждать, почему Христос, пришедши на проповедь после Иоанна, стал первее и славнее его, – присовокупляет: *яко первее мене бе*. Это – одна причина. Но евангелист представляет и другую, которая ныне высказана (в Евангелии). Какую же? *От исполнения Его*, говорит он, *мы еси прияхом и благодать воз благодать*. Затем приводит еще иную причину. Какую? *Яко закон Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть* (ст. 17). Но что же значат, скажешь ты, слова: *и от исполнения Его мы еси прияхом*? К этому и надобно теперь обратить слово. У Него, говорит евангелист, не заимствованный дар; но Он есть самый источник, самый корень всех благ, – самосушая жизнь, самобытный свет, самосовершенная истина. Он не удерживает обилия благ в Себе Самом, но изливает его на всех других и, изливая, с лихвой Сам пребывает всегда полным; ущедряя других, Сам ни в чем не умаляется; всегда источая и всем сообщая эти блага, остается в том же совершенстве. А что имею я в себе (говорит Иоанн), это заимствованное, так как я получил от другого, – это нечто малое из всего и как бы скудная капля пред невыразимой пучиной и безбрежным морем. Лучше же сказать – и это подобие не может изобразить того, что мы усиливаемся высказать. Отдели от моря каплю, – и море тем самым уменьшится, хотя уменьшение и не заметно. Но о том источнике нельзя этого сказать: сколько бы ни исчерпывали его, он нисколько не уменьшается. Итак, нужно перейти к некоторому другому подобию; и оно, конечно, будет слабо и не может изъяснить нам того, чего мы доискиваемся, но, по крайней мере, ближе первого приведет нас к предположенной мысли. Представим себе источник огня, – и вот от него возжигается тысяча, две, три и больше светильников. Не остается ли огонь в одной и той же полноте и после того, как сообщит свою силу столь многим светильникам? Это известно каждому. Если же в телах делимых и чрез отнятие (частиц) уменьшаемых находится нечто такое, что и после сообщения своих сил другим телам нисколько не уменьшается, то гораздо в высшей степени это должно быть в силе бестелесной и бессмертной. Если воспринимаемое здесь²² есть и сущность и тело, и делится и не делится, то, когда речь идет о силе, и притом силе, исходящей от бестелесной сущности, гораздо более несомненно то,

²² То есть в огне.

что она не подвержена ничему такому. Потому-то и говорит Иоанн: *и от исполнения Его мы еси прияхом*, – и свое свидетельство соединяет со свидетельством Крестителя. Слова: *и от исполнения Его мы еси прияхом* принадлежат не Предтече, а ученику (Христову). Слова же эти значат вот что: не думайте, что мы, как люди, много времени общавшиеся с Ним и разделявшие с Ним трапезу, свидетельствуем только из благодарности. Вот и Иоанн, человек, даже не видевший Его прежде и не общавшийся с Ним, а видевший его вместе с другими только в то время, когда крестил, – и он воззвал: *первее мене бе*, сказав этим всё. Между тем все мы – двенадцать, триста, пятьсот, три, пять тысяч и десятки тысяч иудеев, все вообще множество верующих и тогдашнего, и настоящего, и будущего времени, от исполнения Его получили. Что же получили? *Благодать воз благодать*. Какую же благодать вместо какой благодати?²³ Новую вместо древней. Подобно тому, как была правда и правда (*по правде законней*, сказано, *быв непорочен* – Флп. 3, 6), – вера и вера (*от веры в веру* – Рим. 1, 17), – усыновление и усыновление (*ихже всыновление*, сказано, – Рим. 9, 4), – слава и слава (*аще бо престающее, славою много паче пребывающее в славе* – 2 Кор. 3, 11), – закон и закон (*закон*, сказано, *духа жизни свободил мя* – см.: Рим. 8, 2), – служение и служение (*ихже служение*, сказано, – см.: 2 Кор. 3, 7, 8, и в другом месте: *духом Богу служим* – Флп. 3, 3), – завет и завет (*и завещаю им завет нов, не по завету, егоже завещах отцем их* – см.: Иер. 31, 31, 32), – освящение и освящение, крещение и крещение, жертва и жертва, храм и храм, обрезание и обрезание, – так есть благодать и благодать. Но здесь одно – образы, а другое – истина; и то и другое есть только нечто соименное, а не однозначное. И на снимках и на изображениях называется человеком написанный и черными красками и белыми, точно так же, как и имеющий свой естественный цвет. И статуи, будет ли статуя золотая или глиняная, равно называются статуями. Но иное – образ, а иное – истина.

2. Итак, по сходству имен не заключай о тождестве вещей, так же как и о разности их. Если был образ, то он не был чужд истины; только если он заключал в себе тень, то был ниже истины. Какое же различие между всеми указанными понятиями? Хотите ли, мы займемся истолкованием одного или двух высказанных понятий? Таким образом будут понятны для вас и прочие, и все мы увидим, что одни из них были уроками для детей, а другие – для людей возмужавших и крепких; что одни были законоположены только для людей, другие – как бы для Ангелов. С чего же нам начать? Хотите ли, с самого усыновления? Итак, какое различие между усыновлением ветхозаветным и новозаветным? То было честию на словах, а это на самом деле. О том сказано: *аз рех, бози есте, и сынове Вышняго еси* (Пс. 81, 6); об этом: *от Бога родишася* (Ин. 1, 13). Как и каким образом? *Банею пакибытия и обновления Духа Святаго* (Тит. 3, 5). Те, и с именем сынов, имели в себе духа работы, – почтены были этим названием, оставаясь рабами; мы, соделавшись свободными, получили эту почесть не по имени только, а на самом деле. На это указывая, Павел говорил: *не приясте бо духа работы паки в боязнь, но приясте Духа сыноположения, о Немже вопием: Авва, Отче* (Рим. 8, 15). Как рожденные свыше и, так сказать, воссозданные, мы потому и названы сынами. А если бы кто хотел дознать образ освящения ветхозаветный и новозаветный, то опять и здесь увидит много разности. Древние назывались этим именем (святых), когда не служили идолам, не творили блуда, не прелюбодействовали; а мы делаемся святыми не только чрез воздержание от тех (пороков), но и чрез приобретение высших совершенств. И сначала мы получаем этот дар от самого наития Святого Духа; а потом и чрез собственную жизнь, которая гораздо выше иудейской. А что эти слова – не самохвальство, послушай, что сказано тем: не волхвуйте, не очищайте чад своих, так как вы народ святой (см.: Втор. 18, 10, 13). Таким образом, у них святость состояла в удалении от обычаев языческих; а у нас не так, но *да будет свята*, сказано, *и телом и духом* (1 Кор. 7, 34). *Мир имейте и святыню*

²³ Святитель Иоанн Златоуст передает здесь буквально слова евангелиста *χαρίν ἀντὶ* (буквально: вместо) *χαρίτος*.

со всеми, их же кроме никто же узрит Господа (Евр. 12, 14). И: *творяще святыню в страхе Божию* (2 Кор. 7, 1). Слово: *святой* не о всех, к кому прилагается, выражает одну и ту же мысль. Называется святым и Бог, но не так, как мы. Смотри, что говорит Пророк, услышав глас, исходящий от Серафимов: *о, окаянный аз, яко человек сый и нечистыя устне имый, посреде людей нечистыя устне имущих аз живу* (см.: Ис. 6, 5), – а Пророк был свят и чист. Но если судить о святости нашей по образцу Горней, то мы оказываемся нечистыми. Святы и Ангелы и Архангелы, святы также Серафимы и Херувимы; но есть опять разность в святости между нами и Высшими Силами. Я мог бы проследить и все прочие понятия, но вижу, что слово становится слишком продолжительным. Поэтому, оставив дальнейшее исследование, мы предоставляем вам самим рассудить об остальных предметах: вы можете дома, сличив их, понять различие между ними и подобным образом проследить все прочее. *Даждь, сказано, премудрому вину, и премудрейший будет* (Притч. 9, 9). Таким образом, начатое нами окончите вы. А нам нужно возвратиться к прежнему порядку слова.

Сказав: *от исполнения Его мы еси прияхом*, евангелист присовокупляет: *благодать възблагодать*, – и тем показывает, что и иудеи спасаются благодатию. «Не ради умножения вашего, – говорит (Бог), – но ради отцев ваших Я избрал вас». А если они избраны Богом не за свои заслуги, то явно, что получили эту почесть по благодати. Да и мы все спасены благодатию, – только не так, как они, не в той же, а гораздо важнейшей и возвышеннейшей степени. Таким образом, и благодать у нас не такова. Нам даровано не только оставление грехов (это у нас обще с ними: *еси бо согрешишиа* – Рим. 3, 23), но и оправдание, и освящение, и усыновление, и благодать Духа, несравненно более светоносная и изобильная. Чрез эту благодать мы соделались любезными Богу уже не как рабы, но как сыны и друга. Потому и сказано: *благодать възблагодать*. И подзаконное Домостроительство было делом благодати, да и самое происхождение наше из небытия; не за какие-либо предшествующие заслуги мы получили это воздаяние, – как это могло быть, когда нас совсем и не было? – но так было потому, что Бог во всяком случае предваряет нас Своими благодеяниями. И не только наше происхождение из небытия, но и немедленное, после происхождения, научение тому, что должно делать и чего не делать, вложение закона этого в самую природу нашу, внедрение в нас неподкупного судилища совести – все это есть дело величайшей благодати и неизреченного человеколюбия. Дело благодати также – после повреждения этого закона возобновление его чрез закон писанный. Преступившим заповедь, однажды данную, следовало бы подвергнуться наказаниям и мучениям. Но этого не сделано; а (последовало) снова исправление и даровано прощение не по праву, но по милости и благодати. А что – по милости и благодати, об этом послушай, как говорит Давид: *творяй милостыни Господь и судьбу всем обидимым. Слова пути своя Моисеови, сыном Израилевым хотения Своя* (Пс. 102, 6–7). И в другом месте: *благ и прав Господь, сего ради законоположит согрешающим на пути* (Пс. 24, 8).

3. Итак, получение закона есть дело милости, сострадания и благодати. Поэтому евангелист, сказав: *благодать възблагодать*, еще сильнее доказывает величие даров, когда присовокупляет следующие слова: *яко закон Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть*. Видите ли, как Иоанн Креститель и ученик (Христов) мало-помалу и незаметно возводят слушателей к самому возвышенному разумению, приготовив их к тому сначала более простыми мыслями. Креститель, сравнив с собою Того, Кто без сравнения превосходит всех, таким образом показывает Его превосходство, и для того говорит: *иже предомною бысть*, и потом присовокупляет: *яко первее мене бе*. А евангелист выражает гораздо больше того (Крестителя), впрочем, все еще ниже достоинства Сына Единородного; евангелист делает сравнение не с Иоанном, но с тем, кто был в большем уважении у иудеев, разумею Моисея. *Яко закон, говорит, Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть*. Но заметь благоразумие. Он сличает не лица, а дела. А как скоро показано

превосходство дел одного пред другим, то и неблагодарные по необходимости должны были принять такое учение и внушение о Христе. Когда свидетельствуют самые дела – такие, в которых нимало нельзя подозревать ни пристрастия, ни вражды к кому бы то ни было, то представляется доказательство неопровержимое и для людей неблагомыслящих. Дела эти оказываются такими, как расположили их сами виновники. Поэтому-то свидетельство таких дел есть самое несомненное. Посмотри также, какое, доступное даже для людей слабых, евангелист делает сравнение. Он не изображает на словах превосходства (благодати пред законом), а только в самых наименованиях показывает различие их, противопоставляя *закону – благодать и истину*, и словам: *дан бысть* – слово: *бысть*. А различие большое между тем и другим. *Дан бысть* – это выражение относится к служителю, принявшему закон от другого и предавшему тем, кому поведено было дать; а: *бысть* благодать и истина – это изображает Царя, властью Своею отпускающего все согрешения и раздающего Свои дары. Поэтому (Господь) говорил: *отпускаются тебе греси*. Также: *но даувесте, яко власть имать Сын Человеческий на земли отпущати грехи, глагола разслабленному: востани, и возми одр твой, и иди в дом твой* (Мк. 2, 9, 10–11).

Видишь ли, как благодать чрез Него происходит? Заметь тоже и касательно истины. На благодать указывает и то обстоятельство, и событие с разбойником, и дар крещения, и благодать Духа, чрез Него подаваемая, и многое другое. А истину мы уразумеем яснее, если изучим образы. Домостроительство, имевшее совершиться в Новом Завете, предварительно предначертало образы, как преобразования; а Христос, с пришествием Своим, совершил его. Итак, рассмотрим вкратце некоторые образы, – проследить все образы в настоящее время и невозможно. Вы же, изучив некоторые, которые я представляю, по ним уразумете и прочие. Итак, хотите ли, начнем с самых страданий? Что говорит преобразование? «Возьмите овца по домам и принесите в жертву, как повелел и законоположил Господь» (см.: Исх. гл. 12). Но Христос не так сделал; Он не повелевает этого, а Сам становится как овца, принося Отцу Себя Самого в жертву и приношение.

4. Посмотри еще, как образ дан был чрез Моисея, а истина совершилась чрез Иисуса Христа. Во время нападения амаликитян на евреев на горе Синайской были распростерты руки Моисея и поддерживаемы Аароном и Ором, которые стояли по ту и по другую сторону; а Христос Сам Собою держал Свои руки, распростерты на Кресте. Видишь ли, как дан был образ и как совершилась истина? Также закон говорил: *проклят всяк, иже не пребудет во всем, написанном в книге сей* (см.: Втор. 27, 26). А что говорит благодать? *Приидите ко Мне еси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). И Павел: *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13). Итак, получив столь великую благодать и истину, не сделаемся, вследствие самой великости дара, беспечны. Чем большей мы удостоены почести, тем более должны быть и добродетельны. Кто, будучи немного облагодетельствован, немного оказывает и ревности в себе, тот не столь великого заслуживает и осуждения; но кто, будучи возведен на самую высшую степень почести, обнаруживает в себе свойства низкие и дела унижительные, тот заслужит гораздо большее наказание. Но не дай Бог – когда-либо предполагать это в вас. Мы уповаем о Господе, что вы воспарили душами вашими к Небесам, отрешились от земли и, будучи в мире, не преданы страстям мира. Однако ж и при такой уверенности мы не перестаем почаству внушать вам одно и то же. В телесной борьбе все зрители также убеждают (бойцов) не падать, не лежать простертыми ниц, но быть бодрыми и держаться на ногах; но тех, которые, несмотря на увещания, не могут встать, однажды навсегда лишают победы и, как неспособных к подвигам, с презрением оставляют в таком положении. Но здесь можно ожидать чего-нибудь хорошего не только от вас, бодрствующих, но и от падших, если только они захотят исправиться. Для того-то мы и делаем все, и умоляем, и докучаем, и укоряем, и хвалим, чтобы устроить ваше спасение. И вы потому не досадуйте на наши частые увещания к жизни добропоряд-

дочной. Мы говорим не как осуждающие ваше нерадение, но как имеющие самые добрые о вас надежды. Притом, что доселе было сказано и впредь будет сказано, то касается не вас только, а и нас, говорящих. И мы сами имеем нужду в таком же назидании, и хотя сами говорим, но ничто не препятствует обратить те же речи и к нам. Слово, встретив виновного в грехах, исправляет его; не причастного греху и свободного от него отводит от него еще далее. Ведь и мы не чисты от согрешений. Итак, врачевание одно для всех, и пособия врачевные предлагаются всем. Но излечение не одно у всех, а соразмеряется с произволением пользующихся им. Потому, кто пользуется врачевством как должно, тот получает облегчение от врачевания; а кто врачевства не прилагает к ране, тот усиливает в себе зло и обращает его к самым несчастным последствиям. Итак, не будем досадовать, когда нас врачуют, но лучше будем радоваться, хотя бы способ учения причинял нам горькие скорби, – потому что впоследствии он принесет самый сладкий плод. Все будем делать так, чтобы, чистыми от ран и язв, нанесенных душе уязвлением греха, перейти нам в век будущий, чтобы сподобиться лицезрения Христа и быть преданными не жестоким и мстительным силам, а тем, которые могут ввести нас в наследие небесное, уготованное любящим Его, – что и да получим все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XV

Бога никтоже виде нигдеже: Единородный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда (1, 18)

Изъяснение 1, 18. Бога никто никогда не видел в Его сущности. – Иисус Христос вполне знает Отца, потому что пребывает в Его лоне. – Опровержение ариан и других еретиков, отвергавших Божество Иисуса Христа. – Иисус Христос открыл нам больше, чем пророки и Моисей. – Все христиане составляют одно тело. – Что служит величайшею связью их взаимной любви.

1. Бог хочет, чтобы мы не просто слушали имена и слова, находящиеся в Писании, но – с разумением. Поэтому блаженный Давид многие из своих псалмов надписал так: *в разум*, и говорил: *открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18). После него сын его, заступивший его место, учит, что мудрости должно искать, как серебра, приобретать ее больше, чем золота. А Господь внушал иудеям испытывать Писания, и тем нас еще более побуждает к исследованию. Он не в том смысле говорил это, чтобы, только прочитав, можно было с первого раза понять Писание. Никто, конечно, не станет испытывать того, что находится вблизи и под рукою, а испытывают то, что остается в тени и может открыться только после долгого изыскания. Для того-то Писание называется и сокровищем сокровенным, чтобы побудить нас к испытанию его. А это внушается нам для того, чтобы приступали к словам Писания не просто как случилось, но с большою осмотрительностью, потому что кто станет слушать, что читается в нем, без рассуждения и все принимать буквально так, как сказано, тот может предполагать много нелепого о Боге. Он, пожалуй, допустит, что Бог есть и человек и что Он состоит из меди, что Он и гневлив и яростен и много других, еще более худых мыслей. Если же кто будет вникать в глубину смысла, то избежит всякой такой нелепости. Вот и в чтении, ныне нам предложенном, говорится, что Бог имеет лоно, а это свойственно телам; но никто не будет столько глуп, чтобы бестелесного почитать телом. Чтобы все это понять в смысле духовном, как должно, исследуем это место подробнее. *Бога никтоже виде нигдеже*. Каким путем евангелист пришел к этому? Показав великое преимущество даров Христовых – такое, что неизмеримое расстояние находится между этими дарами и сообщенными чрез Моисея, он хочет потом высказать и достаточную причину такой между ними разности. Моисей, как раб, был служителем дел низших; а Христос, как Владыка и Царь и Сын Царя, принес нам несравненно высшие дары, сосуществуя всегда со Отцом и видя Его непрестанно. Потому-то евангелист и присовокупил: *Бога никтоже виде нигдеже*. Что же мы скажем на слова велегласнейшего Исаии: *видех Господа сидяща на престоле высоце и превознесение* (Ис. 6, 1)? Что скажем на свидетельство самого Иоанна о том, что Исайя сказал это тогда, когда видел славу Его (см.: Ин. 12, 41)? Что скажем на слова Иезекииля? И он ведь видел Бога, сидящего на Херувимах. Что – на слова Даниила? И он говорит: *и Ветхий денми sede* (Дан. 7, 9). Что также – на слова Моисея: *яви ми славу Твою, да разумно вижду Тя* (см.: Исх. 33, 13)? А Иаков и прозвание получил от этого, то есть был назван Израилем, а Израиль значит: *видящий Бога*. Видели Его и другие. Итак, почему же Иоанн сказал: *Бога никтоже виде нигдеже*? Он показывает, что все то было делом снисхождения, а не видением самого существа Божественного. Если бы они видели самое существо, то видели бы его не различным образом. Оно просто, необразно, несложно, неописанно; не сидит, не стоит, не ходит. Все это свойственно только телам. Но как Бог существует, это знает

Он один, и это возвестил Сам Бог Отец чрез одного Пророка: *Аз, говорит, видения умножил, и в руках пророческих уподобился* (Ос. 12, 10), то есть Я снизошел, явился, но не тем, что Я есмь. А как Сын Его имел явиться нам в действительной плоти, то Он изначала приготавливал людей к созерцанию существа Божия, сколько им возможно было видеть. Но что Бог есть Сам в Себе, того не видели не только пророки, но и Ангелы и Архангелы; и если бы ты спросил их об этом, то в ответ не слышал бы ничего о существе, а только пение: *слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение* (Лк. 2, 14). Если бы ты пожелал узнать о том что-либо от Херувимов или Серафимов, то услышал бы таинственную Трисвятую песнь и что *исполнь небо и земля славы Его* (см.: Ис. 6, 3). А если бы ты обратился с вопросом к силам еще высшим, то ничего не узнал бы, кроме того, что у них одно дело – хвалить Бога. *Хвалите Его, сказано, вся силы Его* (Пс. 148, 2). Итак, Самого (Бога Отца) видит только Сын и Дух Святой. Да и как созданное существо, каково бы оно ни было, может видеть Несозданного! Если мы не можем ясно видеть какую бы то ни было бестелесную силу, даже сотворенную, – а этому много оказалось примеров по отношению к Ангелам, – то тем более мы не можем видеть существа бестелесного и не созданного. Поэтому и Павел говорит: *Егоже никтоже видел есть от человек, ниже видети может* (1 Тим. 6, 16). Но не принадлежит ли это преимущество только одному Отцу, а не Сыну? Нет – и Сыну также. А что принадлежит это и Сыну, послушай Павла, который показывает это и говорит: *уже есть образ Бога невидимого* (Кол. 1, 15). А как образ невидимого, Он и Сам невидим; иначе не был бы и образом. Если же (Павел) в другом месте говорит: *Бог явился во плоти* (1 Тим. 3, 16), – ты не удивляйся: это явление совершилось во плоти, а не по существу. Но что и Он невидим, не только для людей, а и для высших сил, показывает также Павел. Сказав: *явился во плоти*, он присовокупляет: *показася Ангелом*.

2. Таким образом, Он показался Ангелам тогда, когда облекся плотию; а прежде того они также не видели Его, потому что и для них существо было не видимо. Какже, скажете, Сам Христос сказал: *да не презрите единого от малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех выну видят лице Отца Моего Небеснаго* (Мф. 18, 10)? Что же? Неужели Бог и лице имеет, и Небесами ограничивается? Но никто не будет до такой степени лишен ума, чтоб утверждать это. В каком же смысле это сказано? В том же, в каком сказано: *блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Говорится здесь о видении, нам возможном, – о видении умом и мыслию о Боге. Таким образом, и об Ангелах можно сказать, что они по своему чистому и бодрственному естеству всегда не что другое созерцают, а только Бога. Потому-то и Сам (Господь) также говорит: *ни Отца кто знает, токмо Сын* (Мф. 11, 27). Что же? Неужели все мы находимся в неведении о Нем? Нет; только никто не знает (Отца) так, как Сын. А как и прежде многие видели Его, в доступной для них мере видения, существа же Божеского не видел никто, так и ныне все мы знаем Бога, но каков Он в существе Своем, того не знает никто, – только один Рожденный от Него. Знанием Он здесь называет точное созерцание и постижение, и притом такое, какое имеет Отец о Сыне. *Якоже знает Мя Отец, говорит Он, и Аз знаю Отца* (Ин. 10, 15). Смотри же, с какою полнотою выражает это евангелист. Сказав: *Бога никтоже виде нигдеже*, он не говорит потом, что *Сын, видящий Его, исповеда*, но представляет нечто другое, что еще полнее видения, именно: *сый в лоне Отчи*, – так как пребывание в лоне гораздо более означает, нежели видение. Кто просто – видит, тот имеет еще не совсем точное познание о видимом предмете; а кто пребывает в лоне, тот имеет полное видение. Итак, если Отца никто не знает, кроме Сына, то ты, слыша это, не подумай, что, хотя Сын знает Отца совершеннее, чем все другие, но не знает, каков Он есть в Себе; и вот для этого-то евангелист и говорит, что Сын пребывает в лоне Отца; а Сам Христос вещает, что знает Отца столько же, сколько Отец Сына. Итак, кто стал бы противоречить, того спроси: знает ли Отец Сына? И он, если только не сошел с ума, конечно ответит: да. Затем опять мы спросим: имеет ли Отец ведение о Сыне полное и видит ли ясно,

что есть Сын? Конечно противник согласится и на это. А отсюда ты выведи и полное знание Сына об Отце. Сам (Сын) сказал: *якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца* (Ин. 10, 15); и в другом месте: *не яко Отца видел есть кто, токмо Сый от Бога* (6, 46). Поэтому, как я сказал, евангелист и упомянул о лоне, одним этим словом изъясняя нам все: сродство и единство существа, нераздельное ведение и равенство власти. А иначе и Отец не мог бы иметь в лоне Своем какое-либо иное существо, да и Сын, если бы был рабом и одним из многих, не дерзнул бы пребывать в лоне Владыки; это свойственно только истинному Сыну, обладающему великим дерзновением пред Родителем и имеющему в Себе несколько не меньше (Его). Хочешь ли дознать вечность Сына? Послушай, что говорит Моисей об Отце. Спросив о том, что сказать в ответ египтянам, если они спросят, кто послал его, он получил повеление сказать: *Сый посла мя* (Исх. 3, 14). Слово: *Сый* означает бытие постоянное, бытие безначальное, бытие в истинном и собственном смысле. То же означает и выражение: *в начале бе*, изображая бытие постоянное. И это выражение употребляет здесь Иоанн именно для того, чтобы показать, что Сын существует в лоне Отца безначально и вечно. А чтобы ты, по общности наименования, не заключил, что Он один из тех, которые соделались сынами по благодати, для того здесь приложен член (о), который и отличает Его от сынов по благодати. Если же для тебя этого недостаточно и ты все еще склоняешься долу, то выслушай наименование, более свойственное Сыну: *Единородный*. А если ты и после этого смотришь книзу, то я не откажусь употребить о Боге и человеческое выражение, – разумею лоно, только бы ты не представлял себе ничего уничиженного. Видишь ли человеколюбие и промысление Владыки? Бог допускает о Себе слова недостойные, чтобы, по крайней мере, таким образом ты открыл глаза и помыслил что-либо великое и высокое, – и ты все еще остаешься долу? В самом деле, скажи мне, для чего здесь упоминается лоно, понятие грубое и плотское? Для того ли, чтоб мы представляли себе Бога телом? Нет, вовсе нет, говоришь ты. Для чего же? Если оно не изображает ни истинности Сына, ни того, что Бог не есть тело, то, конечно, изречение это брошено напрасно и без всякой нужды. Так для чего же? Я не перестану спрашивать тебя об этом. Не явно ли – для того, чтобы посредством его мы поняли именно то, что Он есть истинно Сын Единородный и совечен Отцу? *Той исповеда*, сказано. Что Он исповедал? Что *Бога никтоже виде нигдеже*? Что Бог един? Но это (говорили) и пророки, часто взывал и Моисей: *Господь Бог наш, Господь един есть* (см.: Втор. 6, 4); и Исайя: *прежде Мене не бысть ин Бог, и по Мне не будет* (Ис. 43, 10).

3. А что же еще мы узнаем от Сына, как сущего в недрах Отчих? Что узнаем от Единородного? Во-первых, что это самое составляет Его действительную силу. Потом, мы получили более ясное учение и познание о том, что Бог есть Дух и что поклоняющиеся Ему должны поклоняться духом и истиною; еще же и то, что Бога видеть невозможно, что Его не знает никто, кроме Сына, и что Он есть Отец истинного Единородного; также и все прочее, что о Нем повествуется. Самое же слово: *исповеда* выражает учение яснейшее и очевиднейшее, которое Он передал не одним иудеям, а и всей вселенной и которое Сам исполнил. Пророкам внимали не все даже иудеи, а Единородному Сыну Божию покорилась и уверовала вся вселенная. Итак, исповедание означает здесь особенную ясность учения. Потому-то называется и Словом и Ангелом Великого Совета. Если же мы удостоены высшего и совершеннейшего учения, после того как Бог в последние дни возглаголал нам уже не только чрез пророков, но и чрез Единородного Сына, то и мы должны показать жизнь, более возвышенную и достойную такой почести. Как Он снизошел к нам до того, что восхотел беседовать с нами не чрез рабов, а Сам непосредственно, то несообразно было бы с нашей стороны не показать в себе ничего лучше прежних времен. Иудеи имели учителем Моисея, а мы – Самого Владыку Моисея. Итак, покажем любомудрие, достойное этой почести, и не будем иметь ничего общего с землею. Он для того и принес нам учение свыше, с Небес, чтобы вознести туда нашу мысль, чтобы мы сделались, по мере сил своих, подражателями своего Учителя.

А как нам, скажешь, сделаться подражателями Христу? Делая все для общего блага и не ища своего. И *Христос*, сказано, *не Себе угодн, но якоже есть писано: поношения поносящих Тебе нападоша на Мя* (Рим. 15, 3). Никто пусть не ищет своего. А пусть, ища своего, всякий имеет в виду ближних; что – наше, то – и их. Мы одно тело, и члены, и части друг друга (см.: Рим. 12, 5). Не будем же в отношении друг к другу, как разделенные. Пусть никто не говорит: такой-то мне не друг, не родственник, не сосед; у меня нет ничего общего с ним: как мне приступить к нему? как начать разговор? Если он и не родственник, не друг тебе, – все же он человек, одного с тобою естества, имеет одного Владыку, сораб, сожитель, так как живет в одном с тобою мире. А если еще содержит одну веру, то вот он и член твой. Какая дружба может произвести такое единение, как сродство веры? Мы должны показывать не такую близость, не такое иметь общение между собою, как друзья с друзьями, а как члены с членами. Другого высшего дружества и общения, чем это, не найдет никто никогда. Ты так же не можешь говорить: откуда у меня близость и связь с таким-то, как не можешь сказать этого о своем брате, потому что это было бы смешно. *Вси во едино тело крестихомся*, сказано (1 Кор. 12, 13). Для чего *во едино тело*? Для того, чтобы не разделяться, но взаимным согласием и дружеством сохранять связь всего тела. Итак, не будем презирать друг друга, чтобы не пренебречь самих себя, потому что сказано: *никтоже бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю* (Еф. 5, 29). Для этого Бог дал нам один дом – мир этот; разделил все поровну: одно для всех возжег солнце, распростер один кров – небо; устроил одну трапезу – землю; дал и другую трапезу, которая гораздо важнее этой, но также одну: соучастники Таинств знают, что я говорю; даровал всем один духовный образ рождения; у всех нас одно Отечество на Небесах; все пием из одной и той же Чаши. Ни богатому Он не дал ничего больше и драгоценнее, ни бедному ничего меньше и малоценнее, но всех равно призвал, и как плотские, так и духовные (блага) равно сообщил. Отчего же такое неравенство в жизни? От любостяжания и высокомерия богатых. Но, братия, да не будет впредь этого. Так как у нас есть нечто общее и необходимейшее, что соединяет нас воедино, то не будем разделяться из-за дел земных и ничтожных, – разумею богатство, бедность, плотское родство, вражду, дружество. Все это тень, еще ничтожнее и тени для тех, которые соединяются узами высшей любви. Будем же сохранять эти узы неразрывными, – и никакой злой дух не сможет проникнуть в нас, чтобы разрушить такое единение. Итак, да будет оно во всех нас, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа XVI

И сие есть свидетельство Иоанново, егда послаша Жидове от Иерусалима иереев и левитов, да вопросят его: ты кто еси? (1, 19)

Изъяснение 1, 19. Как злоба иудеев проявляется в вопросах, с которыми они обращались к святому Иоанну Крестителю. – Как этот верный Предтеча отдает Иисусу Христу славу, которую даже иудеи хотели воздавать ему самому. – Высокое мнение, которое иудеи имели о святом Иоанне Крестителе. – Их неверие в Иисуса Христа неизвинительно и не заслуживало прощения. – Смирение святого Иоанна Крестителя. – Против аномеев. – Гордость ниспровергает всякую добродетель души и извращает все добрые дела. – Она есть мать диавола, начало, источник и причина всех грехов. – О милостыне. – Бедные переносят на небо блага мира сего. – Непрочность земных владений и потому нужно заблаговременно переносить их в высший град.

1. Опасная страсть, возлюбленный, – зависть; опасная и губительная для самих завидующих, а не для тех, которым завидуют. Она прежде всего им самим причиняет вред и гибель, как какая-нибудь смертоносная отравка, внедрившаяся в души их. А если она когда-либо вредит и тем, которым завидуют, то это вред малый и незначительный, и еще доставляет им пользу, гораздо более важную, чем потеря. И так бывает не с завистью только, а и со всеми другими страстями: не тот, кто терпит зло, а тот, кто делает зло, получает вред. Иначе, если бы это было не так, Павел не внушал бы своим ученикам – лучше терпеть несправедливость, чем делать ее, говоря: *почто не паче обидими есте? Почто не паче лишены бываете?* (1 Кор. 6, 7). Он хорошо знал, что гибель всюду следует не за тем, кто терпит зло, а за тем, кто делает зло. Все это говорю я по поводу зависти иудеев. Люди, стекавшиеся из городов к Иоанну и, в покаянии о своих грехах, получившие крещение, – те самые, после крещения, как бы передумав снова, посылают спросить его: *ты кто еси?* Подлинно порождения ехидн, змеи, если еще не хуже их. Род лукавый, прелюбодейный и развращенный, ты уже после крещения изведываешь и любопытствуешь узнать о Крестителе? Может ли быть что-нибудь глупее этой глупости? Как же вы приходили к нему? Как исповедовали свои грехи? Как спешили креститься от него? Как вопрошали его о том, что должно делать? И так, все это делалось у вас безрассудно, без сознания причины и основания на то? Впрочем, ничего такого не сказал блаженный Иоанн, не возопил, не стал их укорять; но отвечал со всею снисходительностью. А для чего он так поступил, – стоит узнать, чтобы всем было явно и очевидно злодейство иудеев. Иоанн часто свидетельствовал пред иудеями о Христе и, когда крестил, нередко напоминал о Нем приходящим и говорил: *аз убо крещая вы водою: Грядый же по мне креплий мене есть: Той вы крестит Духом Святым и огнем* (Мф. 3, 11). Но они в отношении к Иоанну показали человеческую слабость: имея в виду славу мирскую и взирая на внешность, они думали, что недостойно Иоанна подчинять себя Христу. Иоанна возвышало многое в их глазах: во-первых, именитое и знатное происхождение, потому что он был сын первосвященника; во-вторых, строгость жизни и презрение всего человеческого, потому что он, пренебрегая и одеждою, и домом, и самою пищею, проводил пред тем все время в пустыне. Во Христе все было напротив, происхождение уничиженное, что иудеи часто и выставляли на вид, говоря: *не Сей ли есть тектонов сын? Не Мати ли Его нарицается Мариам, и братия Его Иаков и Иосий?* (Мф. 13, 55). А мнимое Его отечество было в

таким бесславию, что и Нафанаил говорил: *от Назарета может ли что добро быти?* (Ин. 1, 46). Образ жизни был у Него обыкновенный, одежды, ничем не отличавшиеся от других; кожаного пояса Он не носил, власяницы не имел, меда и акридов не ел; он жил, как и все, присутствовал в собраниях людей порочных и мытарей, только чтобы привлечь их. Иудеи, не понимая этого, поносили Его, как и Сам Он говорит: *прииде Сын Человеческий ядый и пий, и глаголют: се, человек ядца и винопийца, мытарем друг и грешником* (Мф. 11, 19). И вот как Иоанн часто отсылал их от себя к Тому, Кто, по их мнению, был ниже его, то они, стыдясь и досадуя на это и желая лучше иметь учителем Иоанна, открыто не осмеливались этого высказать, а отправляют к нему посольство, надеясь лестию расположить его к тому, чтобы он объявил себя Христом. И не каких-либо презренных людей они посылают к нему, как ко Христу, когда, желая схватить Его, послали слуг, потом иродиан и им подобных людей; но священников и левитов, да и священников именно из Иерусалима, то есть почетнейших (евангелист не без причины заметил это). Посылают же затем, чтобы спросить Иоанна: *ты кто еси?* А между тем и рождение его было известно всем, так что все говорили: *что убо отроча сие будет?* (Лк. 1, 66), – и молва о нем пронеслась по всей нагорной стране. Опять, когда он пришел на Иордан, жители всех городов спешили к нему, и из Иерусалима и со всей Иудеи шли креститься у него. Итак, эти-то люди теперь спрашивают, – не потому, чтобы не знали его (как могли они не знать человека, сделавшегося столько известным?), но они хотели привести его к тому, что я высказал.

2. Послушай же, как этот блаженный муж отвечает именно на ту мысль их, с которою они спрашивали его, а не на самый вопрос. Когда они спросили: *ты кто еси?* – он не вдруг сказал то, что следовало сказать: *аз глас вопиющаго в пустыни* (Мк. 1, 3). А что? Он уничтожает их предположение, – на вопрос: *ты кто еси?* – он *исповеда и не отвержесея, и исповеда, яко несъм аз Христос* (Ин. 1, 20). Заметь мудрость евангелиста. Три раза он говорит одно и то же, чтобы показать и добродетель Крестителя, и все лукавство и бессмыслие иудеев. Также и Лука говорит, что, когда народ предполагал, не он ли Христос, – он уничтожил это предположение. Таково свойство благомыслящего служителя – не только не похищать чести, принадлежащей господину, но и отвергать ее даже в таком случае, когда бы предлагали ее другие. Впрочем, простой народ пришел к такому предположению по простоте и неведению; а те спрашивали его, как я сказал, с злым умыслом, надеясь лестию увлечь его к тому, чего хотели. А если бы они не это именно имели в виду, то не перешли бы тотчас к другому вопросу, а стали бы досадовать на то, что он говорит совсем другое и отвечает не на вопрос; они бы сказали ему: разве мы это предполагаем? Разве об этом пришли спрашивать? Но, как бы будучи пойманы и уличены, они переходят к другому предмету и говорят: *что убо? Илиа ли еси ты? И глагола: несъм* (ст. 21). Они ожидали, что и Илиа придет, как и Христос сказал. На вопрос учеников: *что убо книжницы глаголют, яко Илиа подобает прийти прежде?* – Он сказал: *Илиа убо приидет прежде и устроит вся* (Мф. 17, 10, 11). Потом спросили: *пророк ли еси?* И он отвечал: *ни*. Однако ж он был пророк. Почему же он отрекся? Опять потому, что смотрел на цель спрашивавших. Они ожидали, что придет некоторый избранный пророк, так как Моисей говорил: *пророка от братии твоея, якоже мене, возставит тебе Господь Бог твой, Того послушайте* (Втор. 18, 15). А это был Христос. Поэтому они не вообще говорят: *пророк ли еси?* – разумея одного из многих пророков, но с присовокуплением члена²⁴: «не тот ли ты пророк, о котором предвозвестил Моисей?» Поэтому-то он и отрекся – не от того, что он – пророк, а от того, что он – именно тот (предвозвещенный) пророк. *Реша же ему: кто еси? Да ответ дамы пославшим ны: что глаголеши о тебе самом* (ст. 22).

Видишь ли, как они еще сильнее приступают и настаивают, повторяют вопросы и не отстают? Но Иоанн с кротостию сперва отвергает их ложные предположения, и потом дает

²⁴ В греческом тексте: *ὁ προφήτης*.

действительное понятие о себе: *аз, говорит, глас вопиющего в пустыни: исправите путь Господень, якоже рече Исаия пророк* (ст. 23). Так как он уже высказал о Христе нечто великое и высокое, то, как бы в ответ на их мысль, тотчас спешит обратиться к Пророку и таким образом подтверждает свои слова. *И посланнии беху от фарисей: и вопросиша его и реша ему: что убо крещаеши, аще ты неси Христос, ни Илия, ни пророк?* (ст. 24–25). Видишь ли, как не напрасно я говорю, что они именно до этого хотели довести его? А сначала этого они не говорили, чтобы не подвергнуться общей от всех укоризне. Потом, когда он сказал: *несмь Христос*, они, желая скрыть то, что затевали в душе, переходят к Илию и к (обещанному) пророку. Когда же Иоанн сказал, что он ни тот, ни другой, они наконец, приведенные в недоумение, сбросив с себя личину, уже открыто выставляют свой лукавый замысел и говорят: *что убо крещаеши, аще неси Христос?* Потом, опять желая прикрыться, присоединяют и других лиц, Илию и пророка. Так как не могли поколебать его честию, то думают обвинением вынудить у него признание в том, чего не было. Но и этого не могли сделать. О, безумие! О, надменность и безвременная суетливость! Вы посланы узнать от него, кто и откуда он: не хотите ли предписывать ему и законов? И этого именно хотели они, принуждая его объявить себя самого Христом. Однако ж он и теперь не негодует и не высказывает ничего такого, хотя и справедливо было бы, как, например: «вы ли хотите мне приказывать и давать законы?» Но опять показывает большую кротость. *Аз, говорит, крещаю водою: посреде же вас стоит, Егоже вы не весте. Той есть Грядый по мне, Иже предо мною бысть, емуже несмь аз достоин, да отрешу ремень сапогу Его* (ст. 26–27).

3. Что на это могли бы сказать иудеи? Здесь обвинение на них неопровержимое, осуждение нещадное; они сами на себя произнесли суд. Каким образом? Они почитали Иоанна достойным всякой веры и столько правдивым, что верили ему не только тогда, когда он свидетельствовал о других, но и когда говорил о себе самом. Если бы они не были такого мнения о нем, то не послали бы узнать от него о нем же самом. Известно, что мы верим только тем людям, когда они говорят о самих себе, которых признаем людьми самыми правдивыми. Но не это только заграждает их уста, а и самое расположение духа, с которым они приступили к нему; они пришли к нему с особенным усердием, хотя потом и переменились. Указывая на то и на другое, Христос говорил: *он бе светильник горя и светя: вы же восхотесте возрадоватися в час светения его* (Ин. 5, 35). А самый ответ Иоанна еще более показал в нем человека, достойного веры. Кто не ищет славы своей, сказано, тот *истинен есть, и несть неправды в нем* (Ин. 7, 18). И он не искал; но отослал их к другому. Между тем посланные были из людей доверенных, почетных, так что им не оставалось никакого убежища или оправдания в своей неверии Христу. Почему вы не приняли того, что говорил о Нем Иоанн? Вы послали своих старшин, чрез них вы спрашивали его, вы слышали, что отвечал Креститель; они, с своей стороны, показали всю ревность, все любопытство, указывали на всех лиц, которых вы предполагали в нем. И, однако ж, он с полною свободою исповедал, что он – *ни Христос, ни Илия, ни пророк*. Не ограничиваясь этим, он сказал и то, кто он сам, беседовал о сущности своего крещения, именно, что оно маловажно и несовершенно и не имеет в себе ничего, кроме воды, – показывая тем превосходство крещения, дарованного Христом. Присовокупил и свидетельство Исаии пророка за долгое до того время, и одного наименовал Господом, а другого – Его служителем и рабом. Что же после этого оставалось делать? Не уверовать ли в Того, о Ком (Иоанн) свидетельствовал, – поклониться Ему и исповедать Его Богом? А что свидетельство это было делом не лести, а истины, это показывал нрав и добродетели свидетеля. Понятно это и потому, что никто не предпочитает себе ближнего и, когда можно получить самому честь, никто не захотел бы уступить ее другому, особенно когда честь так велика. Таким образом, и Иоанн не представил бы такого свидетельства о Христе, если бы Он не был Богом. Если бы и от себя отклонил эту честь, как такую, которая выше его природы, то, конечно, не приписал бы ее и другому, низшему существу. *Посреде*

же вас стоит, Егоже вы не весте. Это он сказал потому, что (Христос) обыкновенно вмешивался в толпу народа, как человек простой, и учил всегда противу гордости и тщеславия. Ведением же здесь Иоанн называет знание точное, именно о том, кто Он таков и откуда. А выражение: *помне Грядый* Иоанн часто употребляет, говоря как бы так: «не думайте, что все заключается в моем крещении. Если бы оно было совершенно, то не пришел бы после меня другой с установлением другого крещения. А мое крещение только приготовление и указание пути к тому крещению. Наше дело – тень и образ. Должно прийти другому лицу, которое покажет истину». Таким образом слова: *по мне Грядый* наиболее указывают на Его достоинство. Если бы (крещение Иоанново) было совершенно, то не было бы нужды искать второго. *Предо мною бысть*, то есть Он досточтимее, славнее меня. А чтобы не подумали, что это превосходство есть только сравнительное, то, желая показать Его несравненное достоинство, Иоанн присовокупляет: *Емуже несмы аз достоин, да отрешу ремень*, то есть Он не просто *предо мною бысть*, но так, что я недостойн быть в числе даже последних служителей Его: развязывать обувь и есть дело самого низкого служения. Если же Иоанн недостойн разрешить ремень, – Иоанн, *которого больше небыло в рожденных женами* (см.: Лк. 7, 28), то где же нам поместить себя? Если достойный целого мира или, лучше, больший его (так как сказано: *ихже не бе достоин весь мир*), если он признает себя недостойным быть в числе Его последних служителей, то что же скажем мы, обремененные тысячами пороков, – мы, настолько отстоящие от добродетели Иоанна, насколько отстоит земля от неба?

4. Итак, Иоанн говорит о себе, что *недостойн отрешить ремень сапогу*; а враги истины доходят до такого безумия, что считают себя достойными знать Его так же, как Он знает Себя Самого. Что может быть хуже такого безумия? Что сумасброднее такого самохвальства? Хорошо сказал некто мудрый: *начало гордыни незнание Господа* (см.: Сир. 10, 14). Дьявол, не бывший прежде дьяволом, не был бы низвержен и не стал бы дьяволом, если бы не заболел этою самою болезнью. Она лишила его прежнего достоинства, она низвела его в геенну, она послужила для него причиною всех зол. Порок этот может сам по себе повредить всякую добродетель души – милостыню ли, молитву ли, пост, или что-либо другое. Сказано, что высокое у людей не чисто пред Господом. Не блуд только и не прелюбодеяние оскверняет тех, которые предаются ему, но и гордость, и даже гораздо больше. Почему? Потому, что хотя блуд и непростительное зло, но, по крайней мере, иной человек может сослаться на пожелание; а высокомерие не имеет никакой причины, никакого предлога, под которым заслуживало бы хотя тень извинения; оно есть не что иное, как развращение души и самая тяжкая болезнь, происходящая не от чего другого, как только от безрассудства. Подлинно, нет человека безрассуднее высокомерного, хотя бы он обладал большим богатством, хотя бы получил обширное внешнее образование, хотя бы поставлен был на высшей степени власти, хотя бы имел у себя все, что для людей кажется завидным. Если гордящийся действительными преимуществами жалок и несчастен и теряет награду за все свои совершенства, то не смешнее ли всех надмевающийся ничтожными благами, тенью и цветом травы (такова слава этого века), так как он поступает подобно тому, как если бы бедняк, нищий, постоянно удручаемый голодом, случайно в одну ночь увидел приятный сон и тем стал бы тщеславиться? Жалкий и несчастный! Душу твою снедает жесточайшая болезнь, и ты, убогий крайним убожеством, мечтаешь, что у тебя столько и столько-то талантов золота и множество прислуги? Да это – не твое. А если не веришь моим словам, то убедись опытами бывших прежде богачей. Если же ты так упоен, что не вразумляешься приключениями других, то подожди немного, и ты дознаешь собственным опытом, что нет для тебя никакой пользы от этих благ, когда, при последнем издыхании, не будучи властен ни в одном часе, ни в одной минуте, ты невольно оставишь их окружающим тебя людям и, что нередко случается, таким людям, которым ты и не хотел бы оставить. Многие даже не имели возможности распорядиться о них, а отходили нечаянно, еще желая наслаждаться ими, но им уже не было это поз-

волено, и, будучи увлекаемы, отходя из мира невольно, по необходимости, оставляли свои блага тем, кому бы и не хотели. Чтобы и с нами того не случилось, мы, пока живы и здоровы, отошлем их в свой (грядущий) град. Только таким образом мы будем иметь возможность насладиться ими, а не иначе; таким только образом мы положим их в надежном и безопасном месте. Ничто, ничто не может их оттуда исхитить: ни смерть, ни доверительные свидетельства, ни наследники, ни клеветы и наветы; но кто сколько принес с собою, отходя отсюда, тем всем и будет наслаждаться непрерывно. А кто так несчастен, что не захотел бы вечно утешаться своим стяжанием? Перенесем же свое богатство и положим его там. Для этого перенесения нам не нужно ни ослов, ни верблюдов, ни колесниц, ни кораблей, – и от этих хлопот избавил нас Бог, – нужны нам будут только бедные, хромые, слепые, недужные. Им-то поручен этот перевоз, они-то пересылают богатство на Небо, они-то вводят владельцев богатства в наследие вечных благ, которого да достигнем и все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа XVII

Сия в Вифании быша обонпол Иордана, идеже бе Иоанн крестя. Во утрий же виде Иоанн Иисуса, грядуща к себе, и глагола: се, Агнец Божий, вземляй грехи мира (1, 28–29)

Изъяснение 1, 28–29. Слова святого Иоанна Крестителя как свидетельство его величайшего благоговения к Иисусу Христу. – Иисус Христос не имел нужды в крещении. – Ложность предположения, что Иисус Христос творил в детстве чудеса. – Почему иудеи не веровали в Иисуса Христа, хотя слышали проповедь святого Иоанна Крестителя и видели столько знамений и чудес. – Достоверность евангелистов. – Против язычников. – Встречаются защитники зрелищ, но не обретаются истины и веры. – Сочинения философов того времени против христиан.

1. Великая добродетель – дерзновенное, открытое исповедание Христа и предпочтение этого исповедания всему другому – так велика и дивна, что Сын Божий Единородный исповедует такого человека пред Отцом Своим, хотя это воздаяние и несоразмерно. Ты исповедуешь на земле, а Он исповесть на Небесах; ты – пред людьми, Он – пред Отцом и всеми Ангелами. Таков был Иоанн. Он не смотрел ни на народ, ни на славу, ни на что человеческое, но, презрев все это, с должною свободою проповедовал всем о Христе. Поэтому евангелист означает и самое место (его проповеди), чтобы показать дерзновение велегласного проповедника. Не в доме, не за углом, не в пустыне, но на Иордане, среди множества народа, в присутствии всех, крестившихся от него (а Иоанну крещающему предстояли иудеи), он возгласил это дивное исповедание о Христе, исполненное великих, возвышенных и неизреченных догматов, а о себе говорил, что недостойн был развязать ремень сапог Его. Как же это выражает евангелист? Присовокупляя слова: *сия в Вифании быша*. А в исправнейших списках сказано: *в Вифаваре*. Вифания была не по ту сторону Иордана и не в пустыне, а близ Иерусалима. Но эти места означает (евангелист) и по другой причине. Он хотел рассказать события не древние, а случившиеся в незадолгое пред тем время, и потому призывает в свидетели своих слов людей, которые находились в тех местах и были очевидцами, и таким образом от самых мест представляет доказательства. Уверенный, что в своем повествовании он ничего не прибавляет от себя, а говорит все просто, как было, он заимствует свидетельство от самых мест, которое, как я сказал, может быть немаловажным доказательством истины. *Во утрий же виде Иоанн Иисуса, грядуща к себе, и глагола: се, Агнец Божий, вземляй грехи мира*. Евангелисты как бы разделили между собою времена. Матфей, вкратце обозрев время до заключения в темницу Иоанна Крестителя, поспешает к обстоятельствам последующим; а евангелист Иоанн не только не вкратце представляет то время, но на немто в особенности и останавливается. Матфей, после пришествия Иисуса из пустыни, умолчав о промежуточных обстоятельствах, как, например, о том, что проповедовал Иоанн, что говорили посланные (к нему) иудеи, и сократив все прочее, немедленно переходит к темнице. *Слышав Иисус*, говорит он, *яко Иоанн предан бысть, отъиде оттуда* (Мф. 4, 12). Но Иоанн сделал не так; а, умолчав об отшествии в пустыню, о котором сказал Матфей, он повествует об обстоятельствах после сошествия Иисуса с горы и, рассказав о многом, затем присовокупляет: *неубо бе всажден в темницу Иоанн* (3, 24). Но для чего, скажешь, Иисус теперь приходит к Иоанну, делает это не однажды, а и в другой раз? Матфей говорит, что Ему нужно было прийти для крещения. Указывая на это, и Сам Иисус присовокупляет: *тако*

бо подобает нам исполнити всяку правду (Мф. 3, 15). АИоанн показывает, что Он и в другой раз приходил, уже после крещения, и это замечает словами Крестителя: *видех Духа сходяща, яко голубя, и пребысть на Нем* (см.: 1, 32). Итак, для чего Он приходит к Иоанну? Ведь Он не просто пришел туда, а приходил именно к нему. *Виде Иоанн*, сказано, *Иисуса, грядуща к себе*. Так как Иоанн крестил Его вместе с другими многими, и многие могли предполагать, что Он приходил к Иоанну по той же причине, как и другие, то есть затем, чтобы исповедать согрешения и омыться в реке с покаянием, то Иисус и приходит снова, чтобы и самому Иоанну дать возможность исправить такое предположение. И действительно, Иоанн, сказав: *се, Агнец Божий, взявляй грехи мира*, совершенно уничтожил такое подозрение. Если Он так чист, что может даже разрешать чужие грехи, то ясно, что Он приходит не затем, чтобы исповедать Свои согрешения, а чтобы чудесному проповеднику дать случай – повторением прежде сказанного еще точнее внушить слушателям прежде о Нем сказанное и присовокупить к тому еще нечто другое. Частица: *се* употреблена потому, что многие уже давно, вследствие слов Иоанна, хотели видеть Его. Поэтому Иоанн и указывает Его, когда Он явился, и говорит: *се*, выражая этим, что Он есть Тот, Кого издавна ожидали. *Се, Агнец*. Агнцем называет Его, припоминая иудеям пророчество Исаии и преобразование из времен Моисея, чтобы чрез прообраз ближе привести их к истине. Но агнец ветхозаветный не принимал на себя никогда ничьих грехов, а этот принял грехи всего мира, избавил его от гнева Божия, когда ему угрожала гибель. *Сей есть, о Немже аз рех: по мне грядет Муж, Иже предо мною бысть* (ст. 30).

2. Видишь ли, как и здесь изъясняет евангелист выражение: *предо мною*? Называя Его Агнцем и сказав, что Он возьмет грехи мира, затем говорит: *предо мною бысть*, и таким образом показывает, что *предо мною* – означает принятие грехов мира, крещение Духом Святым. «Мое пришествие ничего более не имело целию, кроме проповедания общего вселенной Благодетеля и кроме сообщения крещения водою; а Его пришествие имеет целию – очищение всех людей и дарование благодатных сил Утешителя». *Предо мною бысть*, то есть явился славнее меня, *яко первее мене бе*. Да постыдятся же последователи безумия Павла Самосатского, противящиеся столь очевидной истине. *И аз не ведех Его* (ст. 31). Смотри, как он отклоняет всякое подозрение от своего свидетельства, показывая, что оно дано им не по пристрастию человеческому, а по откровению Божию. *Аз не ведех Его*, говорит Иоанн. Как же ты можешь быть достоверным свидетелем? Как ты станешь учить других, если сам не знаешь? Но он не сказал: *не вем Его*, а: *не ведех Его*, так что чрез это наиболее делается достоверным. Как он мог быть пристрастным к тому, которого не знал? *Но да явится Израилеви, сего ради приидох аз водою крестя* (ст. 31). Итак, Он Сам не имел нужды в крещении, и омовение то не другую какую-либо имело цель, а именно проложение другим пути к вере во Христа. Иоанн не сказал: я пришел крестить, чтобы очистить крещаемых или чтобы отпускать согрешения, но – *да явится Израилеви*. Что же, скажи мне, неужели без крещения нельзя было проповедовать и привлекать народ? Это было не так удобно. Если бы проповедь была без крещения, то не стали бы все так стекаться; не узнали бы превосходства одного крещения пред другим без сравнения их. Народ выходил к Иоанну не слушать только то, что он говорил, а для чего? Креститься с исповеданием своих грехов. Между тем, приходя креститься, узнавали и о Христе, и о различии крещения. А хотя крещение Иоанна было и важнее иудейского и потому все спешили к нему, однако ж и оно было не совершенно. Но как ты узнал Его? Чрез сошествие Духа, говорит Иоанн. А чтобы не подумал кто, будто Христос, как мы, имел нужду в Духе, послушай, как Иоанн уничтожает и это подозрение, показывая, что сошествие Духа произошло единственно для возвещения о Христе. Сказав: *и аз не ведех Его*, Иоанн присовокупляет: *но Пославый мя крестити водою, Той мнерече: над Негоже узриши Дут сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестяй Духом Святым* (ст. 33). Видишь ли, что целию сошествия Святого Духа было только указать Христа? Конечно,

свидетельство Иоанна было несомненно, но, желая сделать его еще более достоверным, он возводит его к Богу и Духу Святому. Как Иоанн свидетельствовал о предмете столь великом и дивном, который мог привести в изумление всех слушателей, – то есть что (Иисус) один возьмет на Себя грехи всего мира и что величие дара (Его) служит достаточным для того искуплением, – то и приготовляет к такой мысли. А приготовлением и служит учение, что Он – Сын Божий, что Он не имеет нужды в крещении и что Дух сошел для того только, чтобы указать Его. Сам же Иоанн не имел сил сообщать Духа. Это показывают сами крещенные им, когда говорят: *ниже аще Дух Святыи есть, слышахом* (Деян. 19, 2). Христос не нуждался в крещении, ни в этом, ни в каком-либо другом, а, лучше сказать, крещение имело нужду в силе Христовой. Ведь главнейшим из всех благ оставалось то, чтобы крещаемый удостаивался Духа. Потому Христос, когда пришел, приложил это дарование Духа. *И свидетельства Иоанн, глаголя, яко видех Духа сходяща, яко голубя, и пребывающа на Нем. И аз не ведех Его: но Пославый мя крестити водою, Той мне рече: над Негоже узриши Духа сходяща и пребывающа на Нем, Той есть крестяи Духом Святым. И аз видех и свидетельства, яко Сей есть Сын Божий* (см.: ст. 32–34). Иоанн часто употребляет слова: *не ведех Его*, – не без причины и не без цели, а потому, что был сродником Его по плоти. *Се, Елисавет, сказано, южика твоя, и та зачат сына* (Лк. 1, 36). Итак, чтобы не подать мысли, будто он имеет пристрастие ради родства, он часто говорит: *не ведех Его*. Да и в самом деле так было. Все время он жил в пустыне, вне отеческого дома. Но как же он удерживал Христа от крещения, говоря: *аз требую Тобою креститися* (Мф. 3, 14), если не знал Его до сошествия Духа и узнал тогда только в первый раз? Это было свидетельством, что он хорошо знал Его. Однако ж справедливо, что он узнал не прежде или незадолго до того времени. Чудеса, совершившиеся в детстве Иисуса, как то: происшествия с волхвами и прочие, случились гораздо прежде, когда и сам Иоанн был еще в младенчестве. А в продолжение столь долгого времени, конечно, Иисус не всем был известен. А если бы Он был известен, то Иоанн не сказал бы: *да явится Израилеви, сего ради приидох крестя*.

3. Отсюда явно для нас и то, что знамения, которые, как говорят, были совершены Христом в детстве, ложны и вымышлены какими-либо лживыми людьми. Если бы Он начал совершать чудеса от первого возраста, то Иоанн не мог бы не знать Его, да и народ не имел бы нужды в учителе, который указал бы Его. Между тем Иоанн сам о себе говорит, что пришел для того, *да явится Израилеви*, и также в другой раз говорил: *аз требую Тобою креститися*; впоследствии же, узнав Его ближе, он проповедовал о Нем народу, говоря: *Сей есть, о Немже аз рех: по мне грядет Муж, Иже предо мною бысть*; и: *Пославый мя крестити водою, послал для того, да явится Израилеви*, – таким образом Пославший открыл Иоанну Христа еще до сошествия Духа. Поэтому еще прежде пришествия Его Иоанн говорил: *по мне грядет, Иже предо мною бысть*. Итак, Иоанн не знал (Иисуса) прежде пришествия на Иордан и крещения всех, но узнал Его тогда, как Он восхотел креститься, и притом узнал по откровению при Крещении, по указанию Отца и Духа иудеям, для которых и было сошествие Духа. Чтобы не было пренебрежено свидетельство Иоанна, когда он говорил, что *первое мене бе*, что Он крестит Духом и что будет судить вселенную, для этого Отец подал глас, возвестив о Сыне, и Дух сошел, низводя этот глас на главу Христа. Так как один крестил, другой принимал Крещение, то, чтобы кто-либо из присутствующих не подумал, что слова Отца изречены об Иоанне, для этого нисходит Дух, устраняя такое предположение. Итак, когда Иоанн говорит: *не ведех Его*, то говорит о времени прошедшем, не близком к Крещению. Иначе как же он удерживал Иисуса, говоря: *аз требую Тобою креститися*? Как он говорил о Нем такие слова? Почему же иудеи не уверовали, скажешь ты, когда не один Иоанн видел Духа в виде голубя? Если они и видели, то для таких предметов потребны не одни телесные очи, но преимущественно очи ума, чтобы действительного предмета не признать за пустой призрак. Они видели и то, как Христос совершал чудеса и как, касаясь Своими

руками больных и умерших, возвращал им жизнь и здравие, однако ж до того были упоены ненавистию, что представляли себе противное тому, что видели. Как же могли они оставить свое неверие только по одному сошествию Духа? Некоторые же говорят, что и не все видели Его, а только Иоанн и другие некоторые, более благомыслящие. Хотя и чувственными очами можно было видеть Духа, нисходившего в виде голубя, – при всем том не было никакой необходимости, чтобы это явление было для всех очевидно. И Захария видел многое в чувственном образе, и Даниил и Иезекииль; но участником в видении они не имели никого. Видел многое и Моисей, чего никто другой не видел. Не все также ученики Христовы были удостоены видеть Преображение Его на горе, не все участвовали и в видении Воскресения, что ясно показывает Лука, когда говорит, что Воскресший явил себя *свидетелем, предначерченным от Бога* (Деян. 10, 41). *И аз видех и свидетельствовах, яко Сей есть Сын Божий*. Когда же он свидетельствовал, что есть Сын Божий? Он называл Его Агнцем, говорил и то, что Он будет крестить Духом, а что Он – Сын Божий, этого не говорил. Прочие евангелисты не пишут, что после Крещения Он говорил что-либо, а, умолчав о событиях этого времени, они говорят о чудесах Христовых, бывших уже после заключения Иоанна. Из этого можно догадываться, что и это, и еще многое другое они прошли молчанием, что и показал этот самый евангелист в конце своего Писания. Они столько были далеки от намерения – выдумать что-либо великое о Нем, что все единогласно, со всею точностию изложили обстоятельства по видимому неблагоприятные для Него, – и ты не найдешь, чтобы кто-либо из них умолчал о чем-нибудь подобном. Что же касается до чудес, то иные чудеса один из них предоставлял другому описывать, а о некоторых умолчали все. Это говорю я не без цели, но имея в виду бесстыдство язычников; это служит достаточным доказательством правдивости евангелистов и того, что они ничего не говорили по пристрастию. Этим доказательством, вместе с другими, вы можете ратовать против язычников. Но послушайте, – нелепо будет, если врач со всем усердием ратовать будет за свое искусство, также и сапожник, и ткач, и все другие ремесленники за свое ремесло, а тот, кто исповедует себя христианином, не в состоянии будет слова сказать в защиту своей веры. Небрежение о тех искусствах приносит ущерб в имуществах, а нерадение о вере губит у нас самую душу. И мы находимся в таком жалком состоянии, что на те дела употребляем все свое старание, а самое необходимое, то, от чего зависит наше спасение, пренебрегаем, как ничего не стоящее.

4. Это не располагает и язычников к осуждению своих собственных заблуждений. Если они, упорные во лжи, все делают так, чтобы прикрывать срам своих лжеучений, а мы, служители истины, не можем ради ее и уст раскрыть, то как же им не осуждать нас в слабости нашего исповедания, как не подозревать в нас обмана и заблуждения, как не хулить Христа, будто лицемера и обманщика, который для обмана воспользовался неразумием простых людей? А в такой хуле виновны мы, как скоро не хотим потрудиться в изучении своей веры, но, считая это дело лишним, заботимся только о земном. Какой-нибудь любитель плясуна, или бегуна, или бойца со зверьми всячески старается о том, чтобы не уступить, состязаясь о них, расточает им похвалы, защищает против порицателей их и тысячью ругательств поражает противников. Но, когда предстоит речь в защиту христианства, все потупляют глаза в землю, почесываются, зевают и, осмеянные, отступают. Какого негодования заслуживает это, когда у вас Христос представляется ниже плясуна, когда вы собираете тысячи доводов в защиту того, что делают для плясуна, несмотря на то что они люди самые презренные, а в защиту Христовых чудес, привлечших всю вселенную, не хотите даже ничего подумать или сколько-нибудь позаботиться? Мы веруем в Отца и Сына и Святого Духа, в воскресение тел, в жизнь вечную. Теперь, если кто-нибудь из язычников спросит: кто этот Отец, кто Сын, кто Дух Святой? или: как-де вы сами, признавая трех богов, обвиняете нас в многобожии? – что вы скажете, что будете отвечать? Как отразите такое возражение? А что если вы будете молчать, а вам предложат другой вопрос: какое это воскресение? в этом ли теле мы снова

восстанем или в другом? Если в этом, то зачем же оно должно разрушиться? Что вы на это скажете? А если еще спросят: для чего Христос пришел ныне, а не прежде? Или Он ныне только восхотел промыслить о людях, а во все прочее время не имел попечения о нас? Если станут допытываться, кроме этого, и еще о многом другом? Но нам нет нужды предлагать дальнейшие вопросы и оставлять их не решенными, чтобы не повредить чрез то более простым людям. А сказанного нами достаточно, чтобы отогнать от вас сон. В самом деле, что если вас станут испытывать в этих предметах, а вы не в состоянии будете даже выслушивать таких речей? Малому ли, скажи мне, наказанию мы подвергнемся, делаясь причиною таких заблуждений для людей, сидящих во тьме? Я хотел бы, если у вас довольно досуга, показать всем вам написанную против нас одним безбожным языческим философом книгу, и еще другим, старее его, чтобы возбудить вас и отвлечь от такой недеятельности. Если они так неусыпны в своих нареканиях на нас, то можем ли мы заслуживать какое-нибудь прощение, когда не будем уметь отражать их нападения? Для чего же мы и приведены (в Церковь)? Не слышишь ли, что говорит Апостол: *готовы* будете *присно* ко *ответу* всякому *вопрошающему* вы *словесе* о *вашем* *уповании* (1 Пет 3, 15)? И Павел тоже внушает, говоря: *слово* *Христово* *да* *вселяется* *в* *вас* *богато* (Кол. 3, 16). Что скажут на это люди, которые бессмысленнее трутней? «Благословенна всякая душа простая»; также: *иже* *ходит* *просто*, *ходит* *надеяся* (Притч. 10, 9). Но все зло – оттого, что многие не умеют даже кстати приводить свидетельства Писания. Премудрый в этом месте говорит не о глупом человеке, не о том, который ничего не знает, но о человеке незлобивом, нелукавом, благоразумном. А если бы было иначе, то напрасно было бы сказано: *будьте* *мудры* *яко* *змея*, *и* *цели* *яко* *голубие* (Мф. 10, 16). Но для чего нам распространяться об этом, когда это слово ни к чему не ведет? Кроме того, что теперь сказано, мы не делаем и ничего другого, что относится к жизни и деятельности, но во всех отношениях мы – люди жалкие и достойные осмеяния. Обвинять друг друга мы всегда готовы, а исправлять то, в чем сами виновны и подлежим обличению, на это мы всегда медленны. Итак, умоляю вас – не ограничиваться только взаимным обвинением. Этого недостаточно для умилоствления Бога. Но постараемся показать во всем перемену на лучшее, чтобы пожить во славу Божию, насладиться и самим будущею славой, которой и да сможем достигнуть все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XVIII

Во утрий же паки стояше Иоанн, и от ученик его два. И узрев Иисуса грядуща, глагола; се, Агнец Божий. И слышаста его оба ученика глаголющаго, и по Иисусе идоста (1, 35–37)

Изъяснение 1, 35–37. Почему святой Иоанн Креститель часто повторял одно и то же? – Некоторые оглашенные отлагали принятие крещения до последнего момента. – Пророки и апостолы проповедовали Иисуса Христа отсутствующего, а святой Иоанн Креститель проповедовал Христа присутствующего. – Следует предпочитать учение Иисуса Христа всякому другому. – Чем больше дают пищи телу, тем более его расслабляют; чем более дают пищи душе, тем более ее укрепляют. – Отвращение к мясу есть признак болезни тела; отвращение к Слову Божию есть признак болезни души. – Какова ее пища? – Против театра и зрелищ.

1. Беспечна природа человеческая и легко увлекается к погибели не от того, что она так создана, а от произвольного нерадения. Поэтому-то надобно много увещевать ее. И Павел, пища филиппийцам, по этому побуждению говорит: таяжде писати мне неленостно, вам же твердо (см.: Флп. 3, 1). Земля, приняв однажды семена, скоро воздаст плоды и не требует вторичного сеяния; но душа наша не такова. Желательно, по крайней мере, чтобы сеющий часто и прилагающий к тому много попечения хотя однажды получил плод. И прежде всего, предлагаемое учение не легко напечатлевается в душе, потому что в ней много окаменелости, она объята бесчисленным тернием, а кроме того, много наветников, которые похищают эти семена. Затем, когда семя внедрится и укоренится, оно требует опять такой же заботы, чтобы могло взойти в рост, а взошедши, оставалось бы в целости и не потерпело от чего-либо вреда. Впрочем, в земных семенах, когда колос достигнет зрелости и получит надлежащую силу, он уже не боится ни зловредной росы, ни зноя и ничего другого; но в деле учения не так. Здесь и после того, как все вполне бывает устроено, часто одна непогода и буря повреждает все, при обстоятельствах неблагоприятных, при наветах коварных людей или при стечении других различных искушений. Это мы говорим не без цели, а для того, чтобы ты, услыша повторение Иоанном одних и тех же слов, не обвинил его в суесловии и не счел его человеком пустым и скучным. Он, конечно, желал, чтобы и однажды сказанное им было услышано, но как вначале немногие вняли сказанному, по причине глубокого усыпления, то вот повторением одного и того же он снова пробуждает их. Смотри, он говорил: *иже по мне Грядый предо мною бысть; и: несъм достоин, да отрешу ремень сапогу Его; также: Той вы крестит Духом Святым и огнем; и: Дух виде сходящ, яко голубь, и пребывающа на Нем... и свидетелствова, яко Сей есть Сын Божий* (см.: ст. 27–34). Но между тем никто не внимал ему, никто не спрашивал: что это ты говоришь, и о ком, и для чего? Потом он сказал еще: *се, Агнец Божий, вземляй грехи мира*, – однако ж и этим не вывел их из бесчувственности. Таким образом, он принужден был повторять одно и то же, как бы грубую и затверделую землю смягчая новою запашкой и словом, точно плугом, поднимая подавленную душу, чтобы бросить семена в глубину ее. Потому-то Креститель и не распространяет своего слова, заботясь только об одном – чтобы их привести и присоединить ко Христу. Он знал, что если только они примут Его и уверуют, то уже не будут иметь нужды в другом свидетеле о Нем. Так и случилось. Если самаряне, послушав Христа, говорят *жене самарянской: не ктому за твою беседу веруем: сами бо вемы, яко Сей есть воистину Спас миру, Христос* (см.: Ин. 4, 42),

то гораздо скорее могли быть обращены ко Христу ученики (Иоанна), как действительно и было. Они, пришедши (ко Христу) и послушав Его один вечер, уже не возвращались к Иоанну, но так предалися Христу, что приняли на себя и служение Иоанна, и сами стали проповедовать о Христе. *Обрете сей брата своего Симона и глагола ему: обретохом Мессию, казаемаго Христос* (Ин. 1, 41). Обрати внимание и на следующее: когда Иоанн говорил: *по мне Грядый предо мною бысть, и: несъм достоин отрешити ремень сапогу Его*, то не уловил никого; как же скоро стал беседовать об устройении нашего спасения и беседовать словом более простым, то ученики его последовали за Христом. Но не это одно надлежит взять во внимание, а и то, что не столь многие приводятся (ко Христу) тогда, когда говорят им о Боге что-нибудь великое и возвышенное, как тогда, когда говорят о благодати, человеколюбии Его и о том, что относится ко спасению слушающих. Вот услышали, что Он возьмет грехи мира, и тотчас поспешили к Нему. Если можно, говорят они, омыть свои грехи, для чего же медлить? Вот предстоит Тот, Кто освободит нас от них без труда. Не крайне ли безрассудно отлагать до другого времени такой дар? Да слышат это оглашенные, отлагающие свое спасение до последнего издыхания. *Паки стояше Иоанн и глагола: се, Агнец Божий*. Христос ничего не говорит, а все Креститель. Так бывает с женихом. Не сам он тотчас начинает говорить с невестою, но стоит в молчании, и другие указывают его и вручают ему невесту; и, когда она является, он не сам по себе принимает ее и уводит, но другой ему передает ее. Когда же примет из рук других, то уже так располагает ее к себе, что она не вспоминает и сочетавших ее с ним. Так было и со Христом. Пришел Он обручить Себе Церковь, – и вначале ничего не говорил Сам, а только предстоял; друг же Его Иоанн подал Ему десницу этой невесты, вручив Ему чрез свое слово души людей. Но, приняв их, Христос так расположил их к Себе, что они уже не возвращались к тому, кто вручил их.

2. Не это только, но и другое нечто надлежит здесь заметить. Как при заключении браков не девица приходит к жениху, а он спешит к ней, хотя бы это был сын царя и хотя бы он хотел взять за себя из бедного и низшего сословия, хотя бы рабу, – так было и здесь. Не естество человеческое восходило на Небо; но Сам (Бог) снизошел к нему – презренному и убогому. По совершении же брака Он уже не дозволил ему оставаться здесь, но, восприняв его на Себя, ввел в дом Отчий. Но для чего Иоанн не отдельно берет своих учеников и не особо говорит с ними о Христе, чтобы таким образом передать их Христу, а в присутствии всего народа говорит им: *се, Агнец Божий?* Для того, чтобы это не казалось делом его умысла. Если бы они пошли ко Христу, будучи особо убеждены Иоанном и как бы из угождения ему самому, то они так же скоро могли бы и отступить от Христа; но теперь, решившись последовать Христу по силе учения, обращенного ко всем вообще, ученики Иоанна пребыли твердыми в этом, так как последовали не из угождения учителю, а по собственному усердию и ради своей пользы. Все пророки и апостолы проповедовали Христа в Его отсутствии: одни – до Его пришествия во плоти, другие – по Его вознесении; один Иоанн проповедовал о Нем в Его присутствии. Потому он и называется другом жениха, – так как он один присутствовал на браке; он все это устроил и совершил; он положил начало этому делу. *И узрев Иисуса грядуща, глагола: се, Агнец Божий*. Он говорил это, показывая, что не голосом только, но и очами свидетельствует. Он удивлялся Христу, в радости и восторге; и не тотчас обращает слово убеждения к ученикам, но сперва только удивляется и предаётся изумлению, при явлении Христа; показывает всем и дар, с которым Он пришел, и образ искупления. Слово: *Агнец* выражает то и другое. И не сказал Иоанн: *имеющий взять*, или: *взявший*, но: *вземлющий* грехи мира, как бы Христос всегда это делал. В самом деле, Он не тогда только принял на себя грех, когда пострадал, но с того времени и доселе возьмет грехи, не так, как бы всегда был распинаем (Он однажды принес жертву за грехи), а так, как этою одною жертвою Он всегда очищает грехи. Таким образом, как наименование Его *Словом* показывает превосходство Его естества, а имя *Сына* выражает отличие Его от дру-

гих существ, так и слова: *Агнец, Христос, Пророк, Свет истинный, Пастырь добрый* и другие, употребляемые о Нем, выражения с прибавлением члена (ó) показывают большое различие их от обыкновенных выражений. Много было агнцев, пророков, христов²⁵, сынов; но Иоанн представляет большое различие между Ним и всеми теми. И это он утвердил не прибавлением только члена, но и приложением слова: *Едиnorodный*, – так как Христос не имеет ничего общего с тварию. Если же кому кажется неблагоприятным то, что слова эти сказаны были в десятом часу (таково было время дня: *бе же час*, сказано, *яко десятый* – ст. 39), то, по моему мнению, такой очень погрешает. Для многих людей, раболепствующих плоти, конечно, время после насыщения не совсем удобно к делам важным, потому что душа отягощена пищею. Но то был муж, не употреблявший даже обыкновенной пищи, который и вечер проводил с такою же трезвенностью, с какою мы – утро, или, лучше сказать, гораздо большею (потому что у нас нередко остатки вечерней пищи наполняют грезами душу, а он ничем таким не обременял этого судна); поэтому и неудивительно, что Иоанн и в вечернее время беседовал о таких предметах. Притом же он и жил в пустыне близ Иордана, куда все с большим страхом приходили для крещения, мало заботясь в то время о делах житейских, как и со Христом народ пробыл три дня, оставаясь без пищи. Долг усердного проповедника, как и заботливого земледельца, – не оставлять своего дела, пока не увидит, что всаженное слово укоренилось. Но почему Иоанн не прошел всей Иудеи с проповедью о Христе, а оставался при реке, ожидая Его пришествия, чтобы потом, когда Он придет, указать Его народу? Иоанн хотел, чтобы самые дела свидетельствовали о Христе, а особенная цель Иоанна была та, чтобы только огласить Его пришествие и убедить хотя некоторых – послушать Живота вечного. Большее же свидетельство Иоанн оставляет Самому Христу, именно свидетельство дел, как и Сам Христос говорит: *Аз не от человека приемлю свидетельства; дела, яже даде Мне Отец, та свидетельствуют о Мне* (см.: Ин. 5, 34, 36). Смотри же, как такое свидетельство было сильно. Иоанн бросил только малую искру-и вдруг пламя поднялось в высоту. Те, которые дотеле даже не внимали словам Иоанна, наконец говорят: *вся, елика рече Иоанн, истинна суть* (см.: 10, 41).

3. В противном случае, если бы то есть Иоанн проповедовал, обходя всю Иудею, могло бы казаться, что это делается по видам человеческим, и проповедь была бы подозрительною. *И слышаста его оба ученика, и по Иисусе идоста* (см.: 1, 37). Были у Иоанна и другие ученики; но они не только не последовали за Христом, а еще и с завистью смотрели на Него. *Равви*, говорили они Иоанну, *Иже бе с тобою обонпол Иордана, Ему же ты свидетельствовал еси, се, Сей крещает, и еси грядут к Нему* (Ин. 3, 26); и в другой раз они являются с обвинением: *почто мы постимся, ученицыже Твои не постятся?* (см.: Мф. 9, 14). Получшие из них так не делали, а как скоро услышали о Христе, последовали за Ним. Да и последовали они не из презрения к своему учителю, но наиболее из послушания ему, и представили величайшее доказательство того, что они так поступили по здравому убеждению. Они сделали это, не будучи побуждаемы к тому, что было бы подозрительно, а последовали за Христом потому только, что Иоанн предрекал о Нем, что Он будет крестить Духом Святым. Итак, они не оставили своего учителя, но захотели узнать, дарует ли Христос что-либо больше, чем Иоанн. И заметь, как их заботливость соединялась с скромностью. Не вдруг они пришли и стали вопрошать Иисуса о предметах важных и необходимых; и не открыто в присутствии всех, и не мимоходом и как случилось они хотели беседовать с Ним, но – наедине. Они знали, что слова их учителя выражали не одно смирение, а чистую истину. *Бе же*, сказано, *Андрей брат Симона Петра, един от обоих слышавших от Иоанна, и по Нем шедших* (см.: ст. 40). Почему евангелист не означил имени и другого ученика? Некоторые объясняют тем, что этот ученик, последовавший за Христом, был тот же, который и написал

²⁵ *Χριστοί* – в общем значении: помазанные, каковы были первосвященники, цари и прочие.

об этом; другие же думают не так, а что он не был из числа избранных учеников, евангелист же говорил только о лицах, более замечательных. Но что пользы узнавать имя этого ученика, когда не сказаны имена и семидесяти двух учеников? То же можно видеть и у Павла. *Посланием с ним*, говорит он, *и брата нашего во многих многаци тцалива суца, егоже похвала во евангелии* (см.: 2 Кор. 8, 18). А об Андрее упомянуто еще и по другой причине. Какая же это причина? Та, чтобы ты, зная, как Симон с Андреем, лишь услышали: *грядита по Мне, и сотворю вы ловца человеком* (Мф. 4, 19), не усомнились об этом необычном обетовании, – чтобы, говорю, ты знал и то, что начатки веры еще прежде Симона положены братом его. *Обращен же Иисус и виде я по себе идуца, глагола има: чесо ищета?* (Ин. 1, 38). Отсюда мы научаемся, что Бог Своими дарами не предваряет наших желаний, но, когда мы начнем, когда обнаружим желание, тогда и Он подает нам многие способы к спасению. *Чесо ищета?* Что это значит? Ему ли, ведущему сердца людей, проникающему в наши помышления, – спрашивать? Но Он спрашивает не для того, чтобы узнать (как это возможно?), а чтобы вопросом еще более приблизить их к Себе, сообщить им более дерзновения и показать, что они достойны беседовать с Ним. Они, вероятно, стыдились и страшились, как люди, незнакомые с Ним и только от своего учителя слышавшие свидетельство о Нем. Чтобы уничтожить в них все это – стыд, страх, Он Сам спрашивает их и не оставляет их в молчании идти до Его жилища. Впрочем, может быть, то же было бы, если бы Он и не предложил вопроса, потому что они не перестали бы идти за Ним и по Его следам пришли бы к Его жилищу. Для чего же Он спрашивает их? Для того, как я сказал, чтобы успокоить их смущенное и беспокойное сердце и внушить им дерзновение. Между тем они выразили свою преданность Христу не в последовании только за Ним, а и в самом вопросе. Не будучи еще учениками Его и ничего не слыша от Него, они уже называют Его учителем, причисляют себя к Его ученикам и показывают причину, по которой они последовали за Ним, именно – что желали услышать от Него что-либо полезное. Заметь же и благоразумие их. Они не говорили: научи нас догматам или чему-либо другому нужному, а – что? *Где живеш?* Они, как я выше сказал, хотели в уединении беседовать с Ним о чем-либо, послушать Его, научиться от Него; поэтому они и не отлагают своего намерения, не говорят: придем на другой день и послушаем Тебя, когда Ты будешь говорить в собрании народа, но показывают все свое усердие к слушанию, так что не удерживаются от того и самим временем. Солнце уже склонялось к западу: *бе же час, яко десятый*, сказано. Поэтому и Христос не сказывает им примет своего жилища, не назначает места для беседы, а только более и более привлекает их к следованию за Ним, показывая, что принимает их к Себе. Поэтому также Он не сказал и ничего вроде того: теперь не время вам идти в мое жилище, завтра, если хотите услышать что-нибудь, а теперь ступайте домой; но беседует с ними как с друзьями и людьми, уже долгое время бывшими с Ним. Отчего же Он в другом месте говорит: *Сын Человеческий не имеет где главу подклонити* (Лк. 9, 58), а здесь: *приидите и видите, где живу* (см.: ст. 39)? Но слова: *не имеет, где главу подклонити*, показывают, что Он не имел собственного пристанища, а не то чтобы Он не жил ни в каком доме. На это и указывает приточное выражение. Далее евангелист говорит, что они пробыли у Него тот день, а для чего – об этом он не замечает, потому что цель сама по себе ясна. Не для чего другого и они последовали за Христом и Христос их привлекал к Себе, как для назидания; и они в одну ночь насладились Его учением в таком обилии и с такою охотою, что немедленно оба пошли привлекать и других ко Христу.

4. Отсюда научимся и мы предпочитать всему слушание божественного учения, и никакого времени не будем считать для того неудобным; но хотя бы нужно было войти в чужой дом, хотя бы тебе, незнакомому, надлежало знакомиться с знатными людьми, хотя бы и несвоевременно или в какое бы то ни было время – никогда не будем упускать такого приобретения. Пища, вечера, бани и прочие житейские дела пусть имеют определенное для себя время, изучение же горнего любомудрия не должно иметь никаких определенных часов: ему

должно принадлежать всякое время. *Благовремение*, сказано, и *безвременне обличи, запрети, умоли* (2 Тим. 4, 2). И Пророк говорит: *в законе Его поучится день и ночь* (Пс. 1, 2). И Моисей повелевал иудеям делать то во всякое время. Дела житейские, – разумею бани, вечера, – если и нужны, то, бывая часто, расслабляют тело; но назидание души, чем более умножается, тем более крепкою делает душу, принимающую его. Ныне все время мы проводим в пустом и вздорном суесловии, сходимся для того и на рассвете, и поутру, и в полдень, и в вечер, даже назначаем для этого особые места; а божественные догматы слушая однажды или дважды в седмицу, мы тяготимся и устаем. Отчего? Оттого, что худо располагаем свою душу: мы вовсе уничтожаем в ней охоту и ревность к таким предметам. Поэтому в нас нет и стремления к духовной пище. Кроме других признаков болезни, сильно доказывает ее и то, когда не хочется ни есть, ни пить, а к тому и другому чувствуем отвращение. Если же это, когда случается в теле, служит признаком тяжкого недуга и производит ослабление, то тем более когда случается в душе. Как же нам укрепить ее, падшую, изнемогшую? Какими делами, какими словами? Обратимся к словам божественным, пророческим, апостольским и всем другим. Тогда мы узнаем, что гораздо лучше питаться этими словами, чем нечистыми снедами, – так надобно назвать безвременные сходбища и разглагольствия. Что лучше, скажи мне: о делах ли народных, судебных, военных беседовать – или о предметах небесных и о том, что имеет быть по отшествии нашем отсюда? Что лучше: говорить ли о соседе и его делах и вообще заниматься чужими делами – или беседовать об Ангелах и предметах, касающихся нашей собственной пользы? Дела соседа тебя вовсе не касаются; а предметы небесные относятся и к тебе. Да об этом, говорят, можно за один раз все высказать. Но почему же вы не думаете так о том, о чем ведете пустые и напрасные беседы между собою, но, употребляя на это всю жизнь, никогда не истощаете предметов для таких бесед? Я еще не говорю о том, что гораздо хуже этого. О тех предметах говорят между собою люди еще скромные, а более праздные и беспечные в своих разговорах кружатся около шутов, плясунов, бегунов, оскверняя свой слух, растлевая душу в таких разговорах, упоая сладострастием свое естество и внося в свое воображение такую беседу всякие порочные образы. Как только язык выговорил имя плясуна, душа тотчас представляет себе его лицо, волосы, тонкую одежду и его самого, который изнеженнее всего этого. Другой еще иначе возбуждает в душе пламень, вводя в разговор блудную женщину, ее слова, одежду, распутные глаза, сладострастные взгляды, плетения волос, натирание лица, подкрашивание ресниц. Да не чувствуете ли вы чего-нибудь страшного уже при моем рассказе об этом? Но не стыдитесь и не краснейте: это уже неизбежное, естественное дело, что сила рассказа имеет такое влияние на душу. Если же только при моем рассказе, ежели, стоя в церкви и вдали от таких предметов, вы уже чувствуете нечто от одного слушания, то подумай, что должно происходить с теми, которые сидят на самом зрелище, с полною свободою, вне этого почтенного и важного собрания, и с большим бесстыдством смотрят и слушают, что там делается. Да за что же, скажет кто-либо из невнимательных, за что ты нас обвиняешь, упуская из виду, что это дело естественное и уже необходимо, как ты говоришь, имеет такое влияние на душу? Но что слушающий это изнеживается, – вот дело естественное; а слушать это – не природы дело, а воли грех. Что приближающийся к огню должен потерпеть вред, это необходимо и это есть следствие немощи естества, но не самое же естество влечет нас к огню и вреду, от него происходящему: это зависит единственно от извращенной воли. Вот и я хочу, чтобы этого не было, чтобы это было исправлено, чтобы вам ни произвольно не пасть в пропасть, ни низвергнуться в пучину зла, ни против воли не набежать на огонь, и таким образом не сделать себя повинными пламени, уготованному для дьявола. Итак, да сподобимся все мы, освободившись от него, перейти в недра Авраама, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

Беседа XIX

Обрете сей прежде брата своего Симона и глагола ему: обретохом Мессию, еже есть сказано Христос. И приведе его ко Иисусови (1, 41–42)

Изъяснение 1, 41–42. Блага единения людей. – Андрей, найдя Мессию, немедленно приглашает своего брата принять участие в обретенном счастье. – Пророчество доказывает божественное всемогущество не менее, чем и чудо. – Древние имели много названий, христиане – одно только имя – христианин. – Почетность и слава этого имени. – Мы носим имя Иисуса Христа и столь же близки к нему, как тело к голове. – Как делать надлежащее употребление из богатства? – Раздавать свое имение бедным значит обогащать себя.

1. Бог, вначале создав человека, не оставил его одного, но дал ему в помощь жену и повелел им жить вместе, так как знал, что от этого сожительства может произойти много пользы. Что же, если жена воспользовалась этим благодеянием не так, как следовало? Если кто вникнет в сущность этого дела, то увидит, что от сожительства бывает много пользы для людей благоразумных. Впрочем, не только от сожительства мужа с женой, но если и братья живут вместе, то и они получают отсюда пользу. Потому и Пророк говорил: *что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1). И Павел увещевал не оставлять взаимного общения. Этим-то мы и отличаемся от зверей. Мы строим и города, и торжища, и дома для того, чтобы быть вместе друг с другом не в жилище только, но и в союзе любви. Наша природа создана Творцом так, что имеет разные нужды, а сама для себя недостаточна; поэтому Бог и устроил так, чтобы нужды, происходящие отсюда, исправляемы были пользою, истекающею из общежития. Потому установлен и брак так, что, чего недостает у одного, то восполняет другой, и таким образом удовлетворяются потребности природы, и хотя она создана смертною, сохраняет, однако ж, на долгое время бессмертие по преемству. Мог бы я остановиться далее на этом предмете и показать, сколько пользы для людей происходит от взаимной, близкой и искренней связи между собою. Но нам предстоит теперь другое нечто, для чего, собственно, и заговорил я об этом. Андрей, пробыв у Иисуса и научившись от Него, сколько успел, не удерживает у себя этого сокровища, но поспешает, тотчас бежит к брату, чтобы поделить с ним приобретенные блага. Но для чего Иоанн не сказал, о чем беседовал с ним Христос? И откуда видно, что они именно для того и были у Него? Это уже и прежде показали мы; но это можно узнать и из нынешнего чтения. Заметь, что Андрей говорит своему брату. *Обретохом Мессию, еже есть сказано Христос*. Видишь ли, – он здесь показывает, сколько узнал в краткое время? Он выражает этим и силу Учителя, убедившего их в том, и собственную свою ревность, с какою они издавна с самого начала заботились о том. Самое выражение: *обретохом* показывает душу, томившуюся желанием видеть Христа, ожидавшую сошествия Его свыше, и исполненную радости, когда предмет ее ожиданий явился, и, наконец, поспешившую радостную весть об этом сообщить другим. В делах духовных подавать друг другу руку – признак братской любви, родственной дружбы, искреннего благорасположения. Обрати внимание и на то, что и он говорит о Мессии с при-

бавлением члена. Не сказал просто: *Мессию*, но: Мессию *ожидаемого*²⁶. Таким образом, они ожидали одного Христа, не имеющего ничего общего с другими²⁷. Смотри же, и как Петр с самого начала обнаруживает в себе душу благопокорливую и благопослушную. Он тотчас спешит к Иисусу, нимало не медля. *Приведе* его, сказано, *к Иисусу*. Но никто не обвиняй его в легкомыслии, если он принял слова брата без дальних исследований. Вероятно, и брат говорил ему об этом много и обстоятельно, но евангелисты обыкновенно многое представляют вкратце, заботясь о краткости. Притом и не сказано, что Петр просто поверил, а только – что Андрей *привел его к Иисусу*, желая представить Ему брата, чтобы тот все узнал от Него Самого. Притом с ними был еще и другой ученик и содействовал тому. Если же сам Иоанн Креститель, сказав о Христе, что это – Агнец и что Он крещает Духом, яснейшее учение о Нем предоставил своим ученикам узнать от Него Самого, тем более должен был сделать это Андрей, чувствуя себя не в состоянии объяснить все. Поэтому он и повлек своего брата к Самому Источнику света, с таким тщанием и радостью, что тот нисколько не колебался и не медлил. *И возрев нань, Иисус рече: ты еси Симон, сын Ионин; ты наречешися Кифа, еже скажется Петр* (см.: ст. 42). Здесь (Христос) уже начинает обнаруживать Свое Божество и мало-помалу открывает его в Своих изречениях. Так Он это сделал в беседах с Нафанаилом и с женою самарянкою.

2. Пророчества не менее чудес убеждают, и притом не заключают в себе тщеславия. Чудеса еще подвергались превратным толкам, по крайней мере от людей неразумных: *о веельзевуле*, говорили они, *изгонит бесы* (см.: Мф. 12, 24); но о пророчествах ничего подобного не было никогда говорено. Таким образом, для Симона и Нафанаила Христос употребил этот способ научения, а с Андреем и Филиппом Он не так поступил. Почему же? Потому, что они уже в свидетельстве Иоанна получили немалую подготовку; а Филипп, кроме того, увидев предстоящих Христу, принял это за прямое доказательство для веры в Него. *Ты еси Симон, сын Ионин; ты наречешися Кифа, еже скажется Петр*. От настоящего достоверным делается и будущее. Назвавший отца Петрова, конечно, провидел и будущее. Предречение соединено здесь и с похвалою; но это не было лестью, а предсказанием будущего, что видно из следующего. Припомни, с каким сильным обличением Он в беседе с самарянкою дает видеть ей свое прозрение. *Пять мужей*, говорит Он, *имела еси, и ныне, егоже имаши, несть ти муж* (Ин. 4, 18). Так и Отец Его, восставая против почитания идолов, много говорит о пророчествовании. *Да возвестят вам, что имать на вас прийти*. И в другом месте: *возвестил и спасох, и не бе в вас чуждь* (см.: Ис. 47, 13; 43, 12). И это ставит на вид во всем пророчестве. Пророчество есть по преимуществу дело Божие, которому демоны даже подражать не могут, сколько бы ни усиливались. В чудесах еще может быть и некоторое обольщение; но предсказывать будущее с точностию свойственно только одному вечному существу. Если же когда-либо и демоны это делали, то только для обольщения неразумных; потому и провещание их всегда легко изобличить во лжи. Между тем Петр ничего не отвечает на слова Христовы, – потому что еще ничего ясно не понимал, а только поучался. Притом же и самое предсказание было еще не вполне изречено. Христос не сказал: *Я тебя переименую Петром*, и на этом камне (*петра*) созижду Церковь Мою, а сказал только: *ты наречешися Кифа*. То переименование означало бы высшее достоинство и большую власть. Но Христос не вдруг и не с самого начала выказал всю Свою власть, а до времени более смиренно беседовал. Когда же Он дал полное доказательство Своего Божества, то уже с большею властью говорит то же: *блажен еси, Симоне, яко Отец Мой яви тебе*. И в другом месте: *тебе глаголю: ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою* (см.: Мф. 16, 17, 18). Так Христос наименовал Симона, а Иакова и брата его – сынами грома. Для чего же Он это делает? Он этим показы-

²⁶ В греческом тексте: *τὸν Μεσσίαν*.

²⁷ То есть с теми лицами, которые в Священном Писании называются помазанниками в общем значении этого слова.

вает, что Он Тот Самый, Кто и Ветхий Завет дал и тогда имена переменял, назвав Аврама Авраамом, Сару Саррою, Иакова Израилем, а многим еще от рождения их дал имена, как то: Исааку, Сампсону и лицам, о которых упоминают Исайя и Осия; некоторым же переменял имена, данные от родителей, как то: лицам, выше упомянутым, и Иисусу Навину. У древних также было в обычае давать имена по обстоятельствам, как и Илия сделал. И это было не без цели, а для того, чтобы самое наименование людей было для них напоминанием благодеяний Божиих, чтобы, чрез выражение пророчества в именах, оно тем лучше сохранялось в уме слушающих. Так и Иоанну дано имя прежде его рождения. Так люди, которые имели просиять добродетелию с первого возраста, получали имена и прежде рождения; а тем, которые прославлялись впоследствии, и прозвание после прилагалось.

3. Но тогда каждый получал особое имя; а ныне все мы имеем одно имя, которое важнее всех тех, – имя христиан, сынов и друзей Божиих, Тела (Христовя). Такое наименование больше всех тех может возбуждать в нас усиленную ревность к преспеянию в добродетели. Не будем же делать ничего недостойного этого почетного наименования, помышляя о высоте достоинства, по которому мы называемся Христовыми. Так назвал нас Павел. Будем держать это в мысли, будем уважать это великое имя. Если некоторые, нося имя какого-либо знаменитого полководца или другого какого-либо славного человека, высоко думают о себе, слыша, что их называют именем такого-то или такого-то, считают это имя великим для себя достоинством и всячески стараются о том, чтобы своим нерадением не обесславить того, с кем они тезоимениты, то мы, называющиеся по имени не полководца, не какого-либо начальника земного, не Ангела, не Архангела, не Серафима, а Самого Царя их, не должны ли полагать и самую душу, только бы не оскорбить Удостоившего нас такой почести? Разве вам не известно, какую почестью пользуются отряды царских щитоносцев и копьеносцев, окружающих царя? Так и мы, удостоенные быть близ Самого Царя и даже гораздо ближе к Нему, чем упомянутые нами – к своему царю, ближе настолько, насколько близко тело к голове, во всем должны поступать не иначе, как подражая Христу. А что говорит Христос? *Лиси язвыны имут, и птицы небесныя гнезда: Сын же Человеческий не имать где главу подклонити* (Лк. 9, 58). Если бы мы стали этого требовать от вас, то это, может быть, многим показалось бы делом трудным и тягостным. Итак, ради вашей немощи, я оставляю эту строгость; а требую только, чтобы вы не имели пристрастия к богатству, – и как, ради немощи многих, я не требую от вас такой высокой добродетели, так убеждаю вас и тем более удаляться пороков. Я не осуждаю тех, которые имеют дома, поля, деньги, слуг; а только хочу, чтобы они владели всем этим осмотрительно и надлежащим образом. Каким надлежащим образом? Как следует господам, а не рабам, то есть владеть богатством, а не так, чтобы оно обладало вами, употреблять его, а не злоупотреблять. Деньги для того и существуют, чтобы мы употребляли их на необходимые потребности, а не берегли их: это свойственно рабу, а то – господину. Стеречь – дело раба, а издерживать – дело господина, имеющего на то полную власть. Ты не для того получаешь деньги, чтобы закапывать их в землю, а чтобы раздавать их. Если бы Бог хотел, чтоб они были сбережены, то не давал бы их людям, а оставил бы их навсегда лежать в земле. Но как Он хочет, чтобы они были издерживаемы, то и дозволил нам иметь их-для передачи друг другу. Если же мы удерживаем их у себя, то мы уже не господа их. А если ты для того удерживаешь их, чтоб умножить, то для этого самое лучшее средство расточать их и всюду у раздавать. Да и не может быть прихода без расхода или богатства без издержек. Это можно видеть в делах житейских. Так делает купец, так делает земледелец: один тратит семена, другой деньги. Один плавает по морю, расточая свои деньги, другой целый год трудится, бросая семена и работая. Между тем здесь не нужно ничего такого: не нужно ни корабля готовить, ни волов впрягать и пахать землю, ни беспокоиться о воздушных непогодах, ни бояться града. Нет здесь ни волн, ни (подводных) скал. Это плавание, это сеяние требует только одного – бросать то, что у тебя есть; а все прочее совершит тот Земле-

делец, о Котором Христос сказал: *Отец Мой делатель есть* (Ин. 15, 1). Итак, не безрассудно ли предаваться лени и нерадению там, где можно получить все без труда, а показывать всю деятельность там, где много трудов, забот и пота, и после всего этого – еще неверная надежда? Не будем, умоляю вас, так неразумны в деле собственного спасения, но, оставив дела тягостнейшие, поспешим на дела более легкие и полезные, чтобы достигнуть и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа XX

Во утрий же восхоте Иисус изыти в Галилею: и обрете Филиппа и глагола ему: гряди по Мне. Бе же Филипп от Вифсаиды, от града Андреева и Петрова (1, 43–44)

Изъяснение 1, 43–44. Призвание Филиппа. – Иисус Христос одним словом увлекает его за собою. – Филипп, с своей стороны, приводит Нафанаила ко Христу. – Характер Нафанаила, его мудрость. – Как он приведен к вере. – Верные обязаны делать все, что желает и требует от них Иисус Христос. – Должно во всем повиноваться Христу, питать Его, когда Он голоден, поить, когда Он жаждет. – Он не отвергнет наших даров, каковы бы они ни были. – Друг с удовольствием принимает все, что дает ему его друг. – Любовь обнаруживается не в словах, а в делах.

1. Во всяком пекущемся изобилие – говорит книга Притчей (см.: 14, 23). Но Христос еще нечто более внушает нам, когда говорит: *ищай обретает* (Мф. 7, 8). Поэтому мне и кажется удивительно, как Филипп последовал Христу. Андрей последовал, услышав о Христе от Иоанна, Петр – от Андрея; а Филипп ни от кого и ничего не знал о Нем, но, как только Христос сказал ему: *гряди по Мне*, Филипп немедленно повиновался Ему, и не только не оставил Его, а еще сделался проповедником о Нем для других. Поспешив к Нафанаилу, Филипп говорит ему: *Егоже писа Моисей в законе и пророцы, обретохом* (ст. 45). Видишь ли, какую озабоченную имел он душу, как часто размышлял он о том, что писал Моисей, и как ожидал пришествия Христова? Слово: *обретохом* показывает людей, которые постоянно ищут. *Во утрий* изыде Иисус в Галилею. Он никого не призывает к Себе прежде, чем кто сам присоединится к Нему. И это делает не просто, но по свойственной Ему мудрости и разуму. Если бы никто не приходил к Нему добровольно, а Сам Он привлекал к Себе каждого, то, быть может, после они и оставили бы Его. Но как они сами решились на это, то и оставались уже тверды в своем намерении. Но Филиппа Он призывает как человека, более других известного Ему. Рожденный и воспитанный в Галилее, Филипп, конечно, знал Христа более других. Итак, приобрет одних учеников, Христос идет на ловлю других и привлекает к Себе Филиппа и Нафанаила. Обращение ко Христу Нафанаила не так удивительно, потому что слух об Иисусе проносился по всей Сирии, как удивительно обращение Петра, Иакова и Филиппа, не потому только, что они уверовали прежде, нежели видели чудеса Иисуса Христа, но и потому, что они были из Галилеи, откуда ни один пророк не приходил и не могло быть ничего доброго (см.: ст. 46), так как галилеяне были народ необразованный, дикий и грубый. Между тем Христос явил Свою силу и здесь, избрав от земли, не приносившей никакого плода, достойнейших учеников. Итак, вероятно, Филипп последовал за Христом, увидев и спутников Петра и услышав (о Христе) от Иоанна.

Вероятно также, и глас Христов произвел в нем свое действие. Христос знал, кто будет для Него благопотребен. Но евангелист все это опускает. Филипп знал, что Христос имел прийти, а что Христос есть Иисус, этого не знал; я же думаю, что он слышал это или от Петра, или от Иоанна. Евангелист называет и селение Филиппа, чтобы показать, как *немоцная мира избра Бог* (1 Кор. 1, 27). *Обрете Филипп Нафанаила и глагола ему: Егоже писа Моисей в законе и пророцы, обретохом Иисуса, сына Иосифова, Иже от Назарета* (ст. 45). Это он говорит для того, чтобы сообщить своей проповеди достоверность, ссылаясь на Моисея и пророков, и тем побудить слушателя к вниманию. Нафанаил был человек точный и во

всем дознавал истину, как это и Христос засвидетельствовал и самое дело показало. Поэтому Филипп хорошо сделал, что отослал его к Моисею и пророкам, чтобы таким образом расположить Нафанаила к принятию Того, о Ком он проповедовал ему. Если же Филипп называет Христа сыном Иосифа, то не смущайся. В то время еще считали Его сыном Иосифа. Но откуда видно, Филипп, что Он Тот Самый, о Ком писал Моисей и пророки? Какое ты даешь нам доказательство? Одного словесного свидетельства недостаточно. Какое же видел ты знамение? Какое чудо? Ведь в таких делах не безопасно верить просто без доказательств? Какое же у тебя доказательство? То же, что и у Андрея, отвечает нам Филипп. Как Андрей, не имея сил изобразить богатство, которое нашел, не находя слов описать это сокровище, ведет образ к Тому, Кого нашел, так и Филипп: не говорит Нафанаилу, почему Иисус есть Христос и как предвозвестили о Нем пророки; но влечет его к Иисусу, зная, что он не отступит от Иисуса, лишь только вкусит Его словес и Его учения. *И рече ему Нафанаил: от Назарета может ли что добро быти? Глагола ему Филипп: прииди и виждь. Виде же Иисус Нафанаила грядуща к Себе, и глагола о нем: се, воистинну Израильтянин, в немже льсти несть* (ст. 46–47). Христос похвалит и превозносит Нафанаила за то, что тот сказал: *от Назарета может ли что добро быти?* А не следовало ли бы осудить его за это? Нет, это не были слова неверующего, и не обвинений заслуживали, а похвал. Как и почему? Потому, что он был более Филиппа сведущ в пророчествах. Он знал из Писаний, что Христу надлежит прийти из Вифлеема и из селения, в котором был Давид. Это мнение господствовало между иудеями, да и Пророк издавна предвозвестил, сказав: *и ты, Вифлееме, ничимже мениши еси во владыках Иудовых: из тебе бо изыдет Вождь, Иже упасет люди Моя Израеля* (см.: Мих. 5, 2; Мф. 2, 6; Ин. 7, 42). Поэтому Нафанаил, когда услышал, что (Христос явился) из Назарета, то смутился и пришел в недоумение, находя весть Филиппа не согласно с предсказанием пророческим. Но посмотри, как Нафанаил, и при недоумении своем, благоразумен и умерен. Он не сказал тотчас же: ты обманываешь меня, Филипп, и лжешь. Я не верю, не пойду; я знаю из пророчеств, что Христу надлежит прийти из Вифлеема. А ты говоришь – из Назарета. Это не Христос. Нет, ничего такого Нафанаил не сказал. Что же? И он идет ко Христу и, с одной стороны, не соглашаясь, что Христос пришел из Назарета, показывает таким образом и основательное знание Писаний, и осмотрительность в поступках, с другой же стороны – не отвергает совершенно и вести Филиппа и тем обнаруживает свое сильное желание пришествия Христова. Он только думал, что Филипп ошибочно указал место пришествия. Обрати внимание и на то, с какою осторожностью он выражает свое сомнение – в виде вопроса. Он не говорит: Галилея не производит ничего доброго, – а как? *От Назарета может ли что добро быти?* Но и Филипп был очень благоразумен. Встретив возражение, он не досадует, не оскорбляется, а только стоит на своем, желая привести этого человека к Самому Христу и с самого начала показывая в себе твердость духа, свойственную Апостолу. Потому и Христос говорил: *се, воистинну Израильтянин, в немже льсти несть*. Может, конечно, быть лжив и израильтянин. Но этот не таков, – говорит: его суд беспристрастен; он не высказывает в своих словах ни приязни, ни неприязни. Правда, и иудеи на вопрос: *где Христос раждается,* отвечали: *в Вифлееме*, привели и свидетельство: *и ты, Вифлееме, ничимже мениши еси во владыках Иудовых*, но они свидетельствовали об этом еще прежде, чем увидели Христа; а когда увидели, то по зависти скрыли это свидетельство и говорили: *сего вемы, откуда есть: Христос же егда приидет, никтоже весть, откуда будет* (Ин. 7, 27; см.: 9, 29). А Нафанаил поступил не так, но какое мнение о Христе имел сначала, при том и остался, именно, что Он не из Назарета. Почему же пророки называют его Назореем? Потому, что там было место Его воспитания и жительства. Но и Христос не хочет сказать Нафанаилу: Я не из Назарета, как возвестил тебе Филипп, а из Вифлеема, – для того, чтобы с самого начала не навести сомнения на Свои слова. Кроме того, если бы Он убедил Нафанаила в этом, это еще не было бы достаточным доказательством, что Он именно есть Хри-

стос. Почему бы Он, и не будучи Христом, не мог произойти из Вифлеема, подобно другим людям, там родившимся? Итак, это Христос оставляет, а делает то, что наиболее могло привлечь к Нему Нафанаила, именно: показывает, что Он присутствовал при беседе Нафанаила с Филиппом. Когда Нафанаил спросил Его: *откуда мя знаеши?* Он говорит: *прежде даже не возгласи тебе Филипп, суща под смоковницею видех тя* (ст. 48). Вот человек твердый и постоянный! Когда Христос сказал: *се, воистинну Израильтянин*, – он не надмился от этих похвал, не увлекся одобрениями; но стоит на своем, еще с большим старанием отыскивая и испытывая истину, чтобы узнать что-нибудь верное. Итак, он еще испытывает как человек, а Иисус отвечает как Бог. *Прежде*, говорит, *видех тя*. Знал Он и прежде благонравие Нафанаила не как человек, следивший за ним, а как Бог. И ныне *видех тя под смоковницею*, когда никого там не было, а был только Филипп и Нафанаил и между собою об этом говорили. Поэтому и сказано: *видев грядуща его, глагола о нем: се, воистинну Израильтянин*, и так сказано – с целию показать, что Христос высказал эти слова еще прежде, чем приблизился Филипп, чтобы такое свидетельство было несомнительно. Для этого Он назвал и время, и место, и само дерево. Если б Он сказал только: *прежде, чем Филипп пришел к тебе, Я видел тебя*, то Его могли бы подозревать, не Сам ли Он подослал Филиппа, и таким образом в Его словах не нашли бы ничего важного. Но когда Он указал и место, где был Нафанаил, когда приглашал его Филипп, и название самого дерева, и время разговора, – тем Он показал в Себе несомненную прозорливость. Но Христос не только обнаружил Свою прозорливость, но еще и иным образом вразумил Нафанаила, именно – привел ему на память сказанные им тогда слова: *от Назарета может ли что добро быти*, и тем еще более благорасположил его к Себе, равно и тем, что за такие слова его не только не осудил, но еще похвалил и превознес. Потому Нафанаил и отсюда уразумел, что воистину Христос, то есть как из Его прозрения, так и из того, что Христос в точности узнал его мнение и тем показал, что Он знал и сокровенное в душе его, – притом не только не осудил его за высказанное им свое мнение, но и похвалил. Что Нафанаила пригласил Филипп, о том Христос сказал; а что он говорил Филиппу и Филипп ему, о том умолчал, предоставив то его совести и не желая более изобличать его.

2. Что же? Неужели Христос увидел Нафанаила только пред тем, как пригласил его Филипп, а до того времени не видел его оком неусыпным? Видел, – и этому никто не станет противоречить. Но в то время надлежало сказать только то, что нужно было. Что же Нафанаил? Получив несомненное доказательство предведения Христа, он исповедал Его и, как прежде в своей медлительности показал осмотрительность, так теперь в своей уступчивости показал благомыслие. Он так отвечал Христу: *Равви, Ты еси Сын Божий, Ты еси Царь Израилев* (ст. 49). Видишь ли душу, внезапно пришедшую в восторг и своими словами объемлющую Иисуса? Ты, говорит, желаемый, ожидаемый. Видишь ли, как он изумляется, дивится, прыгает и скачет от радости? Так должно радоваться и нам, сподобившимся познать Сына Божия, – не только радоваться в душе, но и в самих делах своих выражать радость. А что свойственно радующимся? Веровать Тому, Кого познали; а верующим – делать то, что Ему угодно. Если будем делать то, что прогневляет Его, – откуда будет видно, что мы радуемся? Не видите ли и в домах, когда кто принимает желанного гостя, с какою радостию он все делает, всюду бегает, ничего не щадит, хотя бы нужно было издержать все, что у него есть, лишь бы угодить гостю? А если бы кто, пригласив к себе гостя, не стал угождать ему, не старался успокоить его, то хотя бы тысячу раз говорил, что радуется его посещению, никогда гость ему не поверил бы, – и справедливо, так как радость надобно показать на деле. Итак, когда и Христос пришел к нам, покажем, что мы Ему радуемся, и не будем делать ничего, что может оскорбить Его. Украсим дом, в который Он пришел: это свойственно радующимся. Предложим ему трапезу, какую Он Сам хочет: так свойственно веселящимся. Какая же это трапеза? Он Сам говорит: *Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя* (Ин. 4, 34).

Напитаем Его, алчущего, напоим Его, жаждущего. Подай Ему только чашу холодной воды, – Он и это примет, потому что любит тебя; приношения лиц любимых, как бы малы ни были, велики кажутся любящему. Только не покажи нерадения. Повергни пред Ним две лепты, – Он не отвергнет и их, но примет как большое богатство. Он не имеет недостатка ни в чем и принимает это не по какой-либо нужде; поэтому и справедливо измеряет все не мерою даваемого, но расположением дающего. Только покажи, что любишь этого Гостя, что стараешься все для Него сделать, что ты рад Его посещению. Посмотри, какую любовь Он имеет к тебе. Он пришел ради тебя, душу Свою положил за тебя, и после всех этих благодеяний не отказывается еще и упрашивать тебя. *По Христе молим*, говорит Апостол, *я ко Богу молящу нами* (2 Кор. 5, 20). Но кто же, скажешь ты, столько безумен, чтобы не любить Господа своего? Это и я говорю и знаю, что никто из нас не отречется от этого на словах и в мыслях. Но тот, кто любим, хочет, чтобы любовь к нему обнаруживалась не на словах только, а в делах. Говорить, что мы любим, но не делать того, что свойственно любящим, – это смешно не только в отношении к Богу, но и к людям. Итак, если исповедовать на словах только, а в делах показывать противное – не только бесполезно, но и вредно для нас, то я умоляю – будем выражать свое исповедание в делах, да удостоимся исповедания и от Самого Господа, в тот день, когда Он исповесть достойных пред Отцем Своим, – умоляю о Христе Иисусе Господе нашем, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа XXI

Отвеща Нафанаил и глагола Ему: Равви! Ты еси Сын Божий, Ты еси Царь Израилев. Отвеща Иисус и рече ему: зане рех ти, яко видех тя под смоковницею, веруеши; больша сих узриши (1, 49–50)

Изъяснение 1, 49–50. Исповедание Нафанаила было менее совершенным, чем исповедание, сделанное впоследствии апостолом Петром. – Иисус Христос совершил свое первое чудо по просьбе своей Матери. – Иисус Христос желает, чтобы все обращались к Нему со своими нуждами. – Пример знаменитых врачей. – Почему Он дал жесткий ответ своей Матери. – Родственники Спасителя, известные под именем Деспосин. – Наши предки и отцы были добрые христиане, что должно устыжать нас и подвергать тем большему общению.

1. Много нужно нам, возлюбленные, попечения, много бодрствования для того, чтоб иметь возможность проникать в глубину Божественных Писаний. Иначе, предаваясь сну, нельзя постигнуть смысла их; а нужно тщательное исследование, нужна, кроме того, и постоянная молитва, чтобы хотя немного прозреть в святилище слова Божия. Вот и сегодня нам представляется вопрос немаловажный, требующий много внимания. Когда Нафанаил сказал: *Ты еси Сын Божий*, Христос сказал ему: *занерехти, яко видех тя под смоковницею, веруеши; больша сих узриши*. Что же в этих словах требует исследования? То, что Петр, исповедавший: *Ты еси Сын Божий* (см.: Мф. 16, 16) уже после столь многих чудес и после такого учения, ублажается, как получивший откровение от Отца; а Нафанаил, сказавший то же самое еще прежде чудес и прежде учения, ничего подобного не услышал от Христа, но и, как бы еще не столько сказавший, сколько надлежало сказать, возбуждается к ожиданию больших откровений. Какая же этому причина? Та, что хотя Петр и Нафанаил высказали одни и те же слова, но не с одною и тою же мыслию. Петр исповедал Иисуса Сыном Божиим, как истинного Бога; а Нафанаил – как простого человека. Из чего же это видно? Из последующих слов Нафанаила. Сказав: *Ты еси Сын Божий*, он присовокупил: *Ты еси Царь Израилев*. Но Сын Божий есть Царь не только Израиля, а и всей вселенной. Впрочем, это видно не отсюда только, а и из следующего. К словам Петра Христос ничего не прибавил, но, как бы вера Петрова была уже совершенна, сказал, что на этом исповедании Он созиждет Церковь Свою. Но в отношении к Нафанаилу Он сделал не так, а совсем напротив. В исповедании Нафанаила как бы недоставало еще многого и чего-то лучшего, – и вот Христос восполняет недостающее. Что Он говорит? *Аминь, аминь глаголю вам: отселе узрите небо отверсто и Ангелы Божия восходящия и нисходящия над Сына Человеческаго* (ст. 51). Видишь ли, как Христос мало-помалу возводит его от земли и внушает не представлять себе Его простым человеком? Может ли в самом деле быть человеком Тот, Кому Ангелы служат и для Кого Ангелы восходят и нисходят? Поэтому-то Он и сказал: *больша сих узриши*, и, изъясняя это, присовокупил об ангельском служении. Смысл Его слов такой: тебе, Нафанаил, показалось это важным²⁸, и за это ты признаешь Меня царем Израиля. Что же скажешь, когда увидишь Ангелов, восходящих и нисходящих для Меня? Такими словами Христос внушал признать Его Владыкою и Ангелов. Как к истинному Сыну Царя, ко Христу восходили и

²⁸ То есть что Христос видел его под смоковницею еще прежде, чем пришел к нему Филипп.

нисходили эти царские служители, как то: во время страданий, во время Воскресения и вознесения; и еще прежде того они приходили и служили Ему – когда благовествовали о Его рождении, когда восклицали: *слава в вышних Богу, и на земли мир* (Лк. 2, 14), когда приходили к Марии, к Иосифу. Но Христос делает и теперь так же, как во многих других случаях. Он изрекает два предсказания, и верность одного уже тотчас обнаруживает, а другое, относящееся к будущему, подтверждает чрез настоящее. Из них одно, уже доказанное, есть следующее: *прежде даже не возгласи тебе Филипп, суща под смоковницею видех тя*. Другое должно было исполняться в будущем, а отчасти уже и в то время исполнялось, – именно восхождение и нисхождение Ангелов, как то: при страданиях Его, при Воскресении и вознесении; и в этом, еще прежде событий, Он уверял уже тем, что сказал о настоящем. Кто из прошедшего познал могущество Его, тот, слыша и о будущем, удобнее может принять и предсказание о будущем. Что же Нафанаил? Ничего на это не отвечает. Поэтому и Христос заключил тем Свою беседу с ним, предоставляя ему самому размыслить о сказанном и не желая высказать всего в один раз. Бросив семена в землю плодоносную, Он дает ей самой произрастить в свое время плоды. Это Он в другом месте изобразил в следующих словах: *подобно есть Царствие Божие человеку, сеявшу доброе семя: спящу же ему, прииде враг и всея плевелы посреде пшеницы и отъиде* (см.: Мф. 13, 24, 25). *В третий день брак бысть в Кане Галилейстей, и зван бысть Иисус на брак. Бе же и Мати Иисусова тамо, и братия Его* (см.: Ин. 2, 1–2). Я уже говорил, что Он наиболее известен был в Галилее. Потому и зовут Его на брак, и Он приходит. Он взирал не на собственное достоинство Свое, но на пользу нашу. Не отрекшийся принять зрак раба тем более не мог отречься прийти на брак рабов. Совозлежавший с мытарями и грешниками тем более не мог отречься от соприсутствия с бывшими на браке. Звавшие Его на брак, конечно, не имели о Нем надлежащего понятия, они звали Его даже не как великого человека, а просто как человека обыкновенного и знакомого. На это и намекает евангелист, говоря: *бе же Мати Его тамо, и братия Его*, то есть Иисуса звали так же, как и Ее и братьев. *И недоставшу вино, глагола Мати Его: вина не имут* (см.: 2, 3). Здесь стоит обратить внимание на то, откуда Матери Его пришло на мысль вообразить что-то великое о Своем Сыне? До того времени Он еще не сотворил никакого чуда. *Се, сказано, сотвори начаток знаменем Иисус в Кане Галилейстей* (2, 11).

2. Если же кто скажет, что тут еще нет достаточного доказательства тому, что чудо в Кане было началом чудес, так как прибавление: *в Кане Галилейстей* показывает только, что это чудо было в Кане первое, а не вообще и не первое было из всех Его чудес; вероятно же Христос и прежде в других местах другие чудеса творил, – то на это мы скажем то же, что и прежде сказали. Что именно? То, что говорит Иоанн: *аз не ведех Его: но да явится Израилеви, сего ради приидох аз водою крестя* (1, 31). Если бы Христос в отроческом возрасте творил чудеса, то израильтяне не нуждались бы в другом человеке, который явил бы Его. Если Христос, пришедши в мужеский возраст, так сделался известен Своими чудесами не только в Иудее, но и в Сирии и далее, притом совершил их в продолжение только трех лет, а лучше сказать – Он не нуждался и в этом числе лет, чтобы явить Себя миру, потому что слух о Нем с самого начала разнесся немедленно повсюду, – если, говорю, Он в краткое время так прославился множеством чудес, что имя Его стало всем известно, то тем более Он не мог бы так долго оставаться в неизвестности, когда бы с первого возраста начал творить чудеса; чудеса, совершенные отроком, возбудили бы еще более удивления, да и времени у Него для чудес было бы в таком случае вдвое, и втрое, и еще больше. Но в отрочестве Он не творил никаких чудес, кроме того только, о чем повествует Лука, как Он, будучи двенадцати лет, восседал среди учителей, слушая их, и своими вопросами приводил их в удивление. Впрочем, не без причины, а намеренно не начинал Он творить чудес с самого первого возраста: иначе могли бы почесть Его чудеса за призраки. Если уже в совершенном возрасте Его многие это подозревали, – тем более когда бы Он стал чудодействовать в юности. Кроме

того, иудеи, снедаемые завистию, еще скорее и прежде надлежащего времени вознесли бы Его на крест, и таким образом все дело нашего спасения не было бы принято верою. Откуда же, скажешь, Его Матери пришло на мысль предполагать в Нем что-то великое? Он начал уже открывать Себя, чем был, – и чрез свидетельство Иоанново, и чрез то, что Сам говорил ученикам. А прежде всего этого самое зачатие Его и все, по рождении Его последовавшие события внушали Матери Его высокое понятие о Нем. *Слышаше*, сказано, *яже о отрочати, и соблюдение в сердцы Своем* (см.: Лк. 2, 51). Отчего же, скажешь, Она не выражала этого прежде? Оттого, как я сказал, что Он Сам только тогда начал открывать Себя. А дотоле Он жил, как обыкновенный человек. Потому-то Она и не говорила Ему этого прежде. Как скоро услышала, что ради Его пришел Иоанн и дал о Нем такое свидетельство и что Он имеет уже учеников, то уже смело просит Его и, при недостатке вина, говорит: *вина не имут*. Она хотела и гостям угодить, и Себя прославить чрез Сына. Может быть, Она при этом имела в мыслях что-либо человеческое, подобно Его братьям, которые говорили: *яви Себе миру* (Ин. 7, 4), желая приобрести и себе славу Его чудесами. Поэтому-то и Христос так сильно отвечал Ей: *что Мне и Тебе, Жено? не уприиде час Мой* (см.: 2, 4). Но что Он весьма почитал родительницу Свою, об этом послушай повествования Луки, как Христос был послушен родителям; да и этот самый евангелист (Иоанн) показывает, как Он заботился о Матери в самое время Крестных страданий. Когда родители нимало не запрещают дел богоугодных и не препятствуют им, то родителям нужно и должно повиноваться; неповиновение в таком случае весьма опасно. Когда же они чего-либо требуют безвременно и запрещают какое-нибудь дело духовное, то не безопасно им повиноваться. Потому и в настоящем случае Христос так отвечал, и в другом случае также: *кто есть Мати Моя и кто суть братия Моя?* (см.: Мк. 3, 33). Они в то время еще не имели о Нем надлежащего понятия; а Его Мать, по той причине, что родила Его, хотела приказывать Ему во всем, по обычаю всех матерей, тогда как должна была чтить Его, как Господа, и поклоняться Ему. Потому-то Он так и отвечал Ей тогда. В самом деле, подумай, каково это было, когда при всем народе, окружавшем Его, при многочисленном собрании внимательных слушателей, во время преподавания учения, Мать Его вошла в собрание, стала отвлекать Его от проповедания, чтобы наедине поговорить с Ним, притом и не осталась с Ним в доме, а увлекла Его одного вон оттуда к Себе. Вот почему Он и сказал: *кто есть Мати Моя и кто суть братия Моя?* И Он не оскорблял тем Матери, нет, а приносил Ей величайшую пользу, не давая Ей думать о Себе уничиженно. Если Он имел попечение о других и все направлял к тому, чтобы внушить им надлежащее понятие о Себе, тем более заботился в этом отношении о Матери. Но как Она, вероятно, даже услышав это от Сына, не хотела и после того повиноваться Ему, а хотела, как мать, во всяком случае первенствовать, то Он так и отвечал. Да иначе Он и не мог бы возвести Ее от такого уничижительного понятия о Нем к более возвышенному, если бы то есть Она всегда ожидала от Него почитания, как от сына, но не признала Его Господом. Вот по этой-то причине Он здесь и сказал: *что Мне и Тебе, Жено?* Впрочем, и другая была причина, не менее важная. Какая же? Он хотел, чтобы не заподозревали совершаемых Им чудес. Его должны были просить те, кто имел нужду, а не Мать. Почему? Что делается по просьбе родственников, то, хотя было бы важно, часто для посторонних представляется неблагоприятным. Когда же просят сами нуждающиеся, тогда чудо становится выше всякого подозрения, тогда и похвала беспристрастна и польза велика.

3. Если бы врач, даже отличный, вошедши в дом, где много больных, не слышал ничего ни от самих болящих, ни от окружающих их, а только его одна мать стала бы упрашивать его, то для больных он сделался бы подозрительным и неприятным, и ни лежащие в болезни, ни находящиеся при них не стали бы ожидать от него чего-либо важного и хорошего. Вот почему и Христос тогда сделал упрек Матери, сказав: *что Мне и Тебе, Жено*, внушая Ей на будущее время не делать ничего подобного. Имел Он попечение и о чести Матери, но гораздо

более о Ее душевном спасении и о благе людей, для чего и плотию облекся. Итак, эти слова были сказаны Христом Матери Его не по какой-либо надменности, но с особенною целию – чтобы и Ее Саму поставить в надлежащие к Нему отношения, чтобы и чудеса делались с подобающим достоинством. А что Христос весьма почитал Свою Мать, это, кроме других случаев, достаточно видно и из того самого, что сказано по видимому в обличение Ее. В самом неудовольствии Он показал, что весьма почитал Ее. А каким образом, об этом скажем в последующей беседе. Размышляя об этом, если услышишь, как одна жена говорила: *блажено чрево, носившее Тя, и сосца, яже еси ссал* (Лк. 11, 27), а Он ей отвечал: еще более блаженны творящие волю Отца Моего, то разумей и эти слова в том смысле. Ответ Спасителя Матери выражал не отвержение Матери, а то, что Ей нимало не принесло бы пользы и самое рождение Его, если бы Она Сама не имела великой добродетели и веры. Если же без добродетели душевной и для Самой Марии не было бы пользы в том, что от Нее родился Христос, тем более не может быть никакой пользы нам, если мы будем иметь добродетельного и доблестного отца, брата или сына, а сами будем далеки от его добродетелей. *Брат*, говорит Давид, *не избавит, избавит ли человек?* (Пс. 48, 8). Надежду спасения, после благодати Божией, должно полагать не в чем другом, а только в собственных совершенствах. Если бы рождение Христа само по себе могло принести пользу Деве, то оно было бы также полезно и иудеям (так как Христос был сродником их по плоти), принесло бы пользу и городу, в котором Он родился, полезно было бы и братьям. Между тем Его братья, доколе не заботились о себе самих, не получили никакой пользы от высокого сродства, а еще и подвергались осуждению наряду с прочими людьми, когда же просияли собственными добродетелями, тогда и прославлены. А город разрушен и сожжен, не получив никакой пользы от того, что был местом Его рождения. Сродники Его по плоти истреблены и погибли самым жалким образом, не приобретши от сродства с Ним ничего для своего спасения, потому именно, что не имели защиты в собственной добродетели. Но более всех прославились апостолы, потому что они истинным и достойным нашего соревнования образом достигли сродства со Христом – чрез послушание Ему Отсюда и мы познаем, что во всяком случае нам нужна вера и жизнь чистая и светлая. Только это может спасти нас. Сродники Христа долгое время повсюду пользовались уважением, так что и назывались «владычными», однако ж мы ныне не знаем даже имен их. А жизнь и имена апостолов всюду прославляются. Не будем же надмеваться благородством по плоти, но, хотя бы имели тысячи знаменитых предков, будем сами стараться превзойти их в добродетелях, зная, что заслуги других не принесут нам никакой пользы на будущем суде, а еще и увеличат для нас строгость осуждения именно потому, что, происходя от добродетельных отцов и имея столь близкие примеры, при всем том не последовали таким наставникам. Это я говорю теперь, имея в виду многих язычников, которые, когда мы обращаем их к вере во Христа и убеждаем быть христианами, указывают на своих родственников, предков и домашних и говорят: все мои родственники, близкие и домашние сделались уже верными христианами. Но что тебе в этом, несчастный? То именно тебя и погубит, что ты, не уважив такого множества близких к тебе, не поспешил обратиться к Истине. Другие, будучи уже верующими, но проводя жизнь беспечную, когда станешь увещевать их к добродетели, представляют то же самое и говорят: мой отец, дед и прадед были очень благочестивые и добродетельные люди. Но то особенно и послужит к твоему осуждению, что ты, происходя от таких людей, делаешь дела, недостойные своего рода. Послушай, что говорит Пророк иудеям: *работа Израиль о жене и о жене спасется* (см.: Ос. 12, 12); и Христос: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день Мой; и виде и возрадовался* (Ин. 8, 56). Да и всегда доблести предков обращаются не в похвалу только иудеям, но и в большее обвинение. Зная это, будем все делать так, чтобы спастись собственными делами, чтобы иначе надеждами на других не обмануть себя самих и не узнать о своем обмане тогда уже, когда от этого познания никакой пользы не будет. *Во аде*, сказано, *кто исповестся Тебе?* (Пс.

6, 6). Итак, исправимся здесь, чтобы там достигнуть вечных благ, которых и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XXII

Что Мне и Тебе, Жено? не у прииде час Мой (2, 4)

Изъяснение 2, 4. Иисус Христос все совершает благовременно не потому, чтобы Он подчинялся времени, так как Он Творец лет и Господь веков, но по любви к порядку. – Иисус Христос своим чудом в Кане Галилейской доказал, что Он Творец воды и вина. – Чудеса Иисуса Христа превосходят все силы природы. – Он усовершенствует наши мятежные души. – Непрочность благ мира сего: они мгновенно исчезают и утекают с быстротою потока. – Скучность есть мать здоровья. – Сладости трапезы очень вредны для тела и души и производят множество болезней.

1. В поучении есть некоторый труд, что показывает и Павел, когда говорит: *прилежании добре пресвитеры сугубая чести да сподобляются, паче же труждающихся в слове и учении* (1 Тим. 5, 17). Но от вас зависит сделать этот труд и легким, и тяжким. Если вы будете отвергать наши слова или, не отвергая, не будете исполнять их в делах своих, то этот труд будет для нас тягостен, как труд напрасный и тщетный. Если же вы будете внимательны к нашим словам и покажете то в самих делах своих, то мы и чувствовать не будем трудности в поучениях; плод, происходящий от этих трудов, не даст и заметить тяжести их. Поэтому, если хотите возбудить в нас ревность, не угасить и не ослабить ее, покажите нам, прошу вас, плод, чтобы мы, видя цветущие нивы, питаюсь надеждою изобилия и надеясь на будущее свое богатство, не изнемогали в этих благих занятиях. Вот и сегодня нам представляется немаловажный предмет. Когда Мать Иисуса сказала: *вина не имут*, Христос отвечал: *что Мне и Тебе, Жено? не у прииде час Мой*. Между тем после таких слов Он сделал то, о чем говорила Мать. Предмет этот не менее прежнего требует исследования. Итак, призвав Того, Кто сотворил это чудо, приступим крещению вопроса. Не здесь только сказано: *не у прииде час*, евангелист и далее замечает: *никтоже ят Его, яко не у бе пришел час Его* (8, 20); и в другом месте: *никтоже возложи нань руки, яко не у бе пришел час Его* (7, 30). Также: *прииде час, прослави Сына Твоего* (17, 1). Я собрал здесь все эти изречения из всего Евангелия, чтобы на все дать одно решение. Какое же? Христос говорил: *не у прииде час Мой* не потому, что подлежал закону времени, и не потому, чтобы в самом деле наблюдал известные часы. Нужно ли это было Творцу времен и Создателю веков? Но этими словами Он хочет показать, что все делает в свое время, а не вдруг, так как отсюда могло бы произойти смешение и беспорядок, если бы то есть каждое дело Свое Он совершал не в надлежащее время и смешивал все вместе, как то: и рождение, и воскресение, и суд. Так замечай: надлежало произойти твари, но не всей вместе; человеку с женою, но не обоим вместе; надлежало роду человеческому быть осужденным на смерть и быть воскресению, но между тем и другим расстояние времени большое; надлежало дать закон, но не вместе с благо датию, а то и другое устроить в свое определенное время. Итак, условиям времени Сам Христос не подлежал, потому что Он и установил самый порядок времен, Он и Творец их. Но Иоанн, приводя здесь слова Христа: *не у прииде час Мой*, показывает, что в то время Он был еще не всем известен и не имел полного сонма учеников; Ему последовал только Андрей, а с ним Филипп, а кроме них никто другой. Да и они не знали Его как должно, ни даже Мать Его, ни братья. Уже по совершении многих чудес евангелист заметил о братьях Его: *ни братия Его вероваху в Него* (7, 5). Не знали Его и присутствовавшие на браке. Иначе они, в нужде, сами обратились бы к Нему с просьбою. Потому Он и говорит: *не у прииде час Мой*. Меня еще не знают

присутствующие; они не знают и того, что не достало вина. Дай им сперва почувствовать это. Да об этом и не от Тебя Мне надлежало бы слышать. Ты Моя Мать, и потому Ты само чудо делаешь подозрительным. А надлежало бы самим нуждающимся обратиться ко Мне с просьбою; не потому, чтобы Я в этом нуждался, но чтобы они с большим доверием приняли этот случай. Видящий себя в нужде, когда получит то, что нужно, остается после того много благодарным; а кто еще не чувствует нужды, тот не почувствует вполне и живо и самого благодетеля. Для чего же, сказав: *не у прииде час Мой* и таким образом отказав, Он, однако ж, сделал то, о чем говорила Ему Мать? Для того особенно, чтобы людям, прекословящим и считающим Его под условиями времени, достаточно показать, что Он не подлежит времени. Если бы Он подлежал, то как бы Он сделал то, что сделал, когда еще не пришло надлежащее для того время? Он сделал это также и из почтения к Матери, чтобы не показаться во всем Ей противоречащим или не могущим этого сделать и чтобы тем не постыдить Свою Мать в присутствии такого множества людей, – а Она привела к Нему и слуг. Подобным образом Он говорил и хананеянке: *несть добро отъяты хлеба чадом и повреци псом* (Мф. 15, 26); однако ж после таких слов даровал ей просимое, преклоненный ее неотступностию. Сказал также: *несь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (Мф. 15, 24), но и после этих слов исцелил дочь этой женщины.

2. Отсюда научаемся, что, хотя бы мы были недостойны, однако ж неотступными мольбами можем сделать себя достойными получить (просимое). Потому и Мать надеялась и слуг привела с тою целию, чтобы просьба была от большего числа людей. Потому Она присовокупила: *еже аще глаголет вам, сотворите* (ст. 5). Она знала, что Он отказывал не по немощи, но по смирению и для того, чтобы не подать мысли, будто Он Сам слишком спешит к совершению чуда; потому и слуг привела. *Беху же ту водоносы каменни шесть, лежаще по очищению Иудейску, вмещающи по двама или трием мерам. Глагола им Иисус: наполните водоносы воды. Инаполниша их до верха* (ст. 6–7). Евангелист не без цели заметил: *по очищению Иудейску*, а для того, чтобы кто-либо из неверующих не подозревал, что в сосудах были остатки вина, и поэтому, когда была влита и смешана с ними вода, то составилось некоторое, самое слабое, вино. Потому евангелист и говорит: *по очищению Иудейску*, показывая тем, что в сосудах тех никогда не хранилось вино. Палестина-земля безводная, и там не во всяком месте можно находить источники и колодези; поэтому евреи всегда наполняли сосуды водою, чтобы не бегать на реки, когда они делались нечистыми, но иметь под рукою средство для очищения. Но почему Он не сотворил чуда прежде, чем сосуды были наполнены водою, – что было бы гораздо удивительнее? Иное ведь дело – изменить готовое вещество только по качеству, иное – произвести самое вещество из ничего. Конечно, это удивительнее; но для многих показалось бы не столь вероятным. Потому-то Христос нередко добровольно уменьшает величие чудес, чтобы только удобнее они могли быть приемлемы. А почему, скажешь, Он не Сам произвел воду и потом обратил ее в вино, а приказал влить ее слугам? Опять по той же причине и для того, чтобы сами черпавшие воду были свидетелями чуда и чтобы оно несколько не показалось призраком. Если бы кто-либо стал бесстыдно отвергать это, то слуги могли бы сказать: мы сами черпали воду. Кроме того, Он ниспровергает этим чудом и возродившееся, противное Церкви учение. Есть такие, которые говорят, что существует некоторый иной создатель мира и что видимое не Им сотворено, а каким-то другим, враждебным Ему богом²⁹. Обуздывая такое безумство, Христос большую часть чудес Своих творил из готовых веществ. Если бы Создатель мира был враждебен Ему, то Он не стал бы пользоваться чужими делами для доказательства собственного могущества. Так и теперь, чтобы показать, что Он Сам Тот, Кто прелагает воду в виноград и обращает в вино дождь, чрез корень винограда, – что в растении совершается чрез долгое время, – в

²⁹ Это лжеучение манихеев.

одно мгновение Он делает это на браке. Затем, как скоро слуги наполнили сосуды водою, Он говорит им: *почерните ныне и принесите архитриклинови. И принесоша. Якоже вкуси архитриклин вина бывшаго от воды, и не ведяще, откуда есть: слуги же ведяху, почерпшии воду; пригласи жениха архитриклин и глагола ему: всяк человек прежде доброе вино полагает, и егда упиются, тогда худшее: ты же соблюл еси доброе вино доселе* (ст. 8-10). Опять и здесь некоторые посмеиваются, говоря: там было собрание людей пьяных, вкус у ценителей уже был испорчен, и они неспособны были ни понимать, ни судить о том, что тут делалось, – таким образом, они не могли распознать, вино ли то было или вода, а что они были пьяны, это высказал сам архитриклин. Правда, это очень смешно. Но евангелист уничтожает и такое подозрение. Он говорит, что не гости высказывали свое мнение о случившемся, но архитриклин, который был трезв и еще не пил ничего. Ведь вы знаете, что те, которым поручается распоряжение на таких пиршествах, более всех бывают трезвы, потому что имеют только одно дело – все устроить чинно и в порядке. Поэтому для засвидетельствования чуда Христос и употребил трезвое чувство архитриклина. Он не сказал: наливайте вино возлежащим, а сказал: несите к архитриклину. *Якоже вкуси архитриклин вина бывшаго от воды, и не ведяше, откуда есть: слуги же ведяху; пригласи жениха архитриклин.* Почему же он не пригласил слуг? Таким образом открылось бы и чудо. Причина та, что и Сам Иисус не открыл совершившегося чуда, а хотел, чтобы сила Его знамений была познаваема не вдруг, но мало-помалу. А если бы оно в то же время было обнаружено, то рассказу слуг о Нем не поверили бы, но подумали бы, может быть, что они не в своем уме, так как приписывают это дело Тому, Которого тогда многие считали (человеком) обыкновенным. Сами слуги, конечно, знали это дело хорошо по собственному опыту и не могли не верить своим рукам; но уверить в том других не имели возможности. Поэтому и Сам Христос не всем открыл случившееся, а только тому, кто лучше других мог понять это, – представляя точнейшее познание о чуде будущему времени. По совершении других чудес и это должно было сделаться достоверным. Так впоследствии, когда Он исцелил сына царедворца, евангелист в повествовании об этом дает разуметь и то, что и это чудо тогда уже сделалось более гласным. Царедворец потому особенно и призвал Иисуса, что узнал, как я говорю, об этом чуде. Это и объясняет Иоанн, когда говорит: *прииде паки Иисус в Кану Галилейскую, идеже претвори воду в вино* (4, 46), да и не просто в вино, а вино самое лучшее.

3. Таковы-то чудеса Христовы, что их произведения оказываются гораздо лучше и превосходнее тех, которые совершаются природою. Так и в других случаях, когда Христос исправлял какой-либо поврежденный член тела, то делал его лучше членов здоровых. А что произведенное из воды было действительно вино, и притом самое лучшее, об этом могли засвидетельствовать не только слуги, но и архитриклин, и жених; а что оно произведено было Христом, это могли подтвердить слуги, черпавшие воду. Таким образом, если бы и не открылось чудо в то время, то не могли молчать о нем впоследствии времени. Итак, Христос много необходимых свидетельств оставлял на будущее время. Что Он претворил воду в вино, на это Он имел свидетелями слуг; а что это было вино хорошее, на то – свидетели архитриклин и жених. Вероятно, жених отвечал что-нибудь на слова архитриклина; но евангелист, поспешая к делам важнейшим, коснулся только самого чуда, а прочее миновал. Нужно было, конечно, знать, что Христос претворил воду в вино; но что сказал жених архитриклину, при совокуплять это евангелист не почитал нужным. Между тем многие чудеса, будучи сперва мало известны в подробностях, с течением времени стали более известны, потому что были рассказаны во всех своих подробностях людьми, бывшими вначале очевидцами их. Но как в то время Иисус претворил воду в вино, так и тогда и ныне не перестает предлагать нравы людей слабых и рассеянных. Есть, есть, говорю, люди, ничем не отличающиеся от воды, – так они холодны, жидки, ни в чем не тверды. Находящихся в таком состоянии людей наш

долг приводить к Господу, чтобы Он благоволил нравам их сообщить качество вина, чтобы они не рассеивались, но приобрели постоянство, на радость себе и другим.

Кто же это такие холодные люди, как не те, которые много занимаются делами настоящей жизни, которые не презирают наслаждений этого мира, любители славы и власти? Все это потоки, никогда не останавливающиеся, но постоянно, с большою стремительностью несущиеся в бездну. Сегодня богатый, завтра нищ; сегодня является с глашатаем, на колеснице, в сопровождении множества жезлоносцев, а на другой день нередко поселяется в темнице, уступая, и против воли, другому это самопрельщение. Таким же образом преданный роскоши и пресыщению, как бы ни наполнял своего чрева, даже на один день не может удержать в себе этого запаса, но, с испражнением его, принуждается собирать новые запасы, не различаясь, таким образом, ничем от потока. Как в потоке, едва минует одна струя, за ней выступает другая, так и здесь, истлевают одна пища – и нам нужна другая. Таково свойство житейских вещей: они никогда не останавливаются, но всегда текут и одна за другою увлекаются. Что же касается до удовольствий сластолюбия, то они не только текут и проходят, но еще приносят нам много тревог. Когда им предаются с увлечением, то они и крепость тела ослабляют, и душу лишают мужества. И не так сильное течение рек размывает берега и обрушивает их, как сластолюбие и пресыщение подрывают все опоры нашего здоровья. Пойди в больницу и спроси об этом, – там узнаешь, что отсюда происходят почти все болезни. Умеренная и простая трапеза – мать здоровья. Так называют ее и врачи, признавая здоровым – не наедаться досыта. Умеренность в пище, говорят они, и есть здоровье; а пища скудная – мать здоровья. Если же умеренность в пище источник здоровья, то явно, что пресыщение – источник болезней и недугов и рождает такие страдания, которые превышают и самое искусство врачей. И действительно, боли в ногах, боли в голове, в глазах, в руках, дрожание всего тела, удары, желтуха, продолжительные острые горячки и многие другие болезни (теперь не время перечислять все) обыкновенно рождаются не от воздержания и благоразумного образа жизни, а от объедения и пресыщения. Если же хочешь знать и болезни души, отсюда рождающиеся, то увидишь, что любостяжание, разврат, уныние, леность, любострастие и все непотребства отсюда ведут свое начало. Души людей, питающихся такими трапезами, ничем не лучше ослов: так терзают их эти звери. Говорить ли еще о том, сколько скорбей и неприятностей получают преданные пресыщению? Всех их исчислить невозможно. Покажу все в одном и самом главном. Они никогда с удовольствием не наслаждаются своим столом, даже самым роскошным. Воздержанность – мать как здоровья, так и удовольствия; а пресыщение – источник и корень как болезней, так и неудовольствия. Где пресыщение, там не может уже быть охоты (к пище); а где нет охоты, там может ли быть удовольствие? Поэтому между людьми бедными мы находим таких, которые не только благоразумнее и здоровее богатых, но и больше их имеют веселья. Обо всем этом размышляя, будем убегать пресыщения и пьянства не только за трапезой, но и при всех житейских обстоятельствах. Вместо того будем лучше искать наслаждений духовных и, по выражению Пророка, *насладимся Господеви (насладися, говорит он, Господе ви, и даст ти прошения сердца твоего – Пс. 36, 4)*, чтобы нам вкусить и здешних, и будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

Беседа XXIII

Се сотвори начаток знаменiem Иисус в Кане Галилейстей (2, 11)

Изъяснение 2, 11. Претворение воды в вино есть первое чудо Иисуса Христа. – На каких свидетельствах покоится достоверность этого чуда, приведшего учеников к вере. – Иисус Христос изгоняет продавцов из храма. – То же было и еще раз в конце Его проповеди. – Почему Иисус Христос делал неясные предсказания. – Апостолы не знали о воскресении. – Почему Иисус Христос не открыл им этого? – Люди больше верят самым фактам, чем словам. – Святой Дух напомнил апостолам обо всем, что говорил им Иисус Христос. – Величие добродетели апостолов. – Похвала им. – Увещание к милостыне, без которой нельзя войти во врата небесные.

1. Часто и сильно нападает диавол, осаждая со всех сторон наше спасение. Потому надобно бодрствовать и трезвиться и отведуду преграждать ему приступ. Как скоро он встретит хотя малый какой-либо случай, то уже приготовляет себе свободный доступ и мало-помалу вводит всю свою силу. Итак, если мы сколько-нибудь дорожим нашим спасением, то не попустим ему и малых нападений на нас, чтобы чрез то предотвратить большие. Да и крайне безумно было бы – когда он показывает такое старание погубить нашу душу – нам, с своей стороны, не постоять даже и в равной мере за наше собственное спасение. Это неспроста сказано мною; а я боюсь, чтобы и ныне, незаметно для нас, не вторгся внутрь нашего двора этот волк и не похитил какой-нибудь овцы, по нерадению или по злему навету уклоняющейся от стада и от настоящих наших бесед. Если бы раны были чувственные и только тело получало удары, то не трудно было бы распознавать его злоумышления. Но как душа незрима и она-то именно получает раны, то и нужно нам много бодрствовать, чтобы каждый испытывал сам себя: *кто бо весть от человек, яже в человеце, точно дух человека живущий в нем?* (1 Кор. 2, 11). Слово простирается ко всем, и врачевство предлагается общее для всех нуждающихся, но дело каждого из слушающих самому принимать то, что нужно в его болезни. Я не знаю больных, не знаю и здоровых; потому предлагаю всякого рода поучения, потребные в болезнях всякого рода: обличаю то корыстолюбие, то объядение; иногда осуждаю любострастие; иной раз восхваляю милосердие и убеждаю к нему; иной раз – другие добродетели. Я опасуюсь, чтобы, рассуждая в поучении об одной болезни, не забыть уврачевать других, тогда как вы страдаете ими. Если бы здесь при моей беседе присутствовал только один слушатель, я не считал бы слишком нужным разнообразить свои поучения; но как в таком множестве людей, конечно, есть и много болезней, то неизлишне нам разнообразить назидание: слово, обращенное ко всем, без сомнения принесет свою пользу. Поэтому-то и содержание Писания разнообразно, и говорит нам о бесчисленном множестве предметов, так как обращает слово свое к общему естеству всех людей. А в таком множестве людей, без сомнения, есть всякого рода болезни душевные, хотя и не все во всех. Потому, очищая себя от них, будем же внимать Слову Божию и, сосредоточив в нем наши мысли, выслушаем нынешнее его чтение. Что же это такое? *Се сотвори*, говорит Писание, *начаток знаменiem Иисус в Кане Галилейстей*. Некоторые, как я и прежде говорил, утверждают, что это не было началом вообще. Как же иначе, говорят, если тут прибавлено именно: *в Кане Галилейстей? Се сотвори*, сказано, *начаток в Кане*. Но я не стану входить в дальнейшее исследование об этом; мы уже прежде доказали, что Он начал творить знамения после Крещения, а прежде Крещения не совершал никаких чудес. А это ли именно или другое знамение было первым

из совершенных Им после Крещения, об этом, мне кажется, нет надобности слишком много рассуждать. *И яви славу Свою* (ст. 11). Каким образом? Ведь свидетелями события были не многие, а только служители, архитриклин и жених? Как же Он явил славу Свою? Он явил ее с Своей стороны. А если и не тогда, то впоследствии должны были все услышать об этом чуде, так как оно доныне прославляется и не забыто. Но что в тот день не все узнали об этом, видно из последующего. Евангелист, сказав: *яви славу Свою*, присовокупляет: *и вероваша в Него ученицы Его* (ст. 11), то есть те, которые и прежде того уже дивились Ему. Видишь ли, что нужно было тогда в особенности творить знамения, когда присутствовали люди добросовестные и внимательные к событиям? Такие и скорее могли веровать, и более внимания обращать на события. Да и как Он мог бы быть познан без знамений? Учение же и пророчество, соединенные с чудотворениями, могут расположить души слушателей к тому, чтобы они с усердием внимали событиям, как скоро душа уже наперед к тому приготовлена. Поэтому-то евангелисты нередко говорят, что в иных местах Он не сотворил знамений по причине превратного направления людей, живущих там. *По сем сниде в Капернаум Сам и Мати Его, и братия Его, и ученицы Его; и туне мнози дни пребыша* (ст. 12). Для чего Он приходит в Капернаум с Материю? Там Он не сотворил никакого чуда, и жители того города не были из числа благорасположенных к Нему, а притом были еще и самые развращенные: это и Сам Христос заметил, сказав: *и ты, Капернауме, иже до небес вознесыйся, до ада низведишися* (Лк. 10, 15). Итак, для чего же Он приходит туда? Мне кажется, что, намереваясь спустя немного времени отправиться во Иерусалим, Он для того тогда пошел в Капернаум, чтобы не всюду водить с собою братьев и Мать. Таким образом, отправившись туда и пробыв немного времени из уважения к Матери, Он оставил там свою Родительницу и потом опять начинает творить чудеса. Потому и сказано, что Он *не по мнозех днех взыде во Иерусалим* (см.: ст. 13). Следовательно, Он крестился незадолго до Пасхи. Но что Он делает, прибывши в Иерусалим? Дело, выражающее Его великую власть. Меновщиков денег, торжников, которые продавали голубей, волов и овец, за тем и пребывали там, Он изгоняет вон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.